ВОСПОМИНАНИЯ ГИНДЕНБУРГА

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КООПЕРАТИВНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „МЫСЛЬ"
ПЕТРОГРАД—1922

отрывается
блок
30.01.12 г.

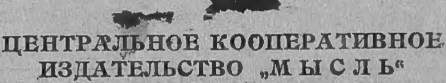
ВОСПОМИНАНИЯ ГИНДЕНБУРГА

Сокращ. перев. с немецк.
Л. ЩЕГЛО.

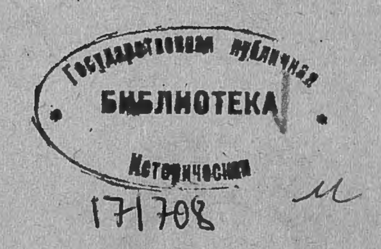

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КООПЕРАТИВНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „МЫСЛЬ“
ПЕТРОГРАД—1922.

Р. Ц. № 2233. Тираж—5000.

Военная типография Штаба Р.-К. К. А. (Площадь Урицкого, 10).

Назначение на пост начальника Генерального Штаба армии.

28 августа 1916 года в Брест-Литовске я получил приказание Его Величества Императора как можно скорее прибыть в его главную квартиру. Причина кратко сообщалась мне Начальником военного кабинета: „Положение серьезно“.

Уже не в первый раз призывал меня мой государь для обсуждения военного положения и военных планов. И на этот раз я думал, что Его Величество желает выслушать мое мнение о каком-нибудь определенном вопросе. Предполагая, что меня недолго задержат, я взял с собою только самое необходимое. 21 августа перед обедом в сопровождении своего шефа я приехал в Плесс. На вокзале, по поручению Государя, меня встретил начальник военного кабинета. Из его уст я впервые узнал о предполагаемом моем и генерала Лудендорфа назначении.

Перед дворцом в Плессе я встретил моего Высочайшего военноначальника, который ожидал Ее Величество Государыню, возвращающуюся из Берлина и приехавшую в Плесс вслед за мною. Государь сейчас-же приветствовал меня, как начальника генерального штаба армии, а генерала Лудендорфа—как моего первого главного генерал-квартирмейстера. Государственный канцлер тоже прибыл из Берлина и, очевидно, был так же, как и я, поражен переменами, о которых при мне сообщал ему Его Величество.

Вскоре затем состоялась передача мне дел моим предшественником. Генерал фон Фалькенгейм подал мне руку на прощание и сказал: „Бог в помощь вам и нашей родине.“

Военное положение в конце августа 1916 года.

Положение на театре военных действий в это время было, по первому моему впечатлению, таково:

Положение на западном фронте было серьезным. Верден не попал в наши руки, не осуществилась также надежда на уничтожение французской армии сильным орудийным

огнем. Все менее вероятным становился здесь успех нашего наступления, но отказаться от него мы не могли. У Соммы велась борьба уже почти два месяца. Один кризис сменялся там для нас другим. Связь между нашими линиями надолго обрывалась.

На востоке русское наступление дошло до самого гребня юго-восточных Карпат, этой последней защиты Венгерской страны. Вряд ли можно было с имеющимися в нашем распоряжении силами удержать в наших руках этот важный пункт.

И в местности перед северо-западной частью Карпат положение было очень напряженное. Правда, натиск русских к этому времени несколько ослабел, но нельзя было расчитывать на то, чтобы эта передышка оказалась длительной.

Австро-венгерское наступление со стороны южного Тироля должно было быть остановлено, в виду поражения на галицийском фронте. Итальянцы также перешли в наступление на фронте Изонцо. Эти бои поглощали большое количество австро-венгерской армии, со славой бившейся там в тяжелых условиях против превосходных сил противника.

В виду общего положения и временных затруднений, большое значение имели также военные операции на Балканах. Начатое болгарами в Македонии наступление должно было остановиться после первых успехов. Политическая цель—удержать Румынию от участия в войне—не была при этом досигнута.

В это время успех всюду был на стороне наших противников. И надо было ожидать, что они постараются использовать положение. Перспектива, быть может, близкого и успешного окончания войны заставляла наших врагов на всех фронтах напрягать свои силы и приносить тяжелые жертвы. На карту становилось все, чтобы нанести смертельный удар силам серединных держав.

Свободные в данное время резервы немецкой и австро-венгерской армии были незначительны.

Пока на угрожаемой трансильванско-румынской границе стояли только слабые посты, а внутри Трансильвании отдыхающие австро-венгерские дивизии, частью совершенно не боеспособные.

Созданные или создаваемые там новые отряды были слишком слабы, чтобы сколько-нибудь серьезно противодействовать румынскому нападению на страну. Условия на южном берегу Дуная были для нас в этом отношении благоприятны.

Вновь образованная армия из болгарских, оттоманских и немецких частей только еще собиралась в болгарской области, пограничной с Добруджей, и вверх по Дунаю. Здесь было всего семь дивизий очень различной силы.

Это было все, чем мы располагали у румынской границы. В дальнейшем силы должны были пополняться либо переброской с других фронтов, либо образованием новых дивизий. Но для того и другого создавшееся положение было неблагоприятно, так как замена одних частей другими грозила серьезными последствиями.

Длительность боев на всех фронтах обширного театра войны вызывала такой колоссальный расход патронов и оружия, который мог стать для нас непосильным.

Политическое положение.

Я должен изложить мое впечатление не только от общего военного положения, но и от политического. Начну с положения в нашем собственном отечестве.

В то время, когда мне было поручено руководство операциями, я считал настроение моей родины если не близким к отчаянию, то во всяком случае подавленным. Несомненно, что военные события последних месяцев внесли разочарование. К этому времени усилилась нужда в самых необходимых предметах потребления. В особенности страдало среднее сословие от необычно неблагоприятных для него хозяйственных условий. Средства к жизни становились все скуднее, перспективы на урожай были не блестящие.

Об'явление войны Румынией, при таких обстоятельствах, требовало еще большего напряжения наших сил. Но родина, казалось, готова была выдержать это. Нельзя было, однако, предсказать, долго ли продержится это настроение. Течение военных событий ближайшего времени должно было быть решающим.

Что касается отношений Германии к своим союзникам, то мы, по утверждению вражеской пропагандистской прессы, безгранично царили над ними. Говорили, что мы держим, так сказать, Австро-Венгрию за горло. Нельзя было более исказить действительное положение вещей. Я думаю, что нигде слабость Германии по сравнению с Англией не проявлялась яснее, чем в политическом влиянии того и другого государства на своих союзников.

Если-бы, например, официальная Италия когда-нибудь осмелилась открыто заявить о своих миролюбивых склонностях, без позволения британцев, то Англия в каждый момент могла бы попросту голодом заставить своих союзников продолжать намеченную политику. Такой же сильной и безусловно властной была позиция Англии по отношению к Франции. Независимой была только одна Россия, но политическая самостоятельность этого самодержавного государ-

ства была стеснена финансовыми и хозяйственными отношениями. Насколько менее благоприятно было в этом отношении положение Германии! Какими политическими, хозяйственными или военными средствами обладали мы, чтобы поставить препятствия отпадению какого-нибудь из наших союзников? Поскольку эти государства не были связаны с нами свободной волей или страхом за свое существование, мы не имели силы удержать их. В этом, с моей точки зрения, была слабая сторона нашего положения.

Перехожу к отдельным союзникам.

Внутренние политические отношения в Австро-Венгрии стали критическими в лето 1916 года. Тамошние политические руководители незадолго до нашего прихода в Плесс признались нашему правительству, что Дунайская монархия не выдержит больше военных и политических неудач. Слишком велико было разочарование. Отступление после многообещающего наступления на Италию, быстрое крушение сопротивляемости на галицийско-волынском фронте возбудили в массе австро-венгерского народа большой пессимизм и недоверие. А это нашло отзвук в народном представительстве и руководящих кругах Австро-Венгрии. Уже не первый раз к нам доходили отзвуки подобных опасных настроений. Слишком мало было там доверия к себе. Не умели об'единить собственные силы, а потому и не верили в их величину. Я, конечно, признаю, что политические затруднения двуединой монархии были бесконечно значительнее, чем затруднения нашего об'единенного отечества. Вопрос о средствах к жизни был также очень серьезен. В особенности терпели нужду немецко-австрийские области. В общем не было, по моему мнению, основания не доверять верности Австро-Венгрии, как союзника. Однако, все же надо было позаботиться, чтобы страна была освобождена как можно скорее от тяготившего ее гнета.

Иным, более крепким в национальном отношении было внутреннее политическое положение в Болгарии. Борясь за государственное об'единение отдельных своих частей, Болгария в то же время вела борьбу за свое первенство на Балканах. Договоры, заключенные с срединными державами и Турцией, и первоначальные успехи войны, казалось, обещали осуществление стремлений Болгарии. Правда, страна вступила в новую войну сильно истощенная последней Балканской войной. Кроме того, к теперешней борьбе приступали не с тем воодушевлением, как в 1912 г. На этот раз приходилось строить скорее на холодном расчете государственных людей, чем на национальном под'еме.

Условия снабжения страны предметами необходимости, применительно к немецкому масштабу, были хороши.

В общем, я думал, что наш союз с Болгарией сможет вынести предстоящие военные тяготы.

Не менее того я надеялся на Турцию. Оттоманское царство вступило в борьбу без всякого стремления к расширению политической власти. Энвер-Паша ясно видел, что Турция не может сохранить нейтралитет в этой войне. И в самом деле, нельзя было ожидать, чтобы Россия и западные державы долго продолжали считаться с ограничением их права—пользоваться морскими проливами. Вступление в войну было для Турции вопросом ее существования пожалуй еще больше, чем для нас всех. Наши противники любезно об'явили нам об этом с самого начала. Турция проявила при этом такую силу, которая удивила всех. Ее активное ведение войны поразило друзей и врагов. Она приковала большие силы противника на всех азиатских театрах военных действий. В Германии часто потом раздавался упрек против высшего командования, которое яко бы дробило свои силы, ради усиления боевой способности Турции. При этом, конечно, упускали из виду, что мы, поддерживая наших союзников, удерживали по крайней мере 100.000 лучших солдат противника вдали от нашего средне-европейского театра войны.

Высшее военное командование.

Опыт весны и лета 1916 г. указывал на необходимость создать для нас и наших союзных армий руководящий и ответственный центр. С согласия правительства было создано высшее военное командование. Это командование было поручено Его Величеству немецкому государю. Начальник генерального штаба немецкой армии получил право „по поручению высшего военного командования“ издавать указания и устанавливать связи с союзными главнокомандующими.

При дружном осмысленном сотрудничестве, в общем равноправных со мною, главнокомандующих союзными армиями я мог ограничиваться применением своих прав в отдельных особенно важных военных решениях. Общие политические и хозяйственные вопросы не обсуждались высшим военным командованием.

Таким образом, моя задача состояла в том, чтобы дать союзникам руководящие указания для общего ведения войны и об'единять их силы и деятельность для общей цели.

Мы все были заинтересованы в том, чтобы высшее военное командование, не считаясь с частными интересами и побочными обстоятельствами, достигло бы крупного успеха на одном из главных театров войны. Но коалиционный

характер войны неизбежно создавал нашему восточному командованию всевозможные затруднения.

Известно, что Германия в этой войне по отношению к своим союзникам была скорее стороной дающей, чем берущей. Это, конечно, не значит, что Германия могла бы вести эту ужасную войну без союзников. Точно так же не соответствует действительности и очень одностороннее утверждение, что Германия опиралась только на слабых союзников. При этом упускают из виду, что и наши союзники во многих местах выдерживали натиск далеко превосходящих сил неприятеля.

Когда я оглядываюсь на прошлое, у меня создается впечатление, что самой трудной задачей для высшего командования было не проведение больших операций, а примирение различных интересов отдельных союзников. Я утверждаю, что в большинстве случаев решающее значение имели политические отношения, а не военные. Особенно затруднено было выполнение наших планов и решений неодинаковым качеством союзных армий. После того, как мы приняли высшее командование, нам пришлось изучать характер и качества союзных армий и в зависимости от результатов пред'являть им те или иные требования. С боеспособностью австро-венгерских войск я ознакомился впервые в походе в Польше, при непосредственном соприкосновении с нашими войсками. Она и тогда не вполне соответствовала тем требованиям, которые мы обычно пред'являли к нашим силам. Главной причиной понижения среднего уровня королевских войск служило, несомненно, то чрезвычайное потрясение, которое армия испытала в начале войны в отважных операциях в Галиции и Польше. Правда, говорилось, что в результате тогдашнего австро-венгерского наступления было сломлено нападение русских войск. Может быть, это следовало делать при менее рискованных обстоятельствах и с меньшими жертвами. Во всяком случае, русское войско после испытанных тогда потерь оправилось, а австро-венгерское—никогда. Напротив, храбрость и предприимчивость австро-венгерских войск сильно поколебалась под влиянием нанесенного им русскими поражения. Все попытки австро-венгерского высшего командования восстановить положение встречали непреодолимые препятствия. Я не хочу говорить о каждом из них в отдельности, я бы хотел только поставить общий вопрос: в человеческих ли силах вызвать новый национальный под'ем и возбудить жажду борьбы в народе, после того, как поколеблено его доверие к своим силам? Как могла армия двуединой монархии, в особенности офицерство, пострадавшее так сильно в первых боях, подняться на прежнюю высоту?

Не надо забывать, что Австро-Венгрия не располагала теми духовными силами, которыми так богата была Германия. Было бы заблуждением утверждать, что австро-венгерская армия в ее целом во всех своих частях одинаково понизилась по качеству. Дунайская монархия располагала до самого конца в высокой степени ценными частями. Правда, во многих местах в критические моменты проявлялся необоснованный пессимизм. Не было свободно от него и высшее австро-венгерское командование. В результате—даже после значительных побед боеспособность наших противников значительно падала.

Эти обстоятельства не могли не колебать уверенности нашего высшего командования. Мы никогда не могли знать, не очутимся-ли, мы, благодаря внезапной уступчивости союзных частей, перед совершенно неожиданным новым положением, которое заставит нас изменить все наши планы. Моменты слабости могут наступить во всякой армии. Это в человеческой натуре, и командование должно с этим считаться. Высокая по качеству часть может легко оправиться и даже в моменты самых тяжелых поражений сохранить элемент боеспособности и сопротивляемости. Горе, однако, если его совсем нет. Это распространяется тогда не только на данную часть, но и на соседние, сами по себе стойкие части, и может повести к катастрофе. В результате этого, нередко рушились все наши расчеты на австро-венгерский фронт. Удивительно ли после этого, что наши солдаты не всегда доверчиво и хорошо относились к своим австро-венгерским товарищам?

В общем, мы, однако, не хотим умалять значение того дела, которое сделано в этой войне Австро-Венгрией, и предаваться горькому чувству разочарования. Дунайская монархия оставалась верной нам союзницей. Мы вместе пережили время успеха и не будем каяться и укорять в момент общего несчастья.

Организация болгарской армии была построена на началах национального единства. В великой войне до осени 1916 г. она пострадала сравнительно мало. Но не следует забывать, что она перед этим пережила другую кровавую войну, где погиб цвет офицерства и всей интеллигенции страны. Возрождение армии было для Болгарии задачей не менее трудной, чем для Австрии. К тому же балканские государства не располагали всеми необходимыми для современной войны боевыми и транспортными средствами. Это становилось тем более чувствительным, что на македонском фронте мы имели дело с французскими и английскими образцовыми войсками. Неудивительно поэтому, что мы поддерживали Болгарию не только материальными средствами, но и живою силою.

Опять-таки иным, чем в австро-венгерской и болгарской, было положение в турецкой армии. Наша военная миссия не располагала достаточным временем, чтобы к моменту войны привести в должное состояние турецкую армию. Ей все же удалось сделать многие турецкие части достаточно подвижными. Но турецкая армия чрезвычайно сильно пострадала у Дарданелл и при первом наступлении в Армении. Несмотря на это, ее силы казались высшему военному командованию достаточными для выполнения поставленной ей задачи: защитить турецкие владения. Считалось даже возможным современем пустить в дело сильные части оттоманской армии на западно-европейские фронты. Наша военная поддержка Турции ограничилась тем, что мы снабжали ее военными средствами и поставляли многочисленных офицеров.

Немецкие части, посланные на турецкий фронт осенью 1916 г., были постепенно возвращены, с согласия высшего турецкого командования, после того, как оно нашло возможным заменить их турецкими. Наша материальная помощь доходила до северного берега Африки. Мы доставляли на подводных лодках преимущественно оружие и патроны. Если наша помощь была и не очень значительна, то все же она содействовала сильному под'ему военного духа магометанских народов. Мы еще и до сих пор не можем оценить практических результатов их борьбы. Возможно, что они были значительнее, чем мы думали. Мы пытались поддержать наших товарищей по оружию и за пределами северного берега Африки. Так, между прочим, по инициативе Энвер-паши, мы оказали финансовую помощь тем родам в Иемене, которые остались верными своему падишаху в Константинополе. Дорога туда по суше была закрыта восставшими кочевниками Аравийской пустыни, а берега Красного моря недоступны для наших подводных лодок. Нам оставался, таким образом, только воздушный путь. К сожалению, и этот план пришлось оставить,—у нас не было тогда ни одного воздушного корабля, который мог бы преодолеть все трудности перелета через пустыню.

Кстати, я должен упомянуть, несколько забегая вперед, что я с живым интересом следил за попыткой в 1917 г. воздушным путем снабжать нашу охрану в восточной Африке оружием и медикаментами. Цеппелин, как известно, должен был повернуть через Судан, так как наша часть в это время подвинулась уже к югу и перенесла свои операции в португальские владения восточной Африки. Я не стану подробно описывать, какое гордое чувство охватило меня, когда я мысленно следил за сверхчеловеческими подвигами этой части. Она воздвигла в Африке вечный памятник немецкому героизму.

Оглядываясь на действия наших союзников, я должен признать, что они напрягали свои силы на служение нашему общему великому делу постольку, поскольку это им позволяли их государственные, экономические, военные и моральные рессурсы. Идеала, конечно, не достиг никто, но всего ближе к нему были мы—благодаря нашим огромным силам, накопленным в течение последнего десятилетия. Только здоровое государство, своими жизненными элементами подавляющее в решительный момент все нездоровое, может выполнить то, что выполнили мы—и выполнили в гораздо большей степени, чем были обязаны по отношению к союзникам. Этим положением мы обязаны, как доказывает история, главным образом Гогенцоллернам, а из них, в последний период немецкого влияния—нашему государю Вильгельму II. Верный преданиям своего дома, этот властитель видел в армии лучшую школу для народа и неутомимо работал над ее усовершенствованием. Немецкая армия была поэтому первой в мире. До войны она охраняла мирную работу, во время войны—являлась центром всех союзных сил.

Плесс.

Верхнесилезский городишко Плесс уже давно был выбран немецким высшим командованием армии, как место для временного пребывания главной квартиры. Выбор на этот город пал потому, что он находился вблизи стоянки королевского главного командования, находившегося в австрийско-силезском городе Тешене. И теперь эта главная квартира была сохранена из-за удобства быстрых личных переговоров между обеими главными квартирами.

Немецкая главная квартира, конечно, являлась местом свидания немецких и союзных властителей, которые хотели беседовать с моим государем по политическим и военным вопросам. Один из первых монархов, с которым я имел честь там ближе познакомиться, был царь Фердинанд Болгарский. Он произвел на меня впечатление выдающегося дипломата. Его политические взгляды выходили далеко за пределы Балкан. Он мастерски умел, при этом, в решающих вопросах мировой политики осветить положение своей страны и выдвинуть ее на первый план. Задачей будущего Болгарии он считал конечное об'единение всех болгарских частей под единой властью и устранение русского влияния. Об иных целях своей политики царь никогда не говорил мне. Особенное впечатление произвело на меня то, как властитель болгар руководил политическим воспитанием своего сына. Кронпринц

Борис был до известной степени личным секретарем своего царственного отца. Он, казалось мне, был посвящен во все тайные политические мысли царя. Высоко одаренный, с тонким мышлением, принц играл эту важную роль с большим тактом.

Внешнюю политику своего государства царь вел, в сущности, совершенно один. Я не знаю, насколько он руководил внутренней политикой. Я думаю, однако, что он умел противопоставить парламентской анархии Болгарии свою мощь, прибегая даже к автократическим средствам. В этом отношении его задача была, конечно, тяжелая. Болгары, как и все балканские народы, от рабства сразу перешли к полной политической свободе. Им поэтому не хватало той выучки, какая приобретается упорной работой, и от недостатка ее этот быстро приспособляющийся народ будет терпеть еще десятки лет.

Болгарский король являлся в это время во всяком случае одним из наиболее могущественных властителей. По отношению к нам он был верным союзником.

Во время нашей стоянки в Плессе умер царь Франц-Иосиф. Его смерть была для дунайской монархии и для нас потерей, значение которой мы оценили только впоследствии. Не было сомнения, что с его смертью для народов двуединой монархии исчезла почва для об'единения. С уважаемым старым государем навсегда была похоронена часть национального самосознания многонародного государства. Размер и разнообразие затруднений, которые встретил молодой царь, не идут в сравнение с теми, которые обычно возникают при смене престола в государстве с единым народом. Новый властитель попытался заменить исчезнувшую со смертью Франца-Иосифа моральную связь мерами, примиряющими народности. Даже на антигосударственные элементы он хотел оказать моральное влияние политическими милостями. Это средство было совершенно непригодно: эти элементы давно заключили договор с нашим общим врагом и были далеки от того, чтобы добровольно нарушить его.

Живые личные отношения, которые установились у нас в Плессе с тогдашним австрийским главнокомандующим Конрадом фон-Гецендорф, укрепили во мне то впечатление, которое у меня сложилось о нем, как о солдате и полководце. Генерал фон-Гецендорф был очень одаренной личностью, ярым австрийским патриотом и приверженцем нашего общего дела. Ко всем политическим влияниям, которые могли сбить его с этой позиции, он относился отрицательно. Гецендорф задался очень широкими оперативными планами. Из массы побочных явлений он сумел выделить важные для нас вопросы. Он был особенно хорошим знатоком отношений Бал-

кан и Италии. Ему были хорошо известны те значительные затруднения, которые мешали созданию в австрийской армии единого национального духа. Тем не менее, он все же в своих широких планах иногда переоценивал силы вверенной ему армии.

В течение осени и зимы я познакомился в Плессе также и с военными руководителями Турции и Болгарии. Энвер-паша обнаружил чрезвычайно широкий взгляд на ведение современной войны. Преданность этого турка нашему общему великому и тяжелому делу была безусловна. Я никогда не забуду того впечатления, которое на меня произвел турецкий вице-генералиссимус во время нашего первого совещания в начале сентября 1916 г. Он тогда, по моей просьбе, обрисовал военное положение Турции. Он нарисовал исчерпывающую картину, с замечательной ясностью, определенностью и откровенностью. Повернувшись ко мне, он закончил следующими словами: „Положение Турции в Азии в некоторых отношениях очень затруднительно. Мы должны опасаться, что нас отбросят еще дальше в Армению. Не исключена также возможность возобновления боев в Ираке. Я думаю также, что англичанин скоро будет в состоянии напасть на нас с превосходными силами в Сирии. Но что бы ни случилось в Азии, исход войны будет зависеть от положения на европейских фронтах, поэтому я предлагаю воспользоваться всеми моими свободными дивизиями“. Более деловито и самоотверженно не говорил до сих пор ни один сановник. И это не осталось только словами.

Но при всем высоком понимании выгод в целом, у Энвера-паши все же не хватало основательной военной подготовки, я бы сказал, подготовки генерального штаба. Этот недостаток был, очевидно, общим для всех турецких полководцев и их штабов, и получалось впечатление, будто корни его лежат в самой натуре восточного человека. Лишь весьма немногие офицеры турецкой армии были в состоянии технически осуществить правильно задуманную операцию. Не хватало сознания необходимости на ряду с большими задачами не пренебрегать и маленькими.

Наш болгарский товарищ по борьбе, генерал Исков, был человек трезвых взглядов, не чуждый широких идей, но кругозор его ограничивался, главным образом, отношениями на Балканах. Я не могу сказать, насколько он в этом отношении был подчинен своему правительству, но во всяком случае он был горячим приверженцем того направления военной политики, которого оно придерживалось. На внутреннюю политику правительства он, вероятно, не имел никакого влияния. Генерал Исков любил своих солдат и был ими любим. Он очень доверял им в политическом отношении. Замеча-

тельны его слова, произнесенные им, когда возникло сомнение,—не откажется ли болгарский солдат сражаться против русских: „Если я скажу моим болгарам, что они должны сражаться, то они пойдут против кого бы то ни было“. Впрочем, генерал знал некоторые слабости своих солдат, вытекающие из народного характера. Об этом я еще буду говорить после. Кроме военных деятелей, я еще познакомился в Плессе с политическими деятелями наших союзников. Остановлюсь пока на турецком великом визире Талаат-паше и болгарском министре-президенте Радославове.

Талаат-паша производил впечатление гениального государственного человека. Если ему не удалось искоренить эгоизм и национальную лень, то это об'ясняется исключительною трудностью задачи. Нельзя было в месяцы исправить то, что накоплялось годами. Сам он чистыми руками управлял государством и оставался чистым до конца. Талаат-паша был в полном смысле слова представителем старой рыцарской Турции. Безусловно честным в политике он был в 1916 г. и таким покидал нас осенью 1918 г. Слабость турецкого государственного управления, в сильной мере, обусловливалась внутренними отношениями. Так называемый правящий комитет, руководившийся политическим и хозяйственным эгоизмом, вмешивался в дела военного управления и часто связывал ему руки, отнимая у него возможность исправлять замеченные недостатки. Правда, отдельные выдающиеся люди делали все, что было в их силах. Но государственная власть не могла больше держать в руках государство. Сердце страны, Константинополь, пульсировало слишком слабо и не разносило здоровой, освежающей государственной струи по провинции. Правда, во время войны появились новые идеи и они росли с лаврами военных побед у Дарданелл и на Тигре. Начали мечтать о религиозном и политическом об'единении всего ислама. Несмотря на очевидную неудачу провозглашения священной войны, утешались выступлением магометанских борцов за веру, в северной Африке, например. Ход событий должен был, однако, доказать, что это явление религиозного фанатизма покоилось только на местных особенностях, и что было заблуждением расчитывать на распространение его на далекие области внутренней Азии. Даже больше—это несло с собою роковую военную опасность.

Радославов в своих политических воззрениях был еще большим реалистом, чем талантливый Талаат-паша. Я сомневаюсь, чтобы он ясно сознавал, какое величие и мужество было проявлено Болгарией вместе с нами в 1915 г. Он был всегда безусловно честен по отношению к нам в своей внешней политике.

Болгарское партийное движение не прекращалось во время войны и сильно захватывало армию; борьба партийных групп переносилась в войско и в среду командиров: руссофильские идеи тоже вбивали сюда клин. Это лежит на совести Радославова.

Жизнь в главной квартире.

Побуждаемый тем интересом к моей личной жизни, который многими был проявлен во время войны, я бы хотел описать теперь свою повседневную жизнь в главной квартире. Я прошу тех, кто среди крупных мировых событий не хочет останавливаться на этих мелочах, просто пропустить эти страницы.

Осенью 1914 года во время движения войск в Восточной Пруссии и Польше нельзя было и думать об урегулировании жизни штаба нашей армии. Только с перенесением нашей квартиры в Позен в ноябре 1914 года началась некоторая планомерность в нашей служебной и неслужебной жизни, если только можно говорить о последней во время войны. Позднее, длительная стоянка в Летцене дала возможность установить строго-регулярный ход нашей работы.

Мое назначение начальником генерального штаба армии по существу ничего не изменило в привычном ходе занятий, хотя с этих пор и наступила для нас в некоторых отношениях более оживленная жизнь.

Обычный рабочий день начинался для меня с того, что в 9 час. утра, после приема донесений, я отправлялся к генералу Людендорфу, чтобы с ним обсудить изменения в положении и отдать необходимые распоряжения. Обычно не надо было много слов: мы оба непрерывно жили войной и понимали друг друга с полуслова. Решения поэтому не требовали длительных обсуждений.

После этого совещания, я впродолжение часа совершал прогулку, сопровождаемый моим ад'ютантом. Иногда я приглашал на утреннюю прогулку гостей главной квартиры. Они делились со мною своими волнениями, и я иногда успокаивал их, прежде чем они направлялись к моему главному генерал-квартирмейстеру, чтобы перед ним высказать свои надежды, планы и пожелания.

После моего возвращения в служебное помещение, продолжались обсуждения с генералом Людендорфом, затем в своей рабочей комнате я принимал доклады непосредственно от

начальников частей и просматривал свою личную корреспонденцию. Не мало людей письменно открывали передо мною свою душу и мысли. Я не мог все читать сам, а должен был пользоваться для этого работой особого офицера. В этой корреспонденции была и поэзия, и проза. Часто трудно было найти связь между обращенной ко мне просьбой и моим положением... Например, я никогда не мог понять, что общего между моим положением начальника штаба армии и настоятельной необходимостью одного провинциального городка вывезти щебень или с утерянной одной немкой метрикой. Однако, в обоих случаях ко мне обращались за помощью. Несомненно, что в таком письменном обращении ко мне заключалась трогательная, хотя и наивная, вера в мое личное влияние. Когда у меня было время, и представлялся к тому случай, я охотно помогал, хотя бы своею подписью. От дальнейшего я, конечно, должен был отказываться. В обеденный час я регулярно ходил с докладом к Его Величеству Императору. К этому времени генерал Людендорф делал наброски картины положения. В более серьезных случаях я сам составлял доклад, и, когда встречалась необходимость, испрашивал утверждение императором наших планов. Высокое доверие императора освобождало нас, во всех маловажных вопросах, от особого высочайшего утверждения. Впрочем, и при рассмотрении планов новых операций Его Величество большею частью удовлетворялся моими обоснованиями. Прекрасная память императора сильно поддерживала нас на этих докладах: Его Величество не только подробно штудировал карты, но и сам делал наброски.

По окончании доклада императору, за обедом у меня собирались офицеры моего штаба. Обеденное время было очень ограничено. Я считал необходимым дать офицерам время отдохнуть. К сожалению, я не мог удлинить обеденное время даже и тогда, когда у нас были за столом гости. Сохранение трудоспособности моих сотрудников я должен был ставить на первый план: ведь от большинства этих офицеров требовалась шестнадцати-часовая ежедневная работа. И это впродолжение всей многолетней войны. Мы ведь были вынуждены при штабе, как и в окопах, использовать наш человеческий материал до последней степени.

Послеобеденное время мало отличалось от предобеденного. В сильном утомлении садились все в 8 часов за ужин. Он заканчивался групповыми беседами в соседних комнатах. Ровно в 9½ часов вечера генерал Людендорф давал знак к окончанию бесед. Разговор в нашем кругу был всегда очень оживленный. Он непринужденно и откровенно касался непосредственно затрагивающих нас дел и фактов. Здесь царило и веселье. Поддерживать его я считал своим долгом перед

сотрудниками. Я радовался тому факту, что наши гости часто бывали поражены с одной стороны уверенным спокойствием, с другой—непринужденностью нашего обращения.

По окончании нашего вечернего совместного пребывания, мы все отправлялись в служебное помещение. Туда в это время поступали последние дневные донесения, и там зарисовывалось положение на различных фронтах. Об'яснения давал один из молодых офицеров генерального штаба. От событий на театре военных действий зависело, должен ли я был теперь же еще раз подробно говорить с генералом Людендорфом или мог освободить его. Для офицеров моего более тесного штаба теперь начиналась новая работа. Часто только в это время намечались окончательные решения и распоряжения и рассылались предписания и предложения по армиям и другим местам.

Занятия никогда не кончались раньше полуночи. Доклады начальников частей генералу Людендорфу почти никогда не кончались раньше первых часов следующего дня. Только в самое спокойное время мой главный генерал-квартирмейстер мог покинуть свою рабочую комнату перед полуночью, чтобы снова явиться туда в начале 8-го часа утра. Мы все радовались, когда генерал Людендорф мог позволить себе более ранний отдых. Жизнь, труд, мысли и чувства у всех были общие. Воспоминание об этом и теперь вызывает у меня чувство благодарности и удовлетворения.

В общем мы представляли собою тесно спаянный круг. Конечно, смена персонала происходила незначительная. Все же от времени до времени было возможно, удовлетворяя настоятельные требования офицеров, хотя бы временно посылать их на фронт. Были также случаи необходимости посылки офицеров в особенно важные части нашего фронта или фронта наших союзников. В общем же разносторонняя и в высшей степени сложная работа требовала длительного пребывания по крайней мере старших офицеров на своих местах в штабе.

Картина нашей жизни была бы не закончена, если бы я ничего не упомянул о посетителях, которые бывали у нас постоянно. Я не имею при этом в виду тех, кто соприкасался с нами по службе, а лишь тех, кто прибыл к нам из совершенно иных побуждений. Число наших гостей было велико. Редкий день обходился без них. Не только Германия и ее союзники, но и нейтральные страны поставляли значительный контингент. Часто наши ряды за столом производили впечатление пестрого смешения народов. Случалось, что рядом сидели носители христианской религии и магометане. Люди всех состояний и партийных взглядов находили у нас

сердечный прием. Я всем посвящал свое скудное свободное время. Среди политиков я вспоминаю с особой любовью графа Тиссу, посетившего меня зимою 1916—17 года. Человек сильной воли, он весь был проникнут ярким патриотическим чувством. И другие политики всевозможных оттенков, из наших и союзных стран, заезжали ко мне. По направлению многие из них были мне чужды, но все одинаково относились к общему великому делу. Я пожимал мозолистые руки ремесленников и рабочих и радовался их откровенным речам. Представители промышленности и люди науки знакомили нас с новыми открытиями и идеями и рисовали новые хозяйственные планы. Они, правда, жаловались на узкий бюрократизм родины и на недостаток средств для осуществления их идей. Бюрократы, с своей стороны, жаловались на жадность опасных фантазеров и на безудержанность планов изобретателей. Я припоминаю вопрос одного чиновника финансового ведомства, занимающего высокий пост. Он хотел знать стоимость выстрела орудия каждого калибра, чтобы приблизительно вычислить стоимость каждой битвы. Он избавил меня от результатов своих вычислений, вероятно, потому, что не надеялся, чтобы это заставило меня уменьшить расход патронов. К нам приезжали не только по необходимости, но и из любопытства. Не могу сказать, оправдывали ли ожидания эти посещения. Я же был всегда очень рад, когда нас посещал хороший армейский офицер, на котором были следы тяжелых битв и суровой жизни. Краткие рассказы из военной жизни говорили больше, чем длинные письменные отчеты. Пережитая действительность часто вставала передо мною. Конечно, в этой ужасной войне, сравнительно с прежними, все было фантастично. Битвы прошлых войн, длившиеся часами, в нынешнюю войну сменились титанической борьбой, длящейся месяцами. Человеческие силы, кажется, не имеют границ. Граф Цеппелин также посетил нас в Плессе и на всех нас подействовал трогательной простотой своего обращения. Он уже тогда считал, что его воздушные корабли устарели для войны. По его мнению, будущее господство в воздухе принадлежит аэроплану. Граф умер вскоре после этого посещения, до несчастий своего отечества. Счастливый человек! Еще два других знаменитых завоевателя воздуха были у нас по моему приглашению,—молодые непобедимые герои: Белке и фон Рихтгофен. Бодрые и скромные, они радовали нас. Честь их памяти. Среди моих гостей были и командиры подводных лодок, в том числе командир подводной лодки „Германия", капитан Кениг.

Так все сословия и состояния были близки нам, и я ощущал биение пульса в армии, на родине и у наших союзников.

Военные события до конца 1916 года.

Румынский поход.

Наше политическое положение в румынском вопросе в течение 1915—16 г. ставило большие требования не только к нашему правительству, но и к нашему военному командованию.

Не могло быть ни малейшего сомнения, что Антанта на нашем месте устранила бы, по крайней мере в 1915 г., румынскую опасность или, лучше сказать, румынскую военную угрозу. Она применила бы средства, подобные тем, какие применяла к Греции. Как это обнаружилось после, Румыния летом 1916 г. была втянута в водоворот войны ультиматумом Антанты. Ей было предписано или немедленно выступить, или надолго отказаться от планов расширения своей территории. Для нас такое средство было бы слишком сильным. Мы думали обойтись с Румынией осторожнее,—конечно, в надежде, что она сама выкопает себе могилу. Правда, это так и случилось, но после каких кризисов и жертв!

Момент выступления Румынии на стороне наших противников уже приближался, когда произошло поражение австро-венгерской армии на восточном фронте. Эта опасность угрожала бы, пожалуй, даже и в том случае, если бы мог быть осуществлен немецкий план большого контр-наступления на русское южное крыло, выдвинувшееся до Карпат. Однако, все новые поражения на австро-венгерских линиях задержали эту операцию. Силы для нападения таяли на оборонительных фронтах.

В виду того оборота, какой приняли бои на восточном фронте, немецкое высшее командование армией, в средине августа, с согласия генерала Искова, выступило на помощь и силами болгарских фланговых армий повело большую битву при Салониках против сил Антанты. Эта идея и в политическом, и в военном отношении была совершенно правильной. Если бы задача удалась, то это могло бы послужить острасткой для Румынии. Румыния, пожалуй, вышла бы из войны, если бы большие силы болгар освободились бы для другого применения. Правда, это болгарское наступление привело к некоторым противоречиям в военных распоряжениях немецкого высшего командования. В виду того, что оно вынуждено было одновременно стягивать войска в северной Болгарии, чтоб отрезвляюще действовать на румынские военные страсти, часть сил, предназначенных на македонский фронт, из политических соображений должна была быть переброшена на Дунай. Действия немецкого высшего командования, с одной стороны, об’ясняются

теми надеждами, которые возлагались на наступление болгарских войск, с другой же — недооценкой сил противника при Салониках. При этом допустили особенно крупную ошибку, не учтя значения выступающих там шести новых сербских пехотных дивизий.

Исход наступления в Македонии поставил перед немецким высшим командованием новый серьезный вопрос. Надо было ожидать, что неудача болгарских операций на македонском фронте возбуждающе подействует на политические круги в Бухаресте. Должно ли было высшее немецкое командование перевести силы с Дуная в Македонию, чтобы еще раз попытаться мечом разрубить румынский гордиев узел? Об'явление войны Румынией освободило высшее командование от этой необходимости.

Таковы были общие условия к югу от Дуная. Не менее трудным было положение к северу от Трансильванских Альп. В то время, как Румыния открыто вооружалась, бои на немецком западном фронте и на австрийском восточном и южном поглощали все, что было в резерве. Нельзя было, казалось, освободить никаких сил против Румынии. При этом руководились правильной мыслью—не оставлять в бездействии боевые силы, которые только что были в употреблении. Таким образом, об'явление войны Румынией 27 августа застало нас почти безоружными по отношению к новому врагу. Я остановился на этих обстоятельствах более подробно, чтобы лучше выяснить условия того кризиса, который начался для нас с этого дня.

28 июля 1916 года в Плессе состоялось совещание по этому поводу начальников армии Германии, Австро-Венгрии и Болгарии. В результате этого совещания был выработан план войны, во втором пункте которого говорится дословно следующее: „Если Румыния присоединится к Антанте—быстро и сильно наступать, чтобы перенести военные действия с болгарской почвы и, по возможности, с австро-венгерской—на румынскую".

28 августа мой предшественник отдал генерал-фельдмаршалу фон Макензену приказ о быстром наступлении. Направление предоставлялось определить фельдмаршалу. Вот каково было военное положение по отношению к Румынии 29 августа, когда я принял руководство операцией. Положение было трудное. Поистине, еще никогда не выпадала на долю такого сравнительно небольшого государства историческая мировая роль в такой благоприятный момент. Никогда такие великие державы, как Германия и Австрия, не были до такой степени истощены. Судя по общему военному положению, можно было бы сказать, что достаточно Румынии выступить, чтобы решить мировую войну в пользу тех, кто годами бился

против нас. Нигде это не сознавалось яснее, чем в Болгарии, где этого больше всего опасались. Правительство Болгарии не скоро решилось принять участие в войне. Можно ли его упрекать за это? Когда, наконец, последовало об'явление войны Болгарией, страна двинула все свои силы, воодушевленная народной ненавистью. Эта ненависть выросла в 1913 году, когда румыны напали в тыл Болгарии, бившейся с Сербией и Грецией. Намеченный военный план, вследствие нашей недостаточной подготовленности, конечно, потерял всякое значение. Противник на первых порах пользовался полной свободой действий. Румынская армия, вполне готовая к войне, достаточно многочисленная, поддерживаемая еще русскими, внушала опасения, что наши средства будут недостаточны, чтобы парализовать ее действия. Я в особенности опасался румыно-русского наступательного движения на юг. Сами болгары высказывали сомнение,—будут ли их солдаты сражаться против русских. Твердая уверенность в этом отношении генерала Искова—я уже об этом говорил раньше—не всеми разделялась. Не было сомнений, что наши противники расчитывают на это руссофильское настроение, по крайней мере большей части болгарской армии. Не говоря уже об этом, Румынии не трудно было наступлением на юг соединиться с армией Антанты в Македонии. Но каково было бы наше положение, если бы противнику удалось снова разорвать нашу связь с Турцией, подобно тому, как это случилось перед проведением операции против Сербии, или же отрезать от нас хотя бы Болгарию?

Приказ моего предшественника о немедленном выступлении безусловно отвечал требованиям момента. Переход через Дунай с силами, стоящими в северной Болгарии, правда, не мог при этом иметь значения. Достаточно было бы, если бы мы одержали верх над противником в Добрудже и нарушили тем самым план его похода. Чтоб вернеее достигнуть этой цели, мы должны были вызвать у румынского командования опасения насчет обеспеченности тыла их главных сил, расположенных на границе Трансильвании. И это нам удалось.

Румынию преследовал злой рок: ее армия не двигалась, ее вожди ничего не понимали, а нам удалось во-время собрать достаточные силы в Трансильвании,—достаточные, конечно, для такого противника. Нас, может быть, назовут безумно-храбрыми, когда узнают, с какими силами мы предприняли наступление против румынской армии, с какими силами генерал фон Фалькенгейм 29 сентября прорвал западное румынское крыло при Германштате. 11 ноября мы вторгаемся в Румынию. 3 декабря, почти без сопротивления, в наши руки отдается Бухарест. Вечером того же дня я заключал общий доклад о военном положении словами: „Прекрасный день“.

Завоевание румынской столицы представлялось нам, правда, делом более трудным. Мы считали Бухарест сильной крепостью, для завоевания которой передвинули тяжелую артиллерию, а знаменитое укрепленное место оказалось открытым городом. Наш шпионаж, так прославленный нашими врагами, не мог даже во-время довести до нашего сведения, что Бухарест перед началом румынского похода перестал быть крепостью. Трагическая судьба Румынии свершилась. Весь мир, Румыния прежде всего, должен был признать, что не пустой звук слова старой немецкой песни.

„Wer Unglück will im Kriege han
Der binde mit dem Deutschen an“ [1]).

Однако, я вовсе не хочу умалить роль Австро-Венгрии, Турции и Болгарии в этом большом и прекрасном деле. Все наши союзники были на местах и преданно помогали. Румыния, державшая в своих руках судьбы мира, должна была радоваться, что русская помощь спасла ее армию от полного уничтожения. Ее мечта, что еще раз, как в 1878 г. при Плевне, русские, скрепя сердце, выразят ей свою благодарность за оказанную услугу, на этот раз не оправдалась. Времена меняются. Моему высшему военноначальнику я, в конце октября 1916 г., высказал свой взгляд, что мы к концу года закончим румынский поход. 31 декабря я мог доложить Его Величеству, что наши войска достигли Серета, и что болгары стоят на южном берегу Дунайской дельты. Цели наши были достигнуты.

Восточный и западный фронт к концу 1916 г.

В то время, как мы одерживали победу над Румынией, беспрерывно шло наступление русских в Карпатах и в Галиции. Русские не предполагали, что им придется непосредственно поддерживать нового союзника в его наступлении на Трансильванию. Эта румынская операция должна была быть облегчена непрерывным продолжением русского наступления на галицийском фронте. Однако, в Добрудже русские оказали непосредственную помощь румынам и с самого начала. Это было сделано как из политических, так и из военных соображений. Россия сильно расчитывала на руссофильские течения в болгарской армии. Поэтому в начале боев в южной Добрудже русские офицеры и солдаты делали попытки сблизиться с болгарами и были очень разочарованы, когда болгары ответили им огнем. К этому надо прибавить, что Россия не считала вопросом политического самолюбия захват Румынской Тран-

[1]) „Кто хочет быть несчастлив в войне, тот свяжись с немцем“.

сильвании, но не могла перенести, чтобы новый союзник собственными силами поверг Болгарию, да потом, пожалуй, пошел на Константинополь или во всяком случае очистил путь к нему. Религиозное и историческое право первенства на завоевание Константинополя уже много веков остается за Россией. Мы не будем говорить о том, умно ли было с русской стороны предоставить румынам вести операцию в Трансильвании без непосредственной поддержки хотя бы несколькими русскими частями. Во всяком случае, при этом были переоценены сила румынской армии и способности ее руководителей. Силы же срединных держав на восточном фронте, вследствие наступления русских, считались совершенно связанными и даже исчерпанными. Эти наступления не достигали, однако, своей цели в полном об'еме, часто ставя нас, впрочем, перед серьезными кризисами. Положение иногда обострялось настолько, что мы опасались, чтобы наша оборона не была сброшена с вершин Карпат.

В Галиции мы также всеми мерами должны были удерживать русских. Уступка какого-нибудь участка сама по себе имела бы очень малое военное значение, если бы за нашей галицийской позицией не находились важные стратегические пункты. Из этих соображений те части, которые были назначены для наступления на Румынию, нередко заменяли собой колеблющиеся фронтовые части. Если, наконец, мы и превозмогли критическое положение, и поход наш против Румынии закончился благополучно, то все же нельзя утверждать, что русское наступление совершенно не достигло своей цели. Румыния была побеждена, конечно, не по вине своих союзников. Антанта, напротив, делала все, что могла, не только непосредственной помощью румынской армии, но и нападением в Македонии, итальянским наступлением на Изонцо и, наконец, продолжением англо-французского наступления на западе.

Мы с самого начала расчитывали, что со вступлением Румынии в войну наш противник возобновит свое наступление со всей силой на нашем западном фронте. Так и случилось. Наше руководство обороной было очень простое. Мы не могли думать о решительном наступлении, вследствие недостатка сил у Вердена и на Сомме, хотя я и стремился к этому. Вскоре после моего назначения главнокомандующим армией, я был вынужден, на основании общего положения, дать на утверждение Его Величеству императору приказ о прекращении нашего наступления у Вердена. Было ясно, что это предприятие было во всех отношениях безнадежным, и продолжение его стоило бы гораздо больших потерь нам, чем противнику. Наши передовые позиции находились на линии перекрестного огня могучей артиллерии против-

ника, связь между боевыми линиями была чрезвычайно затруднена.

Поле битвы было истинным адом, и в этом смысле о нем создалась слава среди солдат. Теперь, оглядываясь назад, я не премину сказать, что мы по чисто военным соображениям хорошо бы сделали, если бы улучшили положение у Вердена не только окончанием наступления, но даже добровольною сдачею больших участков завоеванной земли. Однако, осенью 1916 г. я должен был отказаться от этого. Это предприятие поглотило огромную массу наших лучших боевых сил, родина ждала решительной победы. Слишком легко могло создаться впечатление, что все жертвы принесены напрасно. Я не хотел этим усиливать подавленное настроение моей родины. Надежда, что, с приостановкой нашего наступления у Вердена, противник перейдет к чисто позиционной войне, не осуществилась. В конце октября французы предприняли на восточном берегу Мааса большой, смело проведенный контрудар и опрокинули наши линии. Мы потеряли Дуамон. Бои у Вердена прекратились только в декабре. Если нашим западным противникам не удавалось достичь решительных результатов в боях 1915—1917 гг., то причиной этому была известная односторонность их командования. У них не было недостатка ни в человеческом материале, ни в орудиях, ни в патронах. Нельзя также сказать, чтобы солдаты противной армии не удовлетворяли требованиям более деятельного и идейного командования, кроме того, наши западные противники имели полную возможность, при широко развитой сети железных и шоссейных дорог и при наличии массы вспомогательных средств, проявить больше инициативы и ловкости в операциях. Длительность нашего противодействия об'ясняется между прочим также и известной бесплодностью вражеских планов. Но все же чрезмерны были и требования, пред'являемые на тамошних полях битв к нашим командирам и к нашим солдатам.

В начале сентября я посетил западный фронт вместе с моим главным генерал-квартирмейстером. Мы должны были как можно скорее познакомиться с тамошними условиями борьбы, чтобы действительно придти на помощь. Его Королевское Высочество немецкий кронпринц присоединился к нам в дороге. Его бодрость и здоровый военный ум всегда возбуждали во мне радость и надежду. В Камбрэ я передал по приказу Его Величества императора двум другим испытанным военноначальникам, наследникам баварского и вюртембергского престолов, предназначенные им фельдмаршалские жезлы и затем имел продолжительную беседу с начальником генерального штаба западного фронта. Из его слов вытекало, что необходимо было действовать быстро и энергично, чтобы

до известной степени сгладить наш ужасающий недостаток в летательных аппаратах, оружии и патронах. Железные силы генерала Людендорфа превозмогли этот кризис. К моей радости, я слышал после от фронтовых офицеров, что уже скоро в частях обнаружились результаты переговоров в Камбрэ.

Серьезность требований, пред'явленных к западной армии в это первое посещение Франции, рельефно обрисовалась для меня. И только тогда я понял, что совершила наша западная армия, и как неблагодарна была задача для командования и солдат. Ведь в вынужденной чистой обороне никогда не видно было успеха. Результат оборонительной борьбы, даже если он победоносен, никогда не дает возможности участнику обороны освободиться от гнета или, лучше сказать, от ужасов поля сражения. Солдат лишен того душевного под'ема, который охватывает его при продвижении вперед. Как много наших доблестных солдат лишены были возможности пережить это! Они не видели ничего иного, кроме окопов и насыпей, в которых и из-за которых они месяцами боролись с неприятелем. Какая трата нервов без восстановления их! Какая сила сознания долга нужна для этого, и какая нужна самоотверженность, чтобы годами переносить это отречение от высшего военного счастья! Я открыто признаю, что был глубоко потрясен этими впечатлениями. Теперь я понимаю, почему все, и офицеры, и солдаты, стремились вырваться из этих условий, как сильно охватывала всех надежда, что, наконец, после этих истощающих боев, начнется и на западном фронте большое наступление, бодрая военная жизнь.

Еще долго должны были ждать этого наши командиры и солдаты, и многие из них погибли раньше в различных окопах.

Мое отношение к политическим вопросам. Внешняя политика.

Богатое историческое прошлое нашего отечества, жизнь его великих сынов всегда живо интересовали меня. И даже на войне я не мог не углубляться в эти вопросы. И все же можно с уверенностью сказать, что по натуре я не политический деятель. Может быть, для этого слишком слаба моя способность к политичекой критике, а, может быть, слишком сильно развито во мне чувство солдата. Последняя причина также об'ясняет мое отрицательное отношение ко всякой дипломатии. Впрочем, я вообще считаю (и часто и громко повторял это во время войны), что дипломатия—занятие не по нас и пред'являет нам, немцам, требования, которые мы

не можем удовлетврить. В этом заключается, конечно, одна из главных причин отсталости нашей военной политики. И отсталость эта тем заметнее, чем больше развивается наша торговля и промышленность, чем сильнее распространяются наши духовные силы за пределами нашего отечества, чем быстрее мы становимся мировым народом. Я не всегда видел в наших политиках то спокойное сознание своей государственности, каким обладают политики английские.

И во время моей деятельности на высших командных постах на востоке, и после моего назначения начальником генерального штаба армии, у меня не было потребности заниматься вопросами современной политики больше, чем это было безусловно необходимо. Правда, в условиях коалиционной войны, я считал невозможным для военного командования совершенно отмежеваться от политики. Я должен был бы отвечать перед своей совестью, если бы не высказал своих взглядов в тех случаях, когда стремления других, по моему убеждению, привели бы нас на опасный путь. Точно так же я бы чувствовал угрызения совести, если бы я видел бездеятельность и неохоту к труду и не побуждал к нему, и, наконец, если бы я не защищал своих взглядов на настоящее и будущее, в то время, как политические мероприятия затрагивали бы и даже нарушали бы план ведения войны и колебали уверенность в будущем. Со мною согласятся, что резкой границы между политикой и военным руководством нет. Они должны уже в мирное время согласовать свои действия. Во время войны, которая поглощает все их силы, они должны дополнять друг друга.

Я сознаюсь, что покрывал своим именем и своей ответственностью некоторые политические взгляды, очень слабо связанные с тогдашним нашим военным положением. В таких случаях я никому не навязывал своих взглядов. Но если кто-нибудь хотел знать мои взгляды в вопросе, который должен был быть разрешен и не был разрешен немцами, то я не видел никаких оснований молчать. Одним из первых вопросов, вставших передо мною вскоре после моего назначения главнокомандующим, был вопрос о будущем Польши. В виду большого значения этого вопроса во время войны и после нее, я должен остановиться на нем подробнее.

Раньше я никогда не чувствовал неприязни к польскому народу. Но, с другой стороны, только при отсутствии патриотического инстинкта и знания хода политического развития можно было бы не видеть в возрождении Польши большой опасности для моей родины. Я нисколько не сомневался в том, что мы не можем расчитывать на благодарность со стороны Польши за то, что мы своею кровью и мечем освободим ее от русского кнута. Мы вообще никогда не получаем

благодарности за тот хозяйственный и духовный под'ем, который мы дали нашим прусско-польским частям. Никогда чувство благодарности, поскольку оно вообще может быть признано в политике, не удержало бы восстановленную Польшу от взрыва в пограничных с нами областях. С какой бы стороны ни подойти к польской проблеме, всегда Пруссия-Германия является ответственной стороной, которая должна политически расплачиваться. Австро-венгерское правительство, напротив, казалось, совершенно не опасается для своего государства свободной об'единенной Польши. Влиятельные круги Вены и Будапешта думали даже, что можно надолго связать католическую Польшу с двуединой монархией. Нельзя отрицать, что этим надолго был бы нарушен в будущем наш союз. Высшее командование армией ни в коем случае не могло упустить из виду эту политическую точку зрения, когда оно обсуждало будущее военное положение на восточной границе.

Из всего этого политического и военного положения для Германии, по моему, вытекало следующее: как можно меньше касаться польского вопроса или касаться его, как говорят в таких случаях, академически. Это, к сожалению, не было сделано немцами. Мне неизвестны причины, почему мы не проявили осторожности. Между немецким и австро-венгерским правительствами состоялось, правда, соглашение в Вене в середине августа 1916 года. Вскоре после этого соглашения должно было последовать об'явление Польши самостоятельным государством, с наследственной монархией и конституционным правлением. Эту сделку хотели смягчить для нас, немцев, тем, что обе договаривающиеся стороны обязались не отдавать новому польскому государству тех частей, которые когда-то были польскими, и что Германии предоставлялось высшеее командование над будущей польской армией. Обе уступки я считал утопией.

Публичное об'явление этого совершенно изменило бы политические отношения в тылу нашего восточного фронта. Мой предшественник вследствие этого с полным основанием сразу протестовал против об'явления. Его Величество император склонился к решению в пользу мнения генерала фон-Фалькенгейма. Но для всякого, кто знал положение в Дунайской монархии, было ясно, что соглашение в Вене не останется тайной. Было, конечно, возможно оффициально задержать на некоторое время его опубликов ние, но скрыть его совершенно—было невозможно. В самом деле, уже в конце августа оно стало известно всем. Когда я был назначен главнокомандующим, я был поставлен перед совершившимся уже фактом. Вскоре после этого, генерал-губернатор Варшавы потребовал от нашего правительства немедленного об'явления

Польши королевством. Он представил нам дилемму: с одной стороны, осложнения внутри страны, с другой—перспектива усиления боевых сил польскими частями, которые могли составить весной 1917 года при добровольном вступлении 5 дивизий, а при введении всеобщей воинской повинности—1 миллион человек. Хотя у меня и сложилось неблагоприятное мнение об участии в 1914 и 1915 г. польского населения в войне против России, но генерал-губернатор должен был знать дело лучше. Он знаком был с развитием внутренних политических отношений завоеванной страны с 1915 г. и был убежден, что духовенство деятельно поддержит нас при наборе солдат. Как я мог взять на себя такую ответственность и отклонить эту определенную помощь? Однако, раз я решился принять ее, то нельзя было терять времени, чтобы к началу будущих весенних боев мы могли поставить на передовые линии сносно сформированные части. В случае победы, Германия могла бы после заключения мира заняться польским вопросом.

Тут мы наткнулись, к моему удивлению, на противодействие правительства. Оно в это время нашло ходы для переговоров о сепаратном мире с Россией и считало опасным об'явление независимости Польши, так как это могло скомпрометировать нас в глазах русского царя. Таким образом, создалось противоречие между военным и политическим положениями. Надежды на сепаратный мир с Россией рассеялись, и в первых числах ноября был все же опубликован манифест, а начатая после того вербовка польских добровольцев окончилась безрезультатно. Призыв к набору не только не нашел поддержки среди духовенства, но вызвал со стороны его открытое противодействие.

Сразу после об'явления манифеста, снова обнаружились противоречия между интересами Австрии и Германии в польском вопросе. Наши союзники все откровеннее стремились к об'едииению Польши с Галицией под их руководящим влиянием. Я должен был выступить против этих стремлений.

В сущности все эти вопросы могли быть разрешены только с исходом войны. Я поэтому очень жалел, что мы во время войны уделили им так много внимания. Впрочем, я должен подчеркнуть, что никогда трения, возникавшие между нами и союзниками на политической почве, не влияли на наши взаимные военные отношения. Роль, подобную Польше в наших отношениях с Австро-Венгрией, играла Добруджа в наших политических и военных отношениях с Болгарией. В вопросе о Добрудже речь шла в итоге о том, получит ли Болгария железную дорогу через Черновода—Констанца, если в будущем неограниченно завладеет этой страной. Если бы это случилось, то она завладела бы важнейшей и ближайшей дорогой между средней Европой и Ближним Востоком. Бол-

гария, конечно, воспользовалась благоприятным моментом и получила во время войны наше согласие на это. С другой стороны, Турция, ближайшим образом заинтересованная в этом, просила нашего политического заступничества против этих болгарских притязаний. Мы дали ей эту поддержку. Таким образом, под военной маской возникла маленькая политическая война, длившаяся около года: договор между нами и Болгарией устанавливал, в случае поражения Румынии, возвращение нашим союзникам потерянных в 1912 г. южных частей Добруджи, а также улучшение тамошней границы. Но в договоре ни слова не говорилось о предоставлении Болгарии всей Румынской провинции. Основываясь на этом договоре, мы после окончания румынского похода немедленно передали болгарскому правительству часть южной Добруджи. В средней же Добрудже, с согласия всех наших союзников, мы немедленно установили управление. Оно действовало на основании особого условия и в хозяйственном отношении руководилось почти исключительно пользой Болгарии. Северная Добруджа была занята 3-й болгарской армией, которая вела там свои операции. Казалось, что отношения внешним образом хорошо урегулированы. Но такое положение продолжалось недолго. Вызов был брошен болгарским министром-президентом. Еще до окончания румынского похода, министр бросил лозунг возвращения Болгарии всей Добруджи и указал на немецкое высшее командование, как на противодействующее этому стремлению. Отсюда возникло сильное движение против нас. Царь Фердинанд сначала был не согласен с действиями своего правительства. Но потом ему пришлось уступить под давлением возникшего волнения. Точно так же и болгарское высшее командоваиие не вмешивалось сначала. Оно действительно видело опасность в том, что к сильным и разнообразным политическим волнениям в армии присоединялся еще новый повод.

Но вскоре, однако, и генерал Исков перестал оказывать противодействие давлению министра-президента. Возникло всеобщее политическое возмущение против немецкого высшего командования; оно велось, главным образом, безответственными агитаторами, не обращавшими ни малейшего внимания на существующие союзные отношения. Та настойчивость, с какою болгарские круги добивались достижения этой цели, лучше бы пригодилась на войне для общих целей. При этих обстоятельствах обнаружились последствия вредной стороны наших союзных договоров. При заключении нашего союза, мы в свое время дали широкие обещания Болгарии увеличить ее территорию и присоединить к ней прежние области,— обещания, которые мы могли выполнить только в случае полной победы. Болгария, однако, не удовлетворилась этими

обещаниями. Она беспрерывно увеличивала свои претензии, совершенно не задумываясь—может ли она, как маленькое государство, в политическом и хозяйственном отношении справиться с новыми задачами, которые поставит перед ней увеличение территории.

Такая жадность вызывала и непосредственную военную опасность. Я уже раньше указывал на то, какое большое военное преимущество получилось бы в том случае, если бы осенью 1916 г. мы перенесли оборону с македонского фронта на западное крыло до области Прилепа. Достаточно было одного нашего намека, чтобы вызвать во всех политических кругах Болгарии тяжелое раздумье. Сразу стали опасаться, что нельзя уже будет претендовать на области, очищенные от войск. Готовы были принести в жертву целую армию, чтобы не быть в ответе пред страной за отдачу „староболгарского города Охриды". Мы потом увидели, куда нас завели большие уступки Болгарии. Обсуждение всех этих бесконечных политических вопросов принесло мне одно недовольство и усилило во мне отрицательное отношение к политике.

Совершенно другого содержания был договор с Турцией. Перед ее правительством мы обязались только сохранить ее довоенную территорию. Но Турция в течение первых двух лет войны потеряла значительную часть своей азиатской пограничной области. Наши союзные обязательства тем самым были сильно отягощены. Эти неблагоприятные условия могли оказать серьезное влияние на ведение войны. Турецкое правительство могло бы пред'явить нам в этом направлении требования, от исполнения которых мы не могли бы отказаться из политических соображений. В этом отношении особое значение для нас имело высокое мнение Энвер-паши об общих руководителях войны и их взглядах. Политические мнения и других турецких властителей были пока порукой, что турецкие потери не слишком обременят наш военный счет. Нам все-таки было обещано, что турецкое правительство, в случае возникновения мирных переговоров, не станет настаивать на букве нашего договора, если, конечно, будет найдена формула, которая охранит престиж теперешнего правительства. Для нашей политики и для нашего командования было, следовательно, существенной задачей поддержать тогдашнее турецкое правительство. Энверу и Талаат-паше не легко нашлись бы заместители, которые оказывали бы нам такое полное и такое верное содействие. Это, конечно, не могло нам мешать противодействовать тем политическим течениям в Турции, которые вредно влияли на военные задачи страны, в рамках общей войны. Я могу сослаться при этом на мои замечания по поводу движения

панисламизма. Оно грозило увлечь Турцию на ложный военный путь. После революции в России, панисламизм стремился распространиться в направлении к Кавказу. Он стремился даже в Закавказье и наконец затерялся в больших пространствах центральной Азии, куда проник в фантастическом желании присоединить тамошних единоверцев к оттоманскому государству.

Ясно, что мы не могли оказать военную поддержку этой восточной политической фантазии; ясно также, что мы требовали поворота от этих широких планов к военной действительности. Наши старания, однако, не увенчались успехом. Гораздо труднее, конечно, было влиять на внутреннюю политику этого государства. И все-таки мы не могли не сделать этой попытки.

Изумительное возрождение турецкой военной силы и героизм, с каким велась борьба за существование, искупали самые темные стороны турецкого государства: я говорю о действиях против армянской части населения. Армянский вопрос заключал в себе одну из труднейших проблем для Турции. Он затрагивал как пантурецкие идеи, так и идеи панисламизма. Способ разрешения этих проблем турецкими фанатиками занимал весь мир во время войны. Нас, немцев, хотели связать с жестокостями, происходившими во всей Турции, а по окончании войны и в армянском Закавказьи. Поэтому я считаю себя вынужденным затронуть этот вопрос здесь. У меня нет никаких оснований обходить молчанием наше влияние. Мы не медлили и, письменно и устно, оказывали сдерживающее влияние на дикий, неудержимый способ ведения войны, обычный на востоке, где царит расовая и религиозная ненависть. Мы, правда, получили от турецкого правительства согласие, но не имели возможности побороть пассивное сопротивление этому нашему вмешательству.

Армянский вопрос считался турками вопросом исключительно внутренней политики, и они очень обижались, когда мы его затрагивали. Наши офицеры на местах не всегда в состоянии были смягчать проявления ненависти и чувства мести. Проснувшийся в человеке, в этой борьбе не на жизнь, а на смерть, зверь в проявлениях политического и религиозного фанатизма дает самую мрачную главу истории всех времен и народов.

Совершенно нейтральные наблюдатели утверждают, что партии, возникшие на почве проявления внутренних страстей, поддерживали равновесие взаимным уничтожением. Это, конечно, соответствовало нравственным понятиям народов тех областей, где еще царит закон правоверной мести. Нельзя в полной мере учесть тот вред, который приносился этими разрушительными актами. Он обнаруживался во всех областях,—

в области политики, хозяйства, в военной и просто в области человеческих взаимоотношений. Одно из последствий разрушительной политики против Армении, во время войны—массовая гибель турецких войск от истощения в горах Кавказа. История смелого анатолийского солдата, этой основы турецкого государства, пополнилась лишней трагической главой. Но последняя ли она?

Вопрос о мире.

Во время подготовки к румынскому походу, предо мною встал вопрос о мире. Этот вопрос, насколько мне известно, был возбужден австро-венгерским министром иностранных дел, бароном Бурианом. Мне не надо говорить тем, кто знает меня и мой взгляд на войну, что я всеми силами пошел навстречу этому шагу. При обсуждении этого вопроса, при попытке провести идею в жизнь я думал, впрочем, только о своем государе и своем отечестве и заботился о том, чтобы ни армия, ни родина не понесли от этого ущерба. Высшее командование должно было принять участие при выработке текста нашего мирного предложения. Это была трудная и неблагодарная задача. Надо было обойти все шереховатости, чтобы внутри страны и заграницей не получилось впечатления нашей слабости. Я свидетель, с каким глубоким сознанием долга пред Богом и людьми мой высший военноначальник отдался проведению этого мирного предложения. Я не думаю, чтобы он считал вероятным полное крушение этого плана. Моя надежда на успех была с самого начала очень слабой. Наши противники в своей жадности превзошли всякие границы, и мне казалось невозможным, чтобы одно из неприятельских правительств могло бы и пожелало бы добровольно отказаться от своих расчетов. Этот взгляд не мешал мне, однако, честно содействовать этому делу человеколюбия.

12 декабря мы об'явили неприятелю о своей готовности заключить мир. В ответ на это последовали издевательства в пропагандистских листках и со стороны правительственных сфер противника. За нашим мирным предложением последовало известное выступление президента Северо-Американских Соединенных штатов. Высшее командование было уведомлено государственным канцлером о тех предложениях, которые он получил через нашего посланника в Северной Америке. Я считал президента Вильсона неспособным к беспристрастному посредничеству и не мог отделаться от чувства, что президент имеет сильное тяготение к нашим противникам, и прежде всего к Англии. Это вполне естественное следствие его англосаксонского происхождения. Я вместе с миллионами моих соотечественников не мог считать и все предыдущее поведе-

ние Вильсона внепартийным, хотя бы оно и не противоречило буквальному пониманию нейтралитета. Во всех вопросах нарушения международного права президент всегда проявлял большое внимание к интересам Англии. Напротив, в вопросе о подводной войне, которая в сущности была только противодействием английскому произволу, Вильсон обнаружил большую чувствительность и сразу перешел к угрозам. Германия согласилась с основной мыслью предложения Вильсона. Противники высказали Вильсону свои отдельные требования, которые в сущности вели к длительному хозяйственному и политическому ослаблению Германии, к полному разрушению Австро-Венгрии и уничтожению Турецкого государства. Каждый, кто спокойно оценивал тогдашнее военное положение, должен был видеть, что военные цели противника могут быть осуществлены только при полной победе. Мы же не имели никаких оснований считать себя побежденными. Во всяком случае, по тогдашнему положению вещей я бы считал преступлением перед своей родиной и предательством по отношению к своим союзникам не ответить отрицательно на такое предложение со стороны врагов. При тогдашнем военном положении я по совести и по убеждению не мог принять иного мира, кроме того, который бы настолько укрепил наше будущее мировое положение, что мы могли бы оградить себя от того политического насилия, которое лежало в основе теперешней войны, и надолго защитить от опасности наших союзников. На каком поприще—политических переговоров или территориальных завоеваний—будет достигнута эта цель, для меня, как для солдата, было безразлично. Я не допускал и мысли, чтобы немецкий народ и его союзники не были в силах с оружием в руках отвергнуть неслыханные требования врага. И в самом деле, отношение нашей родины к претензиям врагов было совершенно отрицательное, со стороны Турции и Болгарии также не было намека на уступчивость. Проявление слабости Австро-Венгрией я считал преходящим. Надо было ясно показать ей, какую судьбу готовили Дунайской монархии вражеские требования, и рассеять там иллюзии—будто с врагом можно столковаться на почве справедливости. Мы уже несколько раз убеждались, что Австро-Венгрия способна на большее, чем она сама от себя ожидает. Мне казалось поэтому ошибкой подходить к Австрии с утешениями. Они не придают силы, не подымают надежду и решительность. Это одинаково верно, как для политика, так и для солдата. Все в свое время, но когда приходится круто, тогда требования возбуждают слабого сильнее, чем слова утешения и ссылки на будущие лучшие времена.

Нота президента Вильсона, прочитанная американскому сенату 22 января, заключала в себе выяснение целей войны,

которые преследовались нашими врагами. В этих целях Вильсон усмотрел более соответствующее основание для хлопот о мире, чем в нашей дипломатической ноте, которая ограничивалась только согласием на продолжение мирных шагов. Это поведение президента еще более поколебало мою веру в его беспристрастие. Я напрасно искал в красноречивых словах его доклада отклонения попытки наших противников третировать нас, как людей низшей категории. Фраза о восстановлении единой независимой и самостоятельной Польши также вызывала во мне тревогу. Это было направлено и против Австрии, и против нас, заставляя Австро-Венгрию отказаться от Галиции и намечая для Германии потерю областей или потерю ее верховных прав. Можно ли было еще говорить о нейтральном отношении посредника Вильсона к срединным державам? Нота походила скорее на призыв к войне, чем на шаг к миру. Доверившись политике президента, мы по наклонной плоскости докатились бы до такого мира, при котором потеряли бы свою политическую, экономическую и военную самостоятельность. Согласись мы на первый шаг, мы в политическом отношении постепенно скатились бы в пропасть и в конце концов вынуждены были бы на военную капитуляцию.

В октябре 1918 года я узнал из газет, что президент Вильсон непосредственно после опубликования ноты сената 22 января 1917 г. приказал передать немецкому посланнику в Вашингтоне о своей готовности начать официальное посредничество о мире. Донесение об этом дошло до Берлина 28 января. Об этом шаге Вильсона я ничего не слыхал до осени 1918 года. Я до сих пор не знаю, что было этому причиной—ошибка ли или сплетение неблагоприятных обстоятельств. По моему мнению, уже в конце января 1917 года нельзя было предотвратить войну с Америкой. Вильсон в это время знал о наших намерениях с 1 февраля начать широкую подводную войну. Не может быть сомнения, что президент знал также, что Англия перехватила и дешифрировала нашу телеграмму об этом немецкому послу в Вашингтоне. Он знал также содержание и других наших телеграмм. Нота сената от 22 января и последовавшее за этим предложение мирного посредничества этим достаточно характеризуются. Бедствие надвигалось. Оно уже не могло быть предотвращено нашим об'явлением от 29 января о том, что мы готовы немедленно прекратить подводную войну, если в результате усилий президента удастся заложить основу для мирных переговоров.

События 1918 и 1919 годов совершенно подтверждают мою тогдашнюю точку зрения, во всех отношениях разделяемую моим главным генерал-квартирмейстером.

Внутреняя политика.

В качестве активного солдата, я стоял вдали от повседневных вопросов внутренней политики. И с переходом моим на покой я подходил к ним только как спокойный наблюдатель. Для меня было непонятно, как можно было допускать, чтобы общее благо отечества отодвигалось на задний план довольно мелкими партийными интересами. Мои политические убеждения выросли на этико-политической почве эпохи нашего великого старого короля, с ней я сплелся и мыслями, и волей. Переживания теперешней войны не расположили меня в пользу перемен в духе новейшего времени. Мои симпатии были на стороне сильного замкнутого государства в духе Бисмарка. Дисциплину и труд в своем отечестве я ставил выше всех космополитических фантазий. Я не признавал также прав за теми гражданами, которые не несли в той же мере и обязанностей.

На войне я думал только о войне: все препятствия, которые встречало на своем пути военное командование, должны были, в виду серьезности положения, резко устраняться. Так делали наши враги, и нам надлежало брать с них пример. К сожалению, мы этого не делали, а заразились бреднями о международной справедливости, вместо того, чтобы на первое место поставить любовь к родине и стремление укрепить ее в борьбе за существование.

Во время войны высшему военному командованию приходилось заниматься разрешением и вопросов внутренней жизни государства, в особенности хозяйственных. Мы к этому не стремились, это надвинулось на нас вопреки нашему желанию. Не было возможности размежевать экономические задачи страны от задач чисто военного характера. Я защищал широкий экономический план, носивший мое имя, с полной ответственностью за его содержание. Единственно, чем я руководился, вырабатывая его—это желанием удовлетворить потребности наших солдат полностью. Другую точку зрения я бы считал грехом перед нашей армией и нашим отечеством. После войны моей программе был брошен упрек в том, что она продиктована отчаянием.

Бросивший эту фразу совершенно ошибается в настроении, которое влияло на возникновение этой программы. Я принимал горячее участие в выработке закона о военной вспомогательной службе. В трудный для отечества момент, по моему, должны были быть призваны к служению ему не только боеспособные, но и все трудоспособные мужчины, и даже женщины. Я думал, что такой закон вызовет к жизни не только индивидуальные, но и нравственные силы, которые можно будет бросить на чашки весов в войне. При прове-

дении его в жизнь, закон, правда, дал гораздо более скромные результаты, чем те, о которых я мечтал. Это разочарование заставило меня пожалеть, что мы не шли к нашей цели, исходя из существующего законодательства, как это предлагалось некоторыми. Идея обратить принятие закона в демонстрацию единодушия всего немецкого народа, внушительную по размерам, заставила меня проглядеть влияние внутренних политических отношений. Закон был проведен на почве требований внутренних политических и торговых отношений, а не на основе глубокого патриотического настроения.

Высшее командование армией упрекали в том, что закон об отечественной вспомогательной службе и требования так называемой „программы Гинденбурга" повели к опрометчивым мероприятиям в социальной, финансовой и хозяйственной области, а последствием этих мероприятий было якобы наше государственное крушение. Я предоставляю решить этот вопрос будущему исследователю, совершенно свободному от партийных увлечений. Но я хотел бы все-таки подчеркнуть одно обстоятельство: во время нашей борьбы сильно чувствовался недостаток хозяйственно обученного генерального штаба. Опыт показал, что во время войны такой штаб не может возникнуть сам собою. Насколько блестяще было наше военное и финансовое снабжение, настолько же неудовлетворительна была хозяйственная сторона дела. То, что в этом отношении необходимо было сделать, превосходило все прежние представления. В виду почти полной блокады, при такой длительности войны, при неимоверном потреблении материалов и патронов, мы были поставлены перед совершенно новыми задачами. В мирное время никакая фантазия не могла предусмотреть размеры этих задач. Они требовали совместной работы всех частей государства,—только тогда колесо двигалось бы без зацепок. Конечно, нужно было создать центральный аппарат, куда стекались бы все требования, и откуда распределялась бы вся работа. Только такой аппарат, поддержанный политико-экономами, которые предусматривали бы последствия, мог принимать широкие хозяйственные и военные решения. Такого аппарата не было. Нечего говорить, что только необыкновенно одаренный ум и необыкновенная организаторская сила могли бы соответствовать такой задаче. И даже при выполнении всех этих условий не были бы устранены тяжелые трения.

Насколько я не хотел вмешиваться в партийное движение или поддерживать одну из партий, настолько же охотно я разбирал общие социальные вопросы. В особенности доброжелательно отнесся я к вопросу об устройстве домашнего очага воинов. Мое сочувствие вызывалось главным образом

этической стороной этих начинаний. Что может быть отраднее довольного взгляда человека на хорошо обработанный кусок земли? Как мечтают наши храбрецы в тихие минуты на фронте, что их надежды когда-нибудь осуществятся. Я искренно желаю, чтобы счастье это выпало на долю многих моих верных боевых товарищей, после стольких усилий и страданий.

Приготовления к предстоящему году войны; наши задачи.

Как только можно было с некоторой уверенностью подвести итоги боям 1916 года, мы должны были думать о продолжении войны в 1917 году. В том, что предпримет противник в будущем году, у нас не было сомнений. Мы должны были ожидать всеобщего наступления, как только будут готовы приготовления противника, и как только допустят это климатические условия. Можно было предвидеть, что наши враги, наученные опытом прошлых лет, будут стараться повести наступление одновременно на всех фронтах, если мы им дадим на это возможность и время. Необходимо было предупредить этот ожидаемый генеральный штурм, разбить неприятельские планы и с самого начала взять инициативу в свои руки. Я смею утверждать, что в этом отношении я ничего не упустил в предшествующие годы войны, поскольку у меня была хоть малейшая возможность к тому. Теперь однако, нельзя было закрывать глаза на фактическое положение вещей. Несомненно, наши силы по сравнению с неприятельскими сократились еще более к концу 1916 года. Румыния выступила на стороне наших противников и, несмотря на свое тяжелое положение, все же осталась фактором, с которым нужно было считаться. Побежденная армия под охраной русских нашла время для восстановления своих сил и при этом могла расчитывать на широкую помощь Антанты.

Роковым для нас было то, что во все время войны нашему командованию не удавалось вынудить даже мелких наших противников, исключая Монтенегро, выйти из рядов наших врагов. Так, в 1914 г. бельгийская армия долго стояла против нашей, хотя и в бездействии, но все же поглощая значительные наши силы. По отношению к сербской армии в 1915 г. наше положение было только внешне лучше. Она ускользнула от нашего обходного движения, но была как будто в безнадежном состоянии. Однако, летом 1916 года снова появилась, как боеспособная сила, на театре военных действий в Македонии. Ее части были восстановлены притоком сил из разных стран и пополнены даже австро-венгерскими перебежчиками славянских национальностей.

Во всех трех случаях с Бельгией, Сербией и Румынией судьба армии противников висела на волоске. Причины, по которым они избегли своей судьбы, были различны, но последствия всегда одни и те же. Такие факты заставляют во время войны придавать значение случаю. Этим, конечно, войну низводят с высоты и превращают ее в лотерею. Я никогда не смотрел так на войну. Я видел в ее ходе и ее событиях, даже если они были против нас—всюду и всегда строгую последовательность неумолимой логики. Тот, кто захватывает и может захватить, имеет успех; тот, кто упускает случай или вынужден упустить—теряет. В походе 1917 года мы не могли знать, откуда нам угрожала опасность—с востока или с запада. В отношении численного превосходства, казалось, опасность была больше на восточном фронте. Мы предполагали, что русским зимою 1916—1917 гг., так же, как и в прошлые годы, удастся восстановить свои потери и сделать свою армию способной к наступлению. До нас не доходило известий об особом разложении русской армии. Вообще опыт мне показал, что к таким известиям, от кого бы они ни исходили, следует относиться с величайшею осторожностью.

Наряду с этим, положение австро-венгерской армии было таково, что не могло не внушать нам опасений. Известия, которые шли оттуда, не давали оснований расчитывать, что счастливый исход румынского похода и сравнительно благоприятное, хотя и напряженное положение на итальянском фронте поднимут и усилят моральную сторону королевских войск. Мы должны были также считаться с тем, что наступления русских могли снова нанести поражения австрийским линиям. Поэтому было решено не лишать австрийский фронт непосредственной поддержки,—напротив, мы должны были быть наготове, в случае нужды на фронтах союзников, оказывать им помощь еще новыми силами. Как сложатся обстоятельства на македонском фронте, было также неизвестно. Во время последних боев руководство правой и центральной болгарской армией, т.-е., в общем, фронтом от Охриды до озера Дуары, было передано немецкому командованию. На этом фронте еще с 1915—1916 гг. остались также некоторые высшие немецкие начальники. Другие из наших офицеров были заняты тем, что в болгарской армии применяли военный опыт, полученный на всех наших фронтах. Результат этой работы мог, однако, обнаружиться только в новых боях. Во всяком случае, и для македонского фронта мы должны были готовить поддержку.

На нашем западном фронте также надо было ожидать, что противники, несмотря на тяжелые потери прошлого года, с весны снова появятся на поле битвы в полной силе. Конечно, я употребляю выражение „полная сила“ условно.

Потерянная старая сила может быть только численно заменена в несколько месяцев, но по внутренней своей ценности новая сила не заменит старую вполне. Враг в этом случае подчиняется тем же суровым законам, как и мы. Тактическое положение на главнейших участках этого фронта было следующее: противник в жестокой пятимесячной борьбе на Сомме отбросил наши линии на 40 километров в ширину и около 10 километров в глубину. Вследствие этого мы решили, вместо наступления, отступить на западном фронте... Не легкое решение. Тяжелое разочарование для западной армии и, пожалуй, еще большее для родины и союзников. И какое ликование для наших противников. Можно ли представить себе лучший материал для пропаганды? Блестящий результат кровавой битвы на Сомме, сломленное немецкое сопротивление, жестокое преследование с большим числом жертв, рассказы об ужасах нашего ведения войны. Об этом мы, правда, слышали и раньше. И какой град пропагандистской литературы посыпется на наши линии!

Подводная война.

Подумайте о 70 миллионах полуголодных людей и о тех из них, которые постепенно умирают от голода. Подумайте о грудных младенцах, умирающих от голодания их матерей, о бесчисленном количестве детей, которые останутся на всю жизнь хилыми и больными! И все это не в далекой Индии или Китае, где бессердечная природа не посылает благословенного дождя, а здесь, в Европе, культурной и человечной. Голод по приговору человека, который так кичится своей культурностью! Где же цивилизация? Чем же они, как люди, стоят выше тех, которые, к ужасу всего цивилизованного мира, свирепствовали над безоружными в Армении, за что и понесли кару, погибая тысячами? Эти жестокие анатолийцы вряд ли руководились каким-нибудь побуждением, кроме ненависти, и уж, конечно, никто не заподозрил бы в них чувство любви к ближнему.

Какую же цель преследует этот приговор „цивилизованных“? Их план ясен. Они увидели, что их военная сила недостаточна, что все их военное искусство не может справиться с противником, обладающим стальными нервами. Поэтому надо ослабить эти нервы. Если же это не удается в борьбе один на один, то, пожалуй, может удасться окольными путями. Пусть голодают женщины и дети. Это подействует на мужей и отцов на фронте, если не сразу, то постепенно. Может быть, эти мужья и отцы решат бросить оружие, так как иначе на родине смерть угрожает их близким, смерть—цивилизации. Так рассуждают люди, и это не мешает

им молиться. „Противник забрасывает нас американскими гранатами. Почему же мы не топим его кораблей с транспортом? Разве у нас нет для этого средств? Вопрос права? Где и когда противник думал о праве“? Такие вопросы задает солдат на фронте. Родина и армия обращались с тем же к своим вождям задолго до 29 августа 1916 года. Мысль о применении подводной войны для сокращения страданий родины и армии в ее неимоверной борьбе высказывалась еще до моего назначения главнокомандующим. В этой беспощадной борьбе против моей беззащитной родины приходилось руководиться только принципом „око за око, зуб за зуб“. Все остальное кажется бессердечием по отношению к своим. Но мы не должны были забывать при этом о тех последствиях, которые явились бы результатом применения этого уничтожающего средства борьбы. Если в отношении бессердечных врагов можно оставить в стороне всякие соображения, то все же необходимо подумать о нейтральных до сих пор нациях, плавающих по морю. Применение этого орудия не должно привести родину к еще большей опасности и возложить на нее еще больше забот, чем те, от которых хотят ее избавить. Это вызывает понятное колебание.

Таково было положение, когда я прибыл в главную квартиру. К тяжелому положению на суше присоединился еще серьезный и значительный вопрос о морской борьбе. На первый взгляд разрешать его должны были правительство и штаб-адмиралтейство. Но и высшее командование армией сильно затронуто им. Ясно, что мы должны желать проведения подводной войны, по общим военным соображениям. Та выгода, которую мы можем ожидать для нашей войны на континенте, слишком очевидна. Для нас было бы уже большим облегчением, если бы этим мы существенно нарушили снабжение неприятельских армий. Было бы хорошо также, если бы нам удалось, хотя бы отчасти, уничтожить неприятельские операции за морем. Это значительно освободило бы, без пролития немецкой крови, не только болгарские и турецкие, но и наши силы. В перспективе для нас открывалась возможность до крайней степени затруднить доставку сырья и предметов первой необходимости странам Антанты и этим поставить их пред дилеммой: или протянуть нам руку для примирения, или потерять свое положение в мировом хозяйстве. Таким образом, подводная война должна была определить ход войны. Даже больше—в начале 1917 года это было единственным средством, которое мы могли применить, чтобы победоносно окончить войну.

Самым трудным был и остался вопрос: „в какой промежуток времени будет достигнут результат подводной войны“?. Штаб-адмиралтейство могло дать только очень неопреде-

ленный ответ. Но по его самым осторожным расчетам оценка положения была настолько для нас благоприятна, что я был готов применить это новое средство борьбы, совершенно игнорируя опасность возбудить против себя новых противников. Но если бы флот настаивал еще сильнее, все же политическая и военная обстановка осенью 1916 г. заставляла нас отложить начало широкой подводной войны, чтобы, при нашем тяжелом военном положении, не стать лицом к лицу с новыми противниками. Во всяком случае, мы должны были выждать благоприятного завершения румынского похода. Если он удастся, то мы будем располагать достаточными силами, чтобы удержать какое-либо нейтральное государство от вступления в ряды наших противников, как бы ни усиливала Англия свое экономическое давление на них. К соображениям военным присоединились и политические. Мы не хотим думать об усиленном применении подводного флота, пока не будет ясен результат нашего мирного шага.

Когда, однако, этот мирный шаг был отвергнут, для меня оставались в силе только военные соображения. Наше военное положение, в особенности в Румынии, в конце декабря позволяло, по моему убеждению, широко применить радикальное средство.

9 января 1917 года последовал утвердительный ответ нашего высшего военноначальника на представленное государственным канцлером Бетманом предложение штаб-адмиралтейства и генерального штаба. Никто из нас не сомневался в трудности этого серьезного шага.

В виду рокового для нас исхода войны, считали, что мы прибегли к широкой подводной войне, как к игре ва-банк. Таким путем хотели лишить это наше решение политического, военного и морального значения. Рассуждая таким образом, забывают, что почти все решительные шаги—и даже не только те, которые принимаются во время войны—связаны с большим риском. Величие какого-нибудь дела главным образом и заключается в величине ставки. Если полководец ведет в бой свои последние резервы, то он совершает только то, что в праве требовать он него родина, то-есть он смело берет на себя полную ответственность за последний решительный шаг, без которого не может быть достигнута победа. Вождь, который не может или не хочет рискнуть последними силами ради успеха—совершает преступление перед своим народом. Если ему не удастся нанести удар, тогда, конечно, на него обрушатся проклятия и насмешки слабых и трусливых. Такова вообще судьба солдата. Она была бы лишена всякого величия, если бы была построена на точных вычислениях, и если бы завоевание лавров не за-

висело от смелости и решимости. Выработать эту смелость было целью немецкого военного воспитания. Оно могло бы при этом указать на величайшие примеры, какие дает история всех народов. Была ли когда-либо сделана более сильная ставка на последние силы, чем это отважился сделать великий государь при Лейте, спасая тем отечество и его будущее? Разве не считали правильным решение Наполеона I, когда он при Belle Alliance поставил на карту последние баталионы, чтобы затем, как говорит Клаузевиц, бедным, как нищий, исчезнуть с поля битвы? Если бы против корсиканца не стоял Блюхер, он победил бы, и мировая история пошла бы иным путем. А с другой стороны, разве прославленный маршал в этом решительном бою не проявил чрезвычайной отваги? Послушаем, что об этом говорит один из наших злейших противников: „Самый прекрасный маневр, какой я когда-либо видел—это дело старика Блюхера. Он был сброшен на землю, подмят лошадьми, однако поднялся весь в пыли, набросился на своих побежденных солдат, остановил их бегство и от поражения при Линьи повел их к триумфу при Ватерлоо".

Прежде, чем закончить эту главу, я хочу возразить на утверждение, будто со вступлением Америки в ряды наших противников наше дело было окончательно проиграно. Дождемся прежде исследования тех результатов, к которым привели наша подводная война и наши крупные успехи на суше весной 1917 г. Тогда мы, пожалуй, узнаем, что мы иногда были близки к тому, чтобы вырвать у неприятеля победный венец, и убедимся, что не военные причины лишили нас победного или хотя бы сносного исхода войны.

Крейцнах.

После успешного окончания румынского похода и наступившего вслед за тем прояснения положения на востоке, центр тяжести предстоящей деятельности должен был быть сосредоточен на западе. Там во всяком случае надо было ожидать раннего начала боев в предстоящем году. Мы хотели быть вблизи поля сражения. Имея главную квартиру на западе, мы получали возможность легко и с меньшей потерей времени непосредственно сноситься с высшим командованием частями и армией. К этому еще следует прибавить, что король Карл желал быть вблизи от политического управления своей страны и в то же время не хотел отказаться от непосредственного общения со своим генеральным штабом. Высшее командование королевской армии поэтому перекочевало в начале 1917 г. в Баден, около Вены. Таким образом, для Его Величества нашего императора и для высшего

командования армией не было уже никакого основания оставаться в Плессе. Мы перенесли в феврале нашу главную квартиру в Крейцнах. На прощание мне особенно хотелось выразить благодарность тамошнему принцу и его чиновникам за большую гостеприимность, оказанную ими нашим официальным органам и нам, как частным лицам. Я сам, кроме того, с благодарностью вспоминаю о прекрасных поездках, в редкие свободные вечера, в окрестности Плесса и соседнего Нейдека. Места, в которые мы перешли теперь, в воспоминании моем были связаны с моей прежней деятельностью, в качестве начальника генерального штаба в Рейнской провинции. С самим городком Крейцнахом я познакомился также в то время. Его жители спешили теперь один перед другим оказать нам трогательную любезность. Она выражалась между прочим в том, что наши помещения и наша обшая столовая ежедневно, руками молодых дам, украшались свежими цветами.

Незадолго до нашего от'езда из Плесса генерал фон Конрад оставил свой пост австро-венгерского главнокомандующего, чтобы принять на себя высшее командование на южно-тирольском фронте. Причина его отставки осталась мне неизвестной. Я искал ее в личных отношениях, так как других причин, по моему, не было. У меня к нему сохранилось верное дружеское чувство. Его преемником был назначен генерал фон Арц. Это прекрасная голова, со здоровыми взглядами, прекрасный солдат и, подобно своему предшественнику, ценный боевой товарищ. Он смотрел в корень вещей и презирал внешность. Я думаю, что оба мы были чужды политике. Генерал фон Арц, по моему мнению, с удивительной выдержкой достиг всего, чего можно было достичь в тех затруднительных для Дунайской монархии условиях, о которых я уже упоминал. Он не закрывал глаза на трудности своей задачи. Напротив, надо признать, что он мужественно принялся за ее выполнение. Для меня лично пребывание в Крейцнахе, в начале октября, совпало со днем моего 70-тилетия. Его Величество, мой император, царь и господин, оказал мне большую милость и первый в этот день лично выразил мне свои пожелания в моем доме. Для меня это было самым лучшим в этот день. На пути к нашему служебному помещению, в лучах осеннего солнца, меня приветствовало крейцнахское юношество. При входе в общие рабочие комнаты меня ожидали мои сотрудники, в прилегающем саду стояли представители города и окрестностей, молодые солдаты, раненые и больные, лечащиеся в этом курорте, рядом с ними старые ветераны, боевые товарищи прошлых времен. Конец дня принес маленькое военное интермеццо. По неизвестной мне причине распространился слух о возмож-

ности в этот день большого нападения вражеских аэропланов на нашу главную квартиру. Возможно также, что тот или иной летательный аппарат неприятеля, как это часто бывает, и в этот вечер просто летел от линии Саар к Рейну и обратно. Нет ничего удивительного, что фантазия работала напряженнее обыкновенного. Словом, в полночь наши орудия открыли сильный и длительный огонь. Благодаря сильному огню, быстро израсходовались снаряды, и я спокойно мог заснуть с мыслью, что меня больше не потревожат. Во время доклада на следующий день, государь показал мне большую чашку, наполненную осколками немецких снарядов, собранных в саду его квартиры. Таким образом, мы все же подвергались некоторой опасности. Часть жителей Крейцнаха, однако, считала ночную стрельбу военным заключением празднования дня моего рождения.

Наступление неприятеля в первой половине 1917 г. на западе.

С большим напряжением мы ждали начала общего наступления неприятеля на западе. Стратегически мы подготовились к нему перегруппировкой наших сил и во время зимы приняли все тактические меры для того, чтобы отразить это величайшее наступление противника. Перед нами все же стоял тяжелый вопрос, будет ли в состоянии наша армия провести в жизнь эти меры. Конечно, военный материал теперешнего времени нельзя было сравнить с тем, которым мы располагали в 1914 и 1915 г.г. и даже в начале 1916 г. Многие воины покоились на наших кладбищах, многие, больные и искалеченные, были препровождены на родину. Правда, и теперь ядро наших солдат с 1914 г. было на лицо, и к ним примыкали молодые, одушевленные желанием жертвовать собою силы. Но не в них сила армии. И сила, и воля должны пройти школу и руководствоваться опытом. Армия с таким нравственным и духовным богатством, с таким огромным историческим наследием, как немецкая армия в 1914 г., по своей внутренней ценности может перенести несколько лет войны, если родина будет пополнять ее притоком свежих физических и нравственных сил. Но общая ценность должна и будет понижаться вследствие естественного хода вещей даже, если по отношению к врагу, также долго стоящему на поле битвы, понижение ценности и не будет заметно. Наш новый способ обороны пред'являл большие требования к моральной силе войска. Он нарушал тесную внешнюю связь обороны и тем самым усиливал самостоятельность самых маленьких частей. Я говорю без преувеличения, что, при создавшихся обстоятельствах, переходом к новым способам

обороны мы оказывали большое доверие душевным и нравственным силам нашей армии и даже всем ее частям. Ближайшее будущее должно было показать, оправдается ли это доверие.

Первая гроза на западе разразилась в начале весны. 9 апреля английское нападение на Аррас дает толчок большому весеннему наступлению неприятеля. Наша оборона явно не выдерживает. Наступает тяжелый кризис. Одно из тех положений, когда все не ладится.

„Надо избегать кризисов", говорит профан. Солдат может ему только ответить: „тогда лучше заранее отказаться от войны, потому что кризисы неизбежны. Они просто— в природе войны. Не избегать кризисов, а превозмогать их— вот задача военного искусства. Кто отступает перед одной угрозой кризисов, тот связывает себя по рукам, становится игрушкой в руках более смелого противника и очень скоро погибает в одном из кризисов". Я этим вовсе не хочу сказать, что кризиса 9 апреля нельзя было избегнуть. Во всяком случае, он не принял бы таких размеров, если бы вовремя подоспели резервы. Вечерний доклад 9 апреля рисует очень мрачную картину,—здесь много тени, мало света. Но и в таких случаях нужно искать его. Один луч чуть брезжит в неопределенных еще контурах. Англичанин, казалось, не смог в полной мере использовать достигнутый успех. Это—счастье для нас, как бывало и раньше. После доклада, я пожимаю руку моему главному генерал-квартирмейстеру, со словами: „Ничего, нам с вами приходилось переживать и более тяжелое. Моя вера непоколебима". Я знал, что новые войска идут на поле битвы, прибывают целые поезда. Кризис будет изжит. Во мне самом, по крайней мере, он уже был разрешен. Битва, однако, продолжалась.

В роковой день, 7 июня, поднимается минированная почва под линией обороны, и главная опора ее рушится под падающей массой земли, английская аттака повергает последние остатки немецкой обороны. Судорожные попытки спасти наше положение контр-аттакой разбиваются перед убийственным артиллерийским огнем неприятеля. Но все же удается остановить противника от окончательного прорыва наших линий. Наши потери людьми и орудиями очень тяжелы. Общий результат большого наступления неприятеля на западе был, по моему мнению, для нас удовлетворительным. Разбиты мы не были нигде. Мы даже отразили серьезную опасность. Нигде врагу не удалось достичь большего, чем завоевание небольших участков земли, не говоря уже о том, что он нигде не мог перейти к свободным операциям. Результаты этих наших достижений на западе и на этот раз должны были сказаться на других фронтах.

На восточном фронте.

Раньше, чем французы и англичане начали общее наступление на западе, дрогнул русский фронт. Под влиянием тяжелых ударов, которые мы наносили ему, начал расшатываться весь строй русского государства. Как кошмар, давил тяжелый русский колосс весь европейский и азиатский мир.

Теперь последний стал расправлять и вытягивать свои члены. Сквозь образовавшиеся глубокие трещины пробился огонь политических страстей, пришли в движение дьявольские грубые силы. Царизм падает. Найдется ли такая власть, которая заставила бы политические страсти смолкнуть под ледяным дыханием сибирских тюрем? В России революция. Как часто нам предсказывали приближение этого события действительные или мнимые знатоки этой страны. Я уже потерял веру в нее. И когда она наступила, вовсе не почувствовал ни удовлетворения, ни облегчения.

Я спрашивал себя: было ли свержение царя победой мирных или воинственных стремлений? Действовали ли могильщики царизма только с тем расчетом, чтоб с падением последнего носителя короны осуществить известные нам стремления к миру высших русских кругов и широких масс? Пока поведение русского войска не давало ясного ответа на этот вопрос, наше положение по отношению к России оставалось неопределенным. Русское государство было несомненно охвачено процессом разложения. Если скоро не установится диктатура, равная по силе только что свергнутой власти, то разложение пойдет дальше, хотя может быть и медленнее, чем шло бы в другой стране. Наш план с самого начала состоял в том, чтобы не мешать событиям. Мы должны были быть только на чеку, чтобы они не нарушили и даже, пожалуй, не разрушили наших планов. В этом отношении очень поучителен урок канонады Вальми, которая более ста лет тому назад снова спаяла разрозненные французские народные силы. Правда, Россия 1917 года не располагала уже теми нетронутыми человеческими резервами, какие были в тогдашней Франции. Лучшие и наиболее пригодные силы самодержавного царства стояли на фронте или покоились в братских могилах вдоль наших линий.

Для меня лично очень важно было то вынужденное выжидание, которого мое приходилось держаться, благодаря начавшемуся в России разложению. Раз я, по политическим соображениям, не могу начинать наступления на восточном фронте, то мое чувство солдата толкает меня к наступлению на западе. Я думал о задержке английского наступления на Аррас, о тяжелом поражении Франции между Суассоном и

Реймсом. Что может быть лучше мысли—перебросить все годные боевые части с востока на запад и начать там наступление? Америка еще не готова. Пусть же она придет после того, как силы французов будут сломлены, и будет уже слишком поздно. Серьезную опасность представляет Антанта. Она всеми средствами старается помешать крушению русской силы, которое освободило бы наш восточный фронт. Россия должна выдержать по крайней мере пока американские войска не достигнут Франции, иначе военное и морское поражение последней неизбежно. И Антанта посылает политиков, агитаторов, офицеров в Россию, чтобы поддержать расшатанный фронт. Она не забывает снабжать их деньгами, которые в некоторых местах России действуют лучше всякой политической пропаганды. Такое противодействие и на этот раз отнимает у нас перспективу победы. Русский фронт поддерживается не русской силой, а агитаторскими средствами наших врагов, которые таким образом достигают своих целей даже против воли русской массы. Не лучше ли было бы нам сразу напасть, как только обнаружилась первая брешь в русском здании? Не лишили ли нас политические соображения прекрасных плодов бывших до сих пор успехов? Наше положение на восточном фронте становится все более и более похожим на перемирие, хотя и без письменного договора. Русская пехота постепенно заявляет почти всюду, что она больше сражаться не будет. Но она все же, по своей тупости, остается в окопах. В тех местах, где взаимные отношения принимают слишком явную форму дружественных отношений, от времени до времени постреливает артиллерия, которая еще подчиняется командирам.

Влияние агитаторов Антанты и офицеров еще сильно в русских батареях. Русский пехотинец, правда, ругает эту помеху к перемирию и радуется, когда наши гранаты разрываются в русских артиллерийских позициях. Но это положение сохраняется впродолжение месяцев. Русское нежелание воевать всего яснее проявляется на северном фланге. К югу оно уменьшается. Румыны, очевидно, не затронуты этим. С мая обнаруживается и на севере, что командование снова берет бразды правления в свои руки. Братанье между окопами постепенно прекращается. Скоро не остается сомнений, что в тылу русского фронта делают все для восстановления дисциплины. Так, хотя и частично, восстанавливается способность русского войска к противодействию и даже к наступлению. Россия начинает большое наступление при Керенском. Почему Керенский, а не Брусилов? Потоки народной крови, которые были пролиты в 1916 году в Галиции и на Волыни, свергли последнего

с высокого поста, подобно тому, как это случилось позже с Нивеллем во Франции. И в многолюдной России, очевидно, стали ощущаться массовые жертвы. В великой книге грехов войны открыта страница, на которой начертаны русские потери, но число их неясно. Пять или восемь миллионов? Мы знаем только, что иногда в боях с русскими должны были удалять от наших окопов горы вражеских трупов, чтобы очистить поле сражения для новых наступающих сил. Пусть фантазия определит на этом основании цифру потерь; правильный расчет здесь невозможен. Трудно сказать, решился ли Керенский на наступление по собственному побуждению, или к этому принудила его Антанта. Во всяком случае, Антанта была очень заинтересована в том, чтобы Россия снова предприняла наступление. На западе она до сих пор напрасно пожертвовала доброй половиной своих сил— и даже, пожалуй, больше, чем половиной. Ей придется отдать остальную, если помощь Америки запоздает. В это же время подводная борьба подрывает жизненный нерв нашего непримиримого противника, и еще вопрос—сможет ли Америка доставить транспорты в будущем году. Немецкие войска, следовательно, должны быть задержаны на востоке, а для этого Керенский должен пустить последние силы России в наступление. Смелая игра—и еще более смелая для России. Но расчет совершенно правильный: в самом деле, если ход удастся, то не только Антанта будет спасена, но и в России может быть создана и удержана диктатура; иначе Россия погибнет в хаосе.

Перспективы для наступления Керенского против немецкого фронта и теперь едва ли лучше, чем прежде. Хотя и переведены на запад хорошие немецкие дивизионы, но и оставшихся достаточно, чтобы выдержать русский удар. Этот натиск не будет длительным штурмом, как в 1917 году. Для этого у противника нет сил. Многочисленные русские проповедники свободы проходят, грабя, в тылу армии или направляются на родину. И хорошие элементы покидают фронт, озабоченные, в виду угрожающей внутренней политической катастрофы, участью своих близких и своего имущества.

Очень серьезным является положение на австро-венгерском фронте. Можно опасаться, что там и теперь, как в 1916 году, русский натиск будет направлен на слабые места. Более чем вероятно, что Керенский осведомлен об них так же, как и мы. Уже весной один представитель союзных сил нарисовал нам очень серьезную картину тамошних условий. Его общее впечатление, что „большинство австрийско-славянских войск теперь окажет еще меньше сопротивления, чем в 1916 году", потому что они, как и русские войска, подверглись политическому разложению.

Те же сведения перебежчиков были положены в основу и военного плана Керенского, а именно: местные наступления против немцев, чтобы связать их; массовый удар против австрийцев. Так и случилось.

У Риги, Двинска и Сморгони русские нападают на немецкие позиции и отбрасываются немцами. Стена в Галиции не колеблется только там, где австро-венгерские войска соединены с немецкими. Наоборот, австро-славянская стена у Станиславова падает при первом наступлении Керенского. Но войска Керенского—это не войска Брусилова. Только год прошел со времени последнего наступления,—но это был год тяжелых потерь и глубокого разложения русской армии. Поэтому русское наступление у Станиславова, несмотря на благоприятные перспективы, удается не вполне.

Наш контр-удар на востоке.

...Контр-удар! Ни солдаты, ни командиры не приняли этого с тем радостным удовлетворением, какое почувствовал я, когда, наконец, увидел, что время для этого наступило.

Выше я представил наше положение весной 1917 г., как положение большой стратегической готовности. Наши резервы при этом, конечно, не были стянуты, как войска Наполеона, когда он осенью 1813 г. ожидал нападения окружавших его со всех сторон неприятелей. Огромные пространства, которые нам нужно было преодолеть, лишали нас этой возможности. Наши железные дороги, с другой стороны, облегчали нам возможность быстро перебрасывать для удара на определенном поле битвы рассеянные вспомогательные войска.

Оборонительные бои на западе поглощали много наших резервов. Употребить остатки их для контр-наступления там мешали соотношение сил и трудные условия борьбы. Напротив, эти силы казались достаточными, чтобы с их помощью на востоке изменить положение в нашу пользу и тем самым завершить политическое крушение нашего тамошнего противника.

Фундамент России прогнил. Последние проявления силы теперь республиканского войска были только результатом искусственно поднятой волны, которая черпала свою силу не из народной глубины. Неизбежно должно было наступить крушение. Исходя из этого убеждения, я решил, что мы можем достичь значительного результата в России и с небольшими силами.

Само собою разумеется, что раздавались голоса, которые еще и теперь предостерегали нас от применения имев-

шихся резервов. И в самом деле, вопрос не решался так легко, как кажется теперь, когда ход событий стал уже ясен. Мы могли принять решение только после серьезного раздумья. Отправка сил с запада (дело шло о 6 дивизиях), несомненно, требовала большой смелости, подобной той, какую мы проявили в 1916 году при наступлении на Румынию. Тогда, конечно, нас вынуждала к тому явная необходимость. Теперь мы следовали свободному решению. В обоих случаях, однако, смелость была основана на непоколебимом доверии к нашим войскам.

Против наших планов поднимались протестующие голоса. Выражалось сомнение в возможности успешного решительного наступления с нашей стороны. Я припоминаю, что незадолго до нашего контр-наступления на галицийском фронте нас предостерегали, что с имеющимися у нас силами мы можем надеяться только на местный успех, а так как не это является нашей целью, то не лучше ли отказаться от всей операции, все свои силы сберегать только для обороны и выжидать результатов подводной борьбы? В этой идее было нечто соблазнительное. Успехи нашей подводной войны, по доходящим до нас сообщениям, превосходили все наши ожидания. Ее влияние должно было скоро открыто сказаться. И тем не менее я не мог согласиться на это предложение.

Военные и политические условия на востоке именно теперь вынуждали выйти из бездеятельного, созерцательного состояния. Следовало опасаться, что если за наступлением Керенского не последует немедленно наш контр-удар, то воинственное течение в России снова окрепнет.

Пока Керенский напрасно старается массой своих боеспособных войск сломить северо-западнее Станиславова австро-венгерские линии, поддержанные нашими силами, мы собираем к северо западу от Брод сильную наступательную армию и 19 июля начинаем наступление в юго-восточном направлении, на Тарнополь. Наша операция встретила мало сопротивления со стороны русских частей, ослабленных уже в предыдущих наступлениях. Они быстро были опрокинуты, и этим ударом было убито все наступление Керенского. Только быстрое отступление может спасти от гибели русские силы, стоящие к северу и к югу от места нашего прорыва. Весь наш восточный фронт в Галиции и далеко на юг, к Карпатам, приходит в движение и преследует отступающего врага. Уже к началу августа почти вся Галиция и Буковина освобождены от врага. Свою долю в этом успехе имеют и наши союзники.

Наше наступление остановилось на границе Молдавии Никто не мог об этом жалеть более, чем я. Мы были в очень благоприятных стратегических условиях и могли, продолжая

движение, зихватить эту последнюю часть Румынии. При тогдашних политических отношениях в России, румынское войско наверное бы разложилось, если бы мы могли заставить его совершенно покинуть его родину. Как бы мог существовать румынский король и королевское войско в революционной России? Наши тыловые связи были, однако, так затруднены, благодаря разрушению железных дорог отступающими русскими, что мы, к сожалению, должны были отказаться от продолжения операции в этом месте.

Но мы твердо решили не давать покоя России до окончательного военного ее поражения, несмотря на то, что в это время наше внимание и заботы были отвлечены на западе началом драмы во Фландрии. Если мы не могли теперь напасть на русское войско в Волыни и в Молдавии, то это должно было произойти в другой части фронта. Особенно благоприятно для этого было место у Риги, где для России затрагивались интересы не только военные, но и политические. Мы уже в 1915 и 1916 г.г. строили планы о том, как мы прорвем эту позицию. На бумаге эта операция казалась очень легкой, но в обстановке суровой действительности она была не совсем проста. И все же 1 сентября удается смелое нападение, и русские части под нашим подготовительным огнем покидают свои позиции на берегу Двины. А гарнизон большой фланговой позиции на запад от реки отступает, маршируя день и ночь на восток и, к сожалению, во-время избегая таким образом плена.

Наше наступление на Ригу вызывает в России большое беспокойство за участь Петербурга. Столица России начинает волноваться. Она чувствует непосредственную угрозу. Петербург,—голова России,—приходит в состояние высшей нервозности, которая мешает деловому, спокойному обсуждению. Иначе достаточно было взять циркуль в руки и измерить расстояние, которое отделяло наше победоносное войско от русской столицы. Правда, не только в России, но и в нашем отечестве фантазия работает по этому поводу очень оживленно, игнорируя пространство и время. У нас также возникают иллюзии о походе на Петербург. Откровенно говоря, я с большим бы удовольствием исполнил это. Поэтому я понимал стремление наших солдат и офицеров продолжать наше движение по крайней мере до озера Пейпус. Однако, мы должны были от этого отказаться, чтобы не продержать слишком долго много войск на таких позициях, которые не могли ничего дать нам в дальнейшем. Наше внимание от Рижского залива отвлекалось берегами Адриатического моря. Но об этом после.

Если мы, однако, не можем продолжать похода на Петербург и тем самым поддерживать беспокойство этого нервного центра до времени крушения, то существует еще один

путь для достижения той же цели,—морской путь. Наш флот с полной готовностью идет на это предприятие. Так возникает решение захватить остров Эзель, лежащий у входа в Рижский залив. Оттуда мы непосредственно угрожаем русскому военному порту Ревелю и усиливаем тревогу возбужденного Петербурга, пользуясь при этом лишь небольшими силами.

Операция против Эзеля является единственной совершенно удавшейся совместной операцией армии и флота. Осуществление плана в начале так было затруднено неблагоприятной погодой что мы уже подумывали о том, чтобы снова высадить посаженные на корабли войска.

Но погода улучшается, и мы отваживаемся начать выполнение нашего плана. Флот во всех отношениях отвечает высоким требованиям, которые мы ему пред'являем. Мы овладеваем Эзелем и соседними островами. В Петербурге нервы возбуждаются все сильнее. Фронт русской армии колеблется все больше и больше. Все яснее становится, что Россия слишком поглощена внутренними волнениями, чтобы быть в состоянии своевременно применить новые силы для внешней борьбы.

Пожар разгорается все сильнее и сильнее, захватывая и то, что еще удержалось в этой смуте. Рушатся основы государства.

Под нашими последними ударами колесо не только колеблется, но трескается и падает.

Мы же обращаемся к новой задаче.

Наступление на Италию.

Несмотря на то, что положение во Фландрии в эту осень продолжало быть серьезным, мы решили начать наступление на Италию. Некоторые, может быть, удивятся, зная мое прежнее отрицательное отношение, что я теперь добился согласия моего высочайшего военноначальника послать немецкие войска для этой операции. А между тем я не ожидал особого влияния этой операции на наше общее положение. Могу только сказать, что я в этом отношении остался верен себе. Осенью 1917 г. я по прежнему считал невозможным, даже в случае решительной победы, оторвать Италию от союза с нашими противниками и не стал бы отрывать наши силы от находившегося в опасном положении нашего западного фронта исключительно ради славы победоносного похода против Италии. Мое решение провести такую операцию имело другое обоснование. Наш австро-венгерский союзник выяснил нам, что у него больше нет сил выдерживать двенадцатое наступление Италии на фронте Изонцо. Это имело для нас ог-

ромное военное и политическое значение. Дело шло не только о потере линии Изонцо, но и о крушении всего сопротивления Австро-Венгрии. Дунайская монархия гораздо сильнее чувствовала поражение на итальянском фронте, чем на галицийском. За Галицию Австро-Венгрия никогда не сражалась с воодушевлением. „Кто проиграет в войне, тот должен будет удержать Галицию", так часто в насмешку говорили в походе австро-венгерцы. Наоборот, заинтересованность Дунайской монархии в итальянском фронте была всегда очень велика. В Галиции, против России, Австро-Венгрия сражается по велению разума, против Италии же—по велению сердца. В войне против Италии все сословия двуединой державы участвовали почти с одинаковым воодушевлением. Чехо-словацкие войска, отказавшиеся идти против русских, прекрасно действовали против Италии. Борьба эта была, до известной степени, военной спайкой для всей монархии. Что произошло бы, если бы и эта спайка нарушилась? Опасность была в то время велика.

24 октября началось наше наступление. С трудом удалось итальянской армии под угрозой уничтожения южной ее части спастись за Пиавой, бросая тысячи пленных, оставляя огромную массу орудий. И только там французские и английские дивизии поддержали силы итальянцев для нового сопротивления. Наша попытка сломить и этот фронт не удалась. Я должен был убедиться, что наших сил уже не хватает для выполнения этой задачи. Операция завершилась в ничью. Несмотря на упорное желание находящихся там офицеров и солдат, оружие должно было быть сложено. Я не мог отделаться от чувства неудовлетворенности, несмотря на достигнутые успехи. Большая победа осталась все же незаконченной. Правда, наши великолепные солдаты возвращались из этого похода с гордостью. Но радость солдата не всегда разделяется командиром.

На западе.

В то время, как мы наносили последние удары России и привели Италию почти к военному крушению, Англия и Франция продолжали свое наступление против западного фронта. Там угрожала нам самая большая опасность. Бои во Фландрии разразились в самом конце июля. Несмотря на чрезвычайную трудность нашего положения, несмотря на опасность, которая грозила нам на остальных фронтах в случае английского успеха, я все-таки был несколько удовлетворен в начале этой битвы. Англия еще раз пыталась повести против нас большое и решительное наступление, прежде чем могли подойти подкрепления со стороны Соединенных Штатов. Я ви-

дел в этом влияние нашей подводной войны, которая заставила Англию приступить к решительным действиям в этом же году, невзирая на все жертвы... Битва во Фландрии выродилась в длительный бой и в общем дала много мрачных военных сцен, которые присущи такому бою. Само собою разумеется, что эти бои держали нас в большом напряжении. Могу сказать, что под их впечатлением мы редко могли предаваться чувству радости от наших успехов в России и Италии.

С большим нетерпением ожидали мы наступления дождливого времени года. Тогда Фландрская земля становилась непроходимой. Воронки от снарядов наполнялись водою, и в них можно было потонуть... Однако, пламя этой борьбы погасло только в декабре. Ни одна из воевавших сторон не торжествовала победы. Перед концом фландрской битвы вдруг возник дикий бой в местности, до сих пор спокойной. 20 ноября у Камбрэ на нас внезапно напали англичане. С помощью своих танков, противник прорезал несколько рядов наших заграждений и окопов. 30 ноября нам удалось с подоспевшими несколько более свежими силами нанести контр-удар противнику и почти восстановить прежнее положение. Таким образом, первое знаменательное наступление на западе с тех пор, как я взял руководство немецкими операциями в свои руки, окончилось успешно. На меня лично, как и на солдат и командиров, этот успех подействовал очень сильно. Я наконец почувствовал облегчение. Непрерывная оборонительная деятельность на западе кончилась. Англичане у Камбрэ впервые применили при наступлении танки. Тот факт, что танки были так усовершенствованы, что могли пройти наши препятствия, произвел на наших солдат большое впечатление. Действие стального колосса проявлялось не столько в физических разрушениях, сколько в моральном впечатлении, производимом его неуязвимостью. Французы тоже не бездействовали в это время. Во второй половине августа они напали на нас у Вердена, а 22 октября—северо-восточное Суассона. В обоих случаях они нанесли нам значительные потери.

Внутреннее положение государств и народов в конце 1917 г.

Не надо опасаться, что я теперь погружусь в поток партийных споров. Та картина, которую я бы хотел нарисовать, несомненно, будет иметь пробелы. Всякий раз снова и снова будут возникать вопросы—„почему“ и „как“? Пробелы останутся, так как многие из тех, кто мог бы сообщить необходимые сведения, замолкли на век. Я не могу дать законченной картины, а только отдельные наброски, своего рода характерный эскиз.

С первого взгляда покажется произвольным, что я начну с востока. „Турция—нуль"—это мнение можно было прочесть в делах довоенного времени, притом в делах Германии,—государства, политически настроенного по отношении к Турции не враждебно. Своеобразный нуль, однако же, защищавший Дарданеллы, завладевший Кут-Эль-Амарою, предпринявший поход на Египет, остановивший русское нападение в Армении. Очень ценный для нас нуль, который, как я уже сказал, отвлекал сотни тысяч неприятельских войск, — отборных войск, стоящих у границы турецких владений.

Что придает этому нулю внутреннюю крепость? Это загадка даже для тех, кто и в это время, и задолго до того жил в оттоманском царстве. Тупой и равнодушной кажется масса, эгоистичной и невосприимчивой к высоким национальным впечатлениям; таковы же в большинстве и высшие круги. Все государство, повидимому, состоит из народностей, разделенных глубокими отличиями и не ведущих общей жизни. И все-таки это государство существует и обнаруживает государственные силы. Власть Константинополя, казалось бы, не идет дальше Тавра; в Малой Азии уже нет истинного турецкого влияния, а между тем турецкие войска стоят и в далекой Месопотамии, и в Сирии. Араб там ненавидит турка, а турок—араба. И все-таки арабские батальоны бьются под турецкими знаменами и в массе не убегают к неприятелю, не только обещающему им золотые горы, но и в самом деле щедро раздающему золото, которое арабы так любят. В тылу английско-индийских армий, которые явились в Месопотамию, якобы для освобождения арабских племен из-под турецкого ига, эти самые освобожденные обращаются против мнимых освободителей. Значит, есть какая-то об'единяющая сила—и это не внешняя нужда, не общая политическая жизнь или внутреннее общественное чувство. Нельзя также эту связывающую силу приписать могуществу турецких властителей. Арабы могли бы освободиться от этой силы, стоило им только покинуть окопы, перейти к врагу или восстать в тылу турецкой армии. И все же они этого не делали. Не вера ли это, остаток старой веры, действует как связующее звено? Это можно с одинаковым успехом утверждать и оспаривать. В понимании оттоманской психики мы дальше не идем; споры остаются неразрешимыми.

Таким образом, несмотря на все свои несовершенства, государство это, очевидно, не может быть совсем нежизненным. Мы слышали о прекрасных чиновниках, которые, в противоположность забывшим свой долг, оказались людьми с широкими планами и с большой энергией. С одним из них я познакомился в Крейцнахе. Это был Измаил-Хакки, человек, не свободный от некоторых недостатков своего народа и все

же одаренный плодотворной мыслью. Жаль, что он не вырос на более здоровой почве. Рассказывали, что он ничего не записывает, все удерживая в памяти, несмотря на то, что на него падает масса забот. Мыслью он охватывал уже то время, которое наступит после войны, и был вдохновлен национальной, прекрасной идеей. Всего больше его тогда занимало и было самым его сильным местом — снабжение армии и Константинополя. Если бы удалили Измаила-Хакки, то турецкая армия терпела бы недостатки во всем. Она нуждалась бы еще больше, чем ей приходилось нуждаться, а Константинополь, пожалуй, пропал бы с голоду. Почти вся страна голодала не потому, что не было предметов продовольствия, а потому, что не функционировало управление страной, и был нарушен транспорт, потому, что нигде не было урегулировано соотношение между потребностями и запасами. Чем и как живут люди в в больших городах, никто не знал. Мы снабжали Константинополь хлебом, доставляли зерно из Добруджи и Румынии и вообще оказывали помощь, несмотря на собственную нужду.

Правда, та помощь, которую мы оказывали Константинополю, немного дала бы нам самим при наших масштабах. А откажись мы снабжать его, мы бы потеряли Турцию. В голодном Константинополе вспыхнула бы революция, которую не могла бы предотвратить власть. Да и обладает ли там, в самом деле, власть какой-нибудь силой? Я уже говорил о комитете; там, однако, действуют и другие силы, оппозиционные власти. Они питаются политической и, пожалуй, экономической ненавистью. Под внешне спокойною поверхностью таятся сильные течения. Иногда они обнаруживаются при попытках ввергнуть в пучину теперешних правителей. Войско также страдает от этих течений. Военное начальство должно считаться с ними, а иногда уступать им ко вреду для целого. Иначе войско распалось бы. Недостатки и нужда не могут не оказывать на армию разлагающего влияния. Бесконечная война, непосредственно связанная с прежними походами в Иемень и на Балканы, является для многих турецких солдат непрерывным их продолжением. Тоска по родине и по семье—приверженцы Ислама тоже знают эту тоску—заставляет тысячи солдат бежать из-под знамен. Из полных дивизий прибывает на место только незначительная часть. Можно спорить, составляет ли эта часть беглецев турецкой армии в Малой Азии 300.000 или 500.000 .Во всяком случае, она близка по численности к общему количеству всех боевых войск всех турецких армий, вместе взятых. Не очень отрадная картина,— и все же Турция исполняет свой долг верности без жалоб и колебаний.

В Болгарии тоже царит нужда. Нужда в предметах необходимости,—в стране, где всегда был избыток. Урожай был

средний, но его могло бы хватить, если бы страна управлялась так, как наша родина, если бы и здесь было создано равновесие между предметами, имеющимися в избытке, и теми, в которых ощущался недостаток. Один болгарин на подобное указание ответил нам: „Этого мы не умеем делать“. Простое извинение, в сущности даже самообвинение. Руки складывают потому, что не научились ими владеть. Мы ведь знали, что при переходе из турецкого рабства к полной внутренней свободе Болгария обошлась без всякой воспитывающей, организующей руки. Я буду говорить, как пруссак—у нее не было короля Фридриха-Вильгельма I-го, создавшего железные столбы, на которых так долго и так прочно покоилась наша государственная жизнь. Болгария не знает хорошего управления, но зато в ней много партий. Большинство из них резко настроено против правительства не из-за его внешней политики, потому что она обещает большую будущность, национальное единство и государственное преобладание на Балканах. Борьба неудержимо разгорается из-за внутренних вопросов. Здесь не пренебрегают никакими, даже самыми опасными, средствами. Заносят руку и на сановника, и на собственную армию. Опасная игра. Вопрос о Добрудже является постоянным подстрекающим средством к борьбе партий. Чтобы повлиять на нас и на Турцию, правительство вызвало опасных духов, и эти духи грозят разрушить все, из партийных целей проповедуют ненависть к союзникам и их представителям. Потому-то теперь, осенью 1917 года, нам кажется предпочтительным уступить пока в вопросе о Добрудже и отложить окончательное решение до выяснения исхода войны. Уступка во имя благоразумия, но не по убеждению. Поразительно то, что сразу после нашей уступки в Болгарии пропал интерес к этому вопросу. Слово Добруджа потеряло с тех пор свою агитационную силу в партийной борьбе. Так кончается эта,—по крайней мере, бескровная,—борьба с нами, но борьба между политическими партиями продолжается и неудержимо вклинивается даже в жизнь армии, глубже, чем в мирное время. Армия доступна этому разлагающему влиянию, потому что она плохо снабжена, начинает терпеть недостатки. Отсутствие организаторской деятельности и способностей обнаруживается на каждом шагу. Мы делаем предложение коренных улучшений. Болгары соглашаются с их целесообразностью, но у них нет силы и энергии осуществить их. Ограничиваются тем, что брюжжат на немцев, которые находятся в стране — правда, сообща завоеванной стране,—и должны быть снабжаемы согласно договору, потому что борются на македонской границе не для защиты Германии, но для защиты родины болгар. Немец, по мнению болгар, должен сам себя содержать и он это делает во избежание трений,—приводят скот, даже привозят

сено с родины до самой Македонии. Раздоры в борющихся совместно частях не бывают, конечно, длительны, там друг друга ценят. Они проявляются в тылу общего фронта. Чтобы прекратить эти раздоры, мы предлагаем обменять наши немецкие части из Македонии на болгарские дивизии, стоящие еще в Румынии. Мы предлагаем таким образом болгарам двойное, даже тройное численное возмещение, но тотчас же в Софии поднимается большой шум, заподозривают нашу союзную верность. Мы ограничиваемся поэтому только отводом небольшого количества немецких сил и заменой болгарских дивизий в Румынии некоторыми нашими батальонами. Расчитывать на сохранение верности этим союзником мы можем, по крайней мере, до тех пор, пока Болгария будет надеяться на удовлетворение ее больших политических претензий. Когда, однако, летом 1917 года, под влиянием немецких газетных статей и немецких парламентских речей, возникают сомнения в Софии и в болгарской армии,—к этому начинают прислушиваться, и к нам проявляется недоверие. Партии усиленно требуют теперь отставки Радославова. Его внешняя политика признается широко задуманной, ее одобряют и теперь, но он оказывается не тем человеком, который может провести ее в согласии с союзниками. Его внутренняя политика при этом многими порицается. Новые люди должны стать у кормила, старые, по мнению болгар, слишком долго засиделись у государственного пирога. Правительство должно освободиться от всех, кто связан с Радославовым, начиная от высшего чиновника и кончая деревенским старостой,— этого требует парламентская, так называемая свободная, система. И это должно произойти сейчас, во время войны.

Об Австро-Венгрии я скажу не много. Внутренние затруднения в стране не уменьшались. Попытка примирить с государством, путем мягкой политики, антигонистические чешские элементы потерпела полное крушение. Теперь делается попытка скрепить расползающиеся части государства, или, по крайней мере, его влиятельные круги, путем усиления церковного влияния, путем выставления напоказ религиозных чувств. И эта попытка остается безрезультатной. Она скорее даже приводит к новым раздорам и возбуждает недовольство там, где еще недавно царила преданность. Взаимная враждебность народностей усиливается, благодаря различию в материальном положении. Вена голодает, тогда как Будапешт сыт. Немец почти умирает от истощения, тогда как чех ни в чем не нуждается. К несчастью, урожай местами был плох. Это усиливает внутренний кризис и будет еще больше его усиливать. В Австро-Венгрии, так же, как и в Турции, налицо технические средства для создания равновесия между производством и потреблением. Но здесь не хватает единой воли,

всепроникающей государственной силы. Так старое зло внутренних политических противоречий, со всеми уничтожающими последствиями, переносится в область обыденной жизни. Нет ничего удивительного, что растет желание мира, и угасают надежды на благоприятный исход войны. Поэтому русская революция действует скорее разлагающе, чем укрепляюще. Исчезновение опасности с этой стороны не только не подымает настроение, но делает его совершенно безразличным. Даже победа Италии—торжество только для отдельных национальных общественных кругов. Масса не проникается гордостью. Она частью, действительно, голодает. Многое, имевшее значение до смерти старого короля, утратило, свою нравственную силу. Тысячи чешских и других подстрекателей попирают государственную честь. При таких условиях надо было обладать более крепкими, чем у австро-венгерского правительства, нервами, чтобы противостоять требованию массами мира во чтобы то ни стало.

Вернемся к нашей родине. В нашем отечестве происходят глубокие и тяжелые по последствиям перемены во внутреннем политическом положении. Кризис обнаруживается отставкой рейхс-канцлера Фон Бетмана. Если я сначала думал, что наши воззрения на создавшееся вследствие войны положение совпадают, то, к сожалению, со временем я должен был признать, что это не так. Мне было поручено руководить войной, а для этого мне нужны были все силы родины. Дробить их внутренней борьбой в моменты величайшего внешнего напряжения, вместо того, чтобы их об'единить и снова поднять—значило ослаблять нашу политическую и военную мощь. С этой точки зрения я не мог спокойно смотреть как на родине разрушается то единство, в котором мы так нуждались на фронте.

Убежденный в том, что мы в этом отношении все больше уступаем неприятелю, что мы идем противоположным путем, я вступил в конфликт с нашим правительством. Общая работа от этого страдала. Я считал поэтому своей обязанностью заявить в июле Высочайшему военному начальнику о своей отставке, как ни трудно было мне, в качестве солдата, сделать этот шаг.—Отставка не была принята Его Величеством. Канцлер одновременно просил отставки, побуждаемый к тому заявлением лидеров партий рейхстага. Его отставка была принята. Обнаружившиеся последствия этой отставки внушали опасения. До сих пор охраняемая видимость политического и гражданского мира была нарушена. Образовалась партия большинства с явно выраженным уклоном влево. Ошибки, которые будто бы были допущены в прежние времена, в период развития наших внутренних государственных отношений, были использованы во время тяжелого внешнего поли-

тического положения родины,—использованы для того, чтобы понудить правительство к дальнейшим уступкам в пользу так называемого парламентского развития. Мы должны были на этом пути утратить внутреннюю сплоченность. Бразды правления постепенно переходили в руки крайних партий. Приемником Бетмана-Гольвега был назначен д-р Михаэлис. С ним у нас вскоре установились доверчивые отношения. Он смело подошел к своим тяжелым обязанностям, но не долго оставался на посту. Обстоятельства были сильнее его. Парламентский разброд не уменьшался. Большинство все больше склонялось влево и, несмотря на некоторые прекрасные речи, на деле все шли за элементами, желавшими уничтожить царивший до сих пор государственный порядок. Все резче обнаруживалось, что родина забыла серьезность нашего положения в борьбе или не хотела больше знать о нем, увлеченная партийными интересами и партийной догмой. Наши противники совершенно открыто высказывали по этому поводу свое торжество и раздували этот партийный раздор. При таком положении дел старались найти рейхсканцлера, который был бы в состоянии, благодаря своему парламентскому прошлому, оказывать на партии об'единяющее влияние. Выбор пал на графа Гертлинга. Я познакомился с ним еще в Плессе, где он был в составе свиты короля Баварского. Меня поражало и радовало то, с какой охотой этот старый человек отдавал свои последние силы на служение отечеству. Его несокрушимая вера в наше дело, его надежды на наше будущее превозмогали самые тяжелые положения. Он проявлял много такта в обращении с парламентскими партиями, но не обладал той решительностью, которая соответствовала бы серьезности положения. В отношении к высшему командованию, к сожалению, оставалось прежнее недоверие, которое иногда затрудняло общую работу. Мое уважение к графу от этого не нарушилось. Как известно, он умер вскоре после того, как покинул свою службу, полную для него терниев.

Но и помимо этих неблагоприятных обстоятельств, не все радовало на родине к концу 1917 года. Война и лишения тяжело обрушились на многие слои народа и повлияли на его настроение. Годами голодный или во всяком случае неудовлетворенный желудок не располагает к высоким душевным порывам и делает человека равнодушным. Нет, к тому же, новых духовных и душевных импульсов, которые могли бы помочь в борьбе с этим равнодушием. И даже в тех кругах, где обычно думали иначе, начинают утверждать, будто ничего нельзя поделать с равнодушием масс. Защитники этого взгляда складывают руки и предоставляют все своему течению. Они наблюдают за работой партии, пользуются усталостью народа и на этой благодарной почве проводят свои идеи

против государственного порядка, сея вредные семена, которые дают дальнейшие ростки только потому, что не находится рук, которые могли бы вырвать этот бурьян.

Равнодушие проявляется в бездеятельности, которая подготовляет почву для недовольства. А это заражает не только народ, но и солдат, возвращающихся на родину. Солдат, возвращаясь с поля битвы и видя, чтó делается на родине, мог бы подействовать на нее оживляюще. Часто это и случалось. Но солдат может действовать на общее настроение и удручающе: к сожалению, и это делали многие,— разумеется, не лучшие. Они ничего не хотели больше и слышать о войне, оказывали дурное влияние на испорченную уже почву, в свою очередь впитывали из нее дурные соки и переносили разложение своей родины в ряды армии.

Много безотрадного в этой картине, и не все здесь следствие войны. Война, конечно, не только подымает, но и производит распад. А нынешняя война больше, чем все предыдущие, калечила не только тело, но и душу.

Противник со своей стороны старался углубить этот распад. Не только блокадой и голодом, но и еще одним средством, которое зовется „пропагандой во враждебном лагере". Это новое средство борьбы, о котором не знали раньше— по крайней мере, в таком масштабе и в таком безудержном применении. Противник прибегал к этому как в Германии, так и в Турции, Австро-Венгрии и Болгарии. Дождем сыпались провокационные листки не только на наши фронты, западный и восточный, но и на турецкий—во Фракии и Сирии. Такого сорта пропаганда называлась „просвещением противника". Правильнее было бы назвать ее затуманиванием истины, даже хуже—отравлением врага. Этот метод применяют, когда не чувствуют в себе силы победить врага в открытом, честном бою и сломить его моральную силу победами оружия.

В заключение я сделаю еще попытку заглянуть во внутренние дела враждебных нам государств. Я намеренно говорю—„попытку", потому что во время войны речь может идти только об этом. Мы ведь были блокированы не только в области хозяйственной, но и во всех остальных отношениях.

Наше соседство с нейтральными государствами мало меняло дело. Наша агентура имела лишь очень небольшой успех. В борьбе между нами и противниками в этой области немецкое золото не помогло. Мы знали, что по ту сторону борющегося западного фронта сидит правительство, лично исполненное ненавистью и мыслью о мести и беспрерывно подстегивающее народ.

„Горе тем, кто до сих пор оставался победителем"—вот к чему сводятся все речи Клемансо. Франция истекает кровью из тысячи ран. Если бы этого не знали, то могли бы узнать

из публичных заявлений ее диктатора. Ни одного слова, ни одной мысли об уступке. Стоит где-нибудь в этом железом скованном государственном строе появиться трещине, и правительство тотчас оказывает неопреодолимое давление. Цель достигается. Ничего, что народ в своем большинстве мечтает о мире, — всякое открытое движение в этом направлении хладнокровно попирается в стране республиканской свободы, и народ продолжает пичкаться либеральными фразами. Еще до войны в так называемой антимилитаристской Франции слова о гуманизме и пацифизме клеймились, как „опасное усыпляющее средство, которым доктринерские поборники мира хотят ослабить мужество народов“. „Пацифизм делал это во все времена, его настоящее название—трусость, т. е. чрезмерная любовь индивида к самому себе, любовь, заставляющая его отступать перед всяким личным риском, не приносящим ему непосредственных выгод“. Так говорили в „мирной Франции“.— Нечего удивляться что „Франция войны“ думала не гуманнее, и каждого, кто во время войны вообще осмеливался говорить о мире, клеймила, как предателя. Мы не сомневаемся, что французский народ, в конце 1917 года, питался лучше, чем германский. В первую очередь заботятся о парижанах, вознаграждают и отвлекают их всеми возможными удовольствиями. Для нас еще являлось сомнительным, может ли галл переносить так долго и так самоотверженно лишения повседневной жизни, как их переносит германец. Однако, ясно, что если бы Франция и голодала, она должна была бы воевать до тех пор, пока этого хотела бы Англия, хотя бы ей угрожала гибель.

Французские пленные говорят, правда, об ужасах войны, они рассказывают о наступившей на их родине нужде. Но их вид не дает оснований думать, что они терпят недостатки. Все хотят окончания войны, но никто не расчитывает на него, „пока другие хотят войны“.

Как обстоят дела в Англии? В хозяйственном и международном отношении Англия находится в большой опасности, и никто там не боится высказывать это. Ей остается один исход—победа. Впродолжение этого года войны (1917) Англия превозмогла „припадок слабости“. Одно время казалось, что всеобщее желание войны поколеблено, и требования сбавлены. Раздался голос лорда Ленсдоуна, но он смолк, под давлением всеобщего воинственного настроения, обещающего скорый конец борьбы. После хозяйственного и политического застоя, летом снова чуялось назревание успеха—назревание, происхождение которого нам, конечно, не было известно до конца 1917 года. Мысль о приближении конца войны снова подымает весь народ. Опять охотнее переносятся лишения, отказываются от привычных условий и политических свобод, в надежде,

что сбудется предсказание, будто после счастливого исхода войны каждый англичанин станет богаче. На мир, следовательно, пока расчитывать нельзя, разве военные расходы станут слишком велики. Пленные англичане ведут такие же речи в конце 1917 года, как и в конце 1914 года. Никто не испытывает удовольствия от сражения. Но об этом и не спрашивают там, за морем. Выставляются только требования, и они выполняются.

Иначе, чем во Франции и Англии, представляется положение в Италии. В походе прошлою осенью многие тысячи итальянских солдат без видимой причины бросали оружие, не по недостатку мужества, а из отвращения к бессмысленному для них кровопролитию. Но если не было военного воодушевления ни в армии, ни в стране, то все же народ не совсем ослабел, да он и знает, что его слабость поведет к голоду и холоду. Итальянская воля должна и впредь склоняться перед чужою волею. Такова судьба Италии с самого начала. Это терпят только в виду богатой манящей добычи.

Из Соединенных Штатов долетает до нас еще меньше голосов, чем из враждебных европейских стран. То, что мы узнаем, подтверждает, однако, наши предположения. Блестящее, хотя и безжалостное добывание военных барышей прикрывается патриотизмом, а патриотизм не изменяет. И в стране, у входа в которую высится статуя свободы, ослепительно освещающая путь пришельцу, под влиянием военной необходимости, царит безграничная власть. Там понимают, что такое война. По окончании войны пусть снова раздастся голос золотой свободы на благо человека; теперь, однако, она подавлена для пользы государства. Все слои и народности слились в борьбе за идею. А где иссякает вера, или же голос крови говорит не в пользу англосаксонцев, там решающую роль играет золото.

О России нечего много говорить. Мы смотрим на ее внутреннее состояние, как на открытую огненную пучину. Быть может, она догорит до конца. Во всяком случае, она повергнута, а с нею вместе и Румыния.

Таково было, в конце 1917 года, внутреннее положение в воюющих странах.

Многие тогда задавали себе вопрос: „чем об'ясняется, что противник в своих неумеренных политических требованиях к нам не шел ни на какие уступки, несмотря на многие военные неудачи в 1917 г., несмотря на выход из войны России, несмотря на несомненно большое значение подводной борьбы и созданную этим неуверенность в возможности перевозки больших северо-американских сил на европейский театр войны? Как мог Вильсон еще 18 января 1918 года, при одобрении правительств наших противников, ставить нам такие

условия мира, которые можно диктовать только поверженному врагу, но с которыми нельзя подходить к противнику, до сих пор боровшемуся с успехом и проникшему почти всюду глубоко во внутрь вражеской страны? Мой ответ на это был и остается следующий: В то время, как мы побеждали вражеские армии, внимание правительств и народов было направлено на развитие внутренних отношений в нашем отечестве и у наших союзников. От противника не могли ускользнуть те слабости, которые я обрисовал. Эти слабости усиливали его надежды, часто непонятные для нас, и поддерживали его стремление к победе.

Наши обстоятельства были ему известны не только благодаря вражеской разведке, работавшей в самых лучших условиях, но и потому, что наш народ и его политические представители ничего не делали, чтобы скрыть от врагов наши неурядицы. Немец проявил себя еще настолько политически незрелым, что он не в состоянии был владеть собой. Он высказывал свои мысли вслух, не считаясь с последствиями. Он удовлетворял свое тщеславие, открывая перед широкими кругами свои знания и свои чувства. Приносил ли он этим пользу отечеству или вредил, было второстепенным вопросом, с точки зрения тех космополитических чувств, которыми он был охвачен. Он считал, что действует справедливо и умно, был сам этим доволен и предполагал, что и слушатели его также довольны. Тем для него все дело и кончалось. Эта ошибка мешала нам в нашей великой борьбе за национальное существование больше, чем военные неудачи: Недостаток политической самодисциплины, которая составляет у англичан вторую натуру, отсутствие той любви к отечеству, свободной от космополитических мечтаний, какой проникнуты французы,—вот наши минусы; они ярко сказались в немецкой резолюции о мире, обсуждавшейся в рейхстаге 19 июля 1917 г., т. е. именно в тот день, когда проявилась в последний раз русская военная сила. Я знаю хорошо, что среди об'ективных оснований этой резолюции большую роль играли некоторые разочарования в ходе войны, а также в видимых результатах нашей подводной борьбы.

Можно быть различного мнения о правильности такой пессимистичной оценки нашего положения—как известно, я считал его более благоприятным, но во всяком случае нельзя не видеть ошибки в этом парламентском шаге. В то время, когда противник рад был бы каждому негромкому слову о мире с нашей стороны, мы просто кричали ему в ухо о том, что хотим мира. Те речи, которые яко бы маскировали положение вещей, были так прозрачны, что не могли ввести в заблуждение никого во вражеском лагере. Так, на слова Клемансо: „я веду войну“ слышалось у нас эхо: „Мы хотим

мира“. Я был против этих резолюций мира не с точки зрения общечеловеческой, а с точки зрения солдата. Я предвидел, во что это нам обойдется, и выразил это в словах: „Еще год войны, по крайней мере“. Еще год войны, при тяжелом положении родины и наших союзников.

Решающая борьба на западе.

Серьезность положения, мною изображенного, естественно выдвигала вопрос—какие же надежды на благоприятное окончание войны были у меня, когда мы приступали к последним решительным сражениям?

Мой ответ будет ответом не политика, а солдата. Я считал, что Австро-Венгрия сможет справиться со своими фронтами, в виду военной слабости России и Румынии и тяжелого положения Италии. Я считал также, что Болгария в состоянии противостоять силам Антанты в Македонии. Турецкие силы в Малой Азии, благодаря революции в России—были также освобождены. Поэтому Турция располагала достаточными силами, чтобы поддержать свои армии в Месопотамии и Сербии. По моему мнению, для того, чтобы наши союзники могли выдержать, было достаточно правильного распределения военных сил. Большего я от них и не требовал. Мы сами своими силами хотели выиграть решительную битву на западе. Для этого мы должны были воспользоваться нашими освобождающимися силами на востоке и создать на западе армию, превосходящую силы нашего противника.

Что давало нам право расчитывать на победу? Ответ легко дать, но не легко об'яснить. Это—„надежда“. Надежда не на счастливую звезду, не на численность и внешнюю силу, нет,—та надежда, с которой полководец ведет свою армию во вражеский огонь, убежденный в том, что она вынесет самое трудное и даже невозможное.

Я буквально чувствовал стремление войск выйти из ужасного положения оборонительной войны. Кроме того, от наступления я ждал и других результатов. Я надеялся, что с нашими первыми победоносными боями воспрянет наша родина. Я думал, что снова оживет военный дух в угнетенной Австро-Венгрии, что возникнут политические и национальные надежды в Болгарии, и увеличится выдержка в далеких оттоманских областях. Военным идеалом был для меня, конечно, полнейший прорыв вражеской линии, который дал бы простор нашим операциям. Наше наступление требовало, однако, не только материальной подготовки, но и тактической. Мы совершено отказались от той тактики, когда отдельный человек под защитой своих соратников выдержи-

вает натиск,—тактика, с которой мы хорошо познакомились на востоке.

Если вражеская пресса 1918 г. и говорила о массовых штурмах, то она употребляла это выражение прежде всего для того, чтобы удовлетворить потребность в сенсации, а затем, чтобы, сделать картину битвы понятнее для массы. Откуда нам было взять людей для такой тактики и для таких массовых жертв? Конечно, все силы были привлечены для этого кровавого дела.

Но проведение военной задачи тормозилось нашими политическими и хозяйственныаи условиями и делало мое личное вмешательство необходимым.

Я бы хотел осветить этот вопрос всесторонне и начну с востока. 15 декабря на русском фронте было заключено перемирие. В виду разложения русской армии, мы еще раньше отвели оттуда большую часть наших боевых сил, оставив только часть боеспособных дивизий до окончательного расчета с Россией и Румынией. Конечно, мы были бы очень довольны, если бы начало 1918 г. ознаменовалось миром на востоке. Вместо этого из Брест-Литовска раздавались дикие агитационные речи доктринеров разрушения. Широкие народные массы всех стран призывались этими подстрекателями свергнуть угнетающее их иго и установить царство террора. Мир на земле должен быть обеспечен массовым убийством буржуазии. Русские парламентеры, и прежде всего Троцкий, смотрели на переговоры, которые должны были примирить сильных противников, как на средство сильнейшей агитации. При таких условиях неудивительно, что переговоры о мире не подвигались вперед. По моему мнению, Ленин и Троцкий вели активную политику не как побежденные, а как победители, причем они хотели внести разложение в наш тыл и в ряды нашего войска. Мир при таких условиях грозил стать хуже, чем перемирие. Представители нашего правительства при обсуждении вопросов мира поддавались ложному оптимизму. Высшее военное командование учитывало опасность и предостерегало против нее.

Пусть велики были эти трудности, от которых страдало наше представительство в Брест-Литовске, но я, во всяком случае, обязан был настаивать на том, чтобы, в виду предпринятых нами операций на западе, мир на востоке был заключен как можно скорее. Дело однако осложнилось, когда Троцкий 10 февраля отказался подписать мирный договор, об'явив в то же время, что война кончена. В этом презрительном отношении Троцкого к основам международного права я мог видеть только попытку продлить неопределенное положение на востоке. Было ли это результатом влияния Антанты, я не знаю. Во всяком случае, положение создалось

невозможное. Канцлер граф Гертлинг присоединился к взгляду верховного командования. Его Величество император решил 13 февраля, что 18-го снова должны быть начаты враждебные действия на востоке.

Проведение операций почти нигде не встретило серьезного сопротивления врага. Русское правительство признало теперь угрожающую ему опасность. 3 марта в Брест-Литовске был подписан мир между четверным согласием и Великороссией. Русская военная сила вышла из войны. Большие территории страны и целые народности были оторваны от русского тела. Образовалась большая трещина между Великороссией и Украйной. Выделение по мирному договору окраинных государств было для меня военным успехом. Этим был создан, если можно так выразиться, буфер позади нашей границы против России. С политической точки зрения я приветствовал освобождение Балтийских провинций, потому что немецкое влияние могло теперь там развиваться свободнее, и могла усилиться колонизация этих областей.

Нечего и говорить, что переговоры с русским правительством террора очень мало соответствовали моим политическим убеждениям. Но мы были вынуждены прежде всего заключить договор с существующими властителями Великороссии. Впрочем, тогда там все так волновалось, что я лично не верил в длительное господство террора.

Несмотря на заключение мира, мы и теперь, конечно, не могли отвести все наши боеспособные силы с востока, не могли предоставить занятые области собственной судьбе. Уже одно желание установить барьер между большевистскими властями и освобожденными нами землями настоятельно требовало оставления на востоке сильных немецких частей. Наши операции на Украйне также не были закончены. Мы должны были вступить в эту страну, чтобы упорядочить ее политические отношения. Только тогда, когда это удалось, у нас явилась перспектива добывать на Украйне предметы необходимости прежде всего для Австро-Венгрии, затем и для нашей родины, кроме того сырье для военной промышленности и военных потребностей в нашей армии. Политическая точка зрения в этом предприятии не играла никакой роли для высшего командования.

Совсем иное значение имела военная поддержка, которую мы оказывали осенью этого года Финляндии в ее освободительной борьбе против русского господства. Большевистское правительство ведь не выполнило данного нам обещания очистить страну. Кроме того, мы надеялись привлечением Финляндии на свою сторону затруднить военное влияние Антанты со стороны Архангельска и Мурманского

побережья на дальнейшее развитие событий в Великороссии. В то же время мы угрожали этим Петрограду, что было тогда очень важно, потому что большевистская Россия должна была сделать новую попытку нападения на наш восточный фронт. Применение небольших сил — дело шло едва ли не об одной дивизии — во всяком случае окупалось с лихвой. Мое откровенное сочувствие этой освободительной войне финляндского народа, по моему мнению, совершенно совпадало с требованиями военной обстановки.

Во всяком случае, я могу утверждать, что мы ничего не упустили, чтобы собрать по возможности все наши боевые силы для решительной битвы на западе.

Зимою 1917—18 г. мы, наконец, достигли того, к чему я стремился три года назад. Мы могли без всякой помехи обратиться к западному фронту и взяться за оружие против него. Этого бы, может быть, и не понадобилось бы, если бы мы окончательно разбили русских в 1915 г.

В 1918 году эта задача стала для нас гораздо труднее. Франция все еще была сильным противником, хотя и пострадала не менее нашего. Ее поддержала английская миллионная армия, в полном вооружении, хорошо обученная и опытная. В угрожающей близости оказался новый враг, самый мощный в хозяйственном отношении, владеющий всеми средствами военной борьбы против нас, представляющий огромные массы войск. Враг этот—Соединенные Штаты Северной Америки. Подойдет ли он во-время, вырвет ли он у нас победу? В этом и только в этом был вопрос. Я думал, что на него можно ответить отрицательно.

Исход нашего большого наступления на западе поставил перед нами вопрос: не было ли бы полезно и в 1918 г. вести на западном фронте, главным образом, оборонительную войну, пользуясь поддержкой стоящих там армий с сильными резервами, а все остальные военные и политические силы направить на то, чтобы урегулировать на востоке государственные и хозяйственные отношения и поддержать военные задачи наших союзников. Было бы ошибкой думать, что меня не занимали тогда подобные вопросы. После зрелого обсуждения я на них однако ответил отрицательно. Чувства при этом не играли никакой роли. Можно ли было расчитывать на быстрое окончание войны при таком ведении ее? Мы должны были всеми мерами стараться достичь быстрого и успешного конца. Это требование более или менее громко высказывалось всеми нашими союзниками. Напротив, нельзя сказать, чтобы наши противники были у последней черты физического и душевного напряжения сил. Они могли бы еще годами продолжать войну, если бы мы не наступали. Тот, кто не хотел бы вести ее, был бы попросту вынужден

другими. Нашей участью была бы, несомненно, смерть от истощения сил, раз мы не могли довести до этого наших противников. Даже учитывая теперешнее несчастье нашей родины, я все же убежден, что возрождению ее будет скорее способствовать сознание, что на защиту ее были отданы последние силы, чем если бы война кончилась постепенным ослаблением и истощением сил. Мы не избегли бы судьбы, которая постигла нас теперь, но тогда не было бы возвышающей мысли о несравненном героизме. Я ищу примера в истории и нахожу его в воинской славе битвы при Эллау. Если она не могла изменить судьбы старой Пруссии, то все же она, как яркая звезда, освещает тьму 1807—1812 г. Ее блеск утешал и ободрял многих. Разве немецкое сердце стало иным теперь? Мое прусское сердце бьется, по крайней мере, по-прежнему.

Спа и Авен.

8 марта по приказу Его Величества наша главная немецкая квартира, согласно нашему ходатайству, была переведена в Спа. Эта перемена обусловливалась предстоящими операциями на западе. Отсюда мы легче могли сноситься с главными частями западного фронта, чем из Крейцнаха, где мы стояли до сих пор. В виду того, что мы хотели следить за событиями, по возможности, в непосредственной близости от них, мы выбрали, кроме того, для высшего командования Авен, как несколько выдвинутое вперед место. Туда мы вступили 19 марта с большею частью генерального штаба и, таким образом, находились в центре армии и высшего командования армий, которое должно было играть главную роль в предстоящих решительных боях. Особый вид городу придает мощная, неуклюжая постройка старой церкви. Сохранившиеся еще некоторые крепостные постройки напоминают о том, что Авен в прежние времена играл военно-историческую роль. Насколько мы помним, в 1815 г. часть прусской армии заняла тогдашнюю крепость и затем направилась дальше к Парижу. Война 1870 и 71 г. не затронула этой местности.

Город утопает в зелени и представляет собой тихий уголок. Наше присутствие внесло лишь небольшое оживление. Я сам, после 47 лет перерыва, снова находился среди французов. Типы, которые я встречал на улице, так мало изменились с 1870—71 г., что я совершенно забывал о прошедшем времени. Теперь, как и тогда, жители сидят перед домами,—мужчины задумчивы, женщины оживленно болтают, дети играют в мяч и поют, как в мирное время. Счастливое детство!

Наше долгое пребывание в Авене подтвердило мне, что французское население с достоинством переносит свою суровую судьбу, тяготеющую над ним, благодаря долгой войне. Уже не было повода прибегать к каким-либо особым мерам, чтобы оградить порядок и нашу безопасность. Мы ограничились только тем, что могло создать условия для спокойной работы.

Его Величество не остановился в Авене, но остался на все время последующих крупных событий в своем поезде, который продвигался сообразно военному положению. Долгое пребывание в тесных помещениях поезда должно служить доказательством непритязательности нашего военачальника. В этот период он жил исключительно интересами своей армии. Вражеские аэропланы, например, совершенно не беспокоили его. Пребывание в Авене дало мне возможность, впродолжение следующих месяцев, чаще, чем раньше, непосредственно соприкасаться с нашими частями и полководцами, а также со штабами. Особенно меня радовала возможность принимать у себя офицеров. Их военный опыт, их простые рассказы представляли для меня не только военный, но и общечеловеческий интерес, особенною радостью было для меня посещение мазурского полка, носящего мое имя,—гвардейского полка, в состав которого я входил, в качестве молодого офицера, в продолжение двух войн,—и, наконец, посещение ольденбургской пехоты, которой я командовал. Правда, от состава мирного времени осталось очень мало, но и в новом поколении я нашел тот же солдатский дух. Большинство офицеров и солдат я видел в первый раз, а многих и в последний раз. Честь их памяти!

Великая битва во Франции.

То напряжение, с которым мы оставляли Спа вечером 18 марта, возросло, когда мы пришли к месту назначения. Прекрасная, почти весенняя погода изменилась. Большие дождевые тучи плыли по небу. Нам были, в сущности, безразличны и тучи, и дождь. Они, пожалуй, скрывали последние наши приготовления к наступлению. Были ли у нас, однако, основания надеяться, что противник еще не знает о наших мероприятиях? Вражеская артиллерия от времени до времени проявляла особенное оживление. Неприятельские летчики ночью отыскивали наши важнейшие линии передвижения и стреляли по ним из пулеметов. Но все это еще не давало ответа на вопрос: „может ли удаться нам сюрприз“? 20 марта почти весь день была гроза и лил дождь. Перспективы на 21 были неопределенны, возможен был туман. Несмотря на это,

в полдень было решено начать битву утром следующего дня. На рассвете 21 марта северная Франция от берега до Авена была в тумане. Чем выше подымалось солнце, тем гуще становился туман. Иногда можно было различать предметы только на расстоянии нескольких метров. Даже звуковые волны, казалось, поглощались серыми туманами. В Авене слышен был отдаленный и неопределенный гром с поля сражения, на котором с раннего утра работали тысячи орудий разных калибров.

Невидимая и не видящая, работала наша артиллерия. Только добросовестность и хорошая подготовка обеспечивали успех наших батарей. Противник отвечал различно. Это были скорее поиски неизвестного неприятеля, чем систематическая борьба с врагом.

Следовательно, и теперь еще не было уверенности, ожидает ли англичанин в полной оборонительной готовности нашего нападения. Туман не прояснялся. В 10 ч. утра в полосу тумана вошла наша доблестная пехота. Вскоре о ней стали получаться неясные донесения. Постепенно стало выясняться, что всюду мы проникали на самые передовые позиции врага. К обеду туман рассеялся, победило солнце.

Только вечером картина достигнутого ясно определилась. Результаты дня казались мне удовлетворительными. В этом смысле высказались и наши офицеры генерального штаба, возвращающиеся с поля битвы. Но только следующий день мог показать — не постигнет ли нас и теперь та же участь, какую не раз готовил нам неприятель, втягивая нас в дальнейшее наступление.

Но ни второй, ни третий день не изменили течения боя. 23 марта первые гранаты попадают во вражескую столицу. При этом блестящем ходе нашего наступления в западном направлении, оставляющем за собою все до сих пор сделанное на западном фронте, мне представляется возможным проникнуть до Амьена. Этот город имеет для нас огромное стратегическое значение. Будет ли он в наших руках или попадет, хотя бы вместе с окрестностями, под наш сильный артиллерийский обстрел,—во всяком случае этим самым поле действия противника разбивается на две части. Англия остается по одну сторону, Франция—по другую. Политические и стратегические интересы раздробляются; это может быть выражено двумя словами: „Калэ“ и „Париж“. Поэтому—вперед к Амьену!

И действительно, мы подвигаемся вперед гигантскими шагами. Все же следует опасаться, что противник сознает угрожающую ему опасность и попытается сделать все, чтобы встретить врага. И в самом деле, наши новые попытки удаются только частично. Сопротивление врага становится

все сильнее и сильнее, а наше движение все медленнее и медленнее. Надежды на Амьен должны рассеяться.

Надо рассматривать факты так, как они есть. Человеческая работа не совершенна. Даже благоприятные обстоятельства не используются, не всегда с одинаковой энергией берутся за дело даже тогда, когда в перспективе блестящая цель. Можно бы говорить каждому солдату: „Напирай на Амьен, приложи свои последние усилия. Может быть, у Амьена — последняя решительная битва. Овладей хотя бы еще Вильер-Бретонексом, чтобы с его высот тяжелая артиллерия достигла Амьена".

Напрасно, силы сломлены.

Противник видит ясно, чего он лишится с потерей Вильер-Бретонекса. Он противопоставляет нам все, что только может. Появляются французы и своими массовыми наступлениями и боеспособной артиллерией спасают положение свое и своих союзников. У нас человеческая натура повелительно требует своего. Мы должны перевести дух. Пехота нуждается в отдыхе, артиллерия в снарядах. Счастье, что мы могли своими большими резервами побить врага. Иначе нам бы не перейти Сомму.

Дороги, лежащие в пределах вражеских позиций, были так испорчены снарядами, что ими можно было пользоваться только после долгой предварительной работы.

Но мы еще не совсем оставили надежду завоевать Вильер-Бретонекс. 4 апреля мы делаем новую попытку прогнать оттуда неприятеля. Первые известия о нашем наступлении в этот день обещают многое. Но следующий день, 5 апреля, приносит разочарование. Амьен остается в руках врагов и обстреливается только нашими дальнобойными орудиями, которые могут лишь нарушать продвижение противника, но не препятствовать ему.

„Великая битва" во Франции окончена!

Битва у Лис.

Одним из боевых планов начала 1918 года был также план наступления на английские позиции во Фландрии. При этом ставилась цель ударить на оба английских северных фланга, выдвинувшихся к востоку по обе стороны Армантьера и, продвигаясь в направлении к Хацебруку, нанести противнику поражение. Перспективы этой операции, в случае ее удачи, были очень соблазнительны, но проведение ее встречало серьезные препятствия. Прежде всего было ясно, что здесь нам придется столкнуться с самой сильной английской группой. Сосредоточенная в сравнительно узком пространстве,

она могла обратить наши наступающие части в бегство. Таким образом, это предприяте привело бы нас к опасности, которой мы хотели избегнуть. К тому же обнаружились неблагоприятные географические условия местности по обе стороны Армантьера. Надо было пройти широкую долину реки Лис и миновать самую реку. Зимой большое пространство низменности было залито водой, весной там часто неделями стояла грязь. Севернее Лис почва резко поднимается и, наконец, круто переходит в возвышенность, достигающую высшей точки у Кеммеля и Касселя.

Пока долина Лис не станет до некоторой степени проходимой, нечего было и думать о проведении этого наступления. При обычных условиях погоды можно было с некоторой уверенностью расчитывать, что почва просохнет только к середине апреля. Мы, однако, не хотели откладывать на такой долгий срок решительную борьбу на западе. Ведь нам угрожало активное выступление Северной Америки. Поэтому, несмотря на серьезные препятствия, мы все же дали распоряжение подготовлять эту операцию. При этом принималось во внимание то обстоятельство, что наши операции при Сен-Кантене заставят противника отвести большие силы из Фландрии, чтобы противопоставить их нашему натиску.

В конце марта, как только обнаружилось, что наше наступление в направлении к западу должно приостановиться, решено было начать операцию на фронте Лис. На запрос к армии принца Рупрехта был получен ответ: „наступление в равнине Лис, благодаря сухой погоде, сейчас возможно“. Командиры армии и солдаты с чрезвычайной энергией приступили к этому предприятию. 9 апреля, в годовщину большого кризиса у Арраса, наши войска, готовые к бою, снялись со своих заболоченных позиций на фронте Лис от Армантьера до Ла-Бассе. Конечно, не широким наступательным потоком двигались они навстречу врагу, а чаще маленькими группами и узкими колоннами переходили в брод болота, пробирались между глубокими, наполненными водой воронками от снарядов или по немногим сравнительно твердым полоскам земли. Под прикрытием огня нашей артиллерии и аэропланов, несмотря на все естественные и искусственные препятствия, этот удивительный переход, в который, очевидно, не верили ни англичане, ни стоявшие среди них португальцы, все же удался. Португальские солдаты в большинстве обратились в неудержимое бегство и окончательно отказались от боя. Конечно, в условиях местности нам трудно было использовать в полной мере достигнутый нами успех. С большим трудом продвигались за пехотой отдельные орудия и военный обоз. Все же вечером мы достигли реки Лис и в одном месте перешли ее. Решить дело и на этот раз должны были бои следующих

дней. Перспективы вначале были благоприятны. 10 апреля в наши руки попадает Эстер: мы захватываем местность северо-западнее Армантьера. В тот же день наше наступление распространяется до Витчета.

Следующий день приносит нам новые успехи и новые надежды. С юга мы приближаемся к первым ступеням могучей возвышенности, откуда противник наблюдал наше наступление и где стояла его артиллерия. С этих пор успехи становятся все слабее. На левом фланге в западном направлении они почти прекращаются и ослабевают значительно в направлении на Хацебрук. В центре, в следующие дни мы берем еще Байоль и с юга вступаем в холмистую местность. Витчета попадает также в наши руки. Этим, однако, исчерпываются результаты первой битвы.—Движение наших наступающих с юга войск было связано, точно цепями, трудностью установить связь через равнину Лис. Снаряды подходят в ограниченном количестве, и только военная добыча дает нам возможность удовлетворительно снабжать наши войска.

В борьбе против неприятельских пулеметов, наша пехота истекает кровью; необходимо на некоторое время задержать наступление. С другой стороны, развязка приближается. Мы попали в одно из тех положений, когда наступление чрезвычайно затруднено, а оборона становится опасной. Не выдержка, а движение вперед—единственное средство освобождения из этого положения.

Мы должны взять приступом гору Кеммель. Фотографии наших летчиков дают нам только частичное представление об имеющихся там тонкостях обороны. Мы, однако, надеемся, что внешнее впечатление от горы сильнее, чем ее действительное тактическое значение. Такой опыт уже был у нас в других случаях. Лучшие войска, обнаружившие свою силу при Красном, в боях в трансильванских горах, в сербско-албанских возвышенностях и верхне итальянских Альпах, и здесь, пожалуй, сделают невозможное возможным.

Чтобы обеспечить успех нашего дальнейшаго наступление во Фландрии, необходимо вынудить французов предоставить английскому союзнику нести одному всю тяжесть тамошней битвы. Поэтому 24 апреля мы снова делаем нападение на Вильер-Бретонекс, расчитывая, что французы будут больше заботиться об Амьене, чем о помощи теснимому во Фландрии союзнику. Но это новое нападение не осуществляется.

Напротив, 25 апреля английская оборона на горе Кеммель при первом же натиске терпит поражение. Потеря этой защиты потрясает весь вражеский фландрский фронт. Противник начинает отступать от Ипернской дуги, которую он удлинил долгой борьбой в 1917 г. Он, однако, оберегает, как

драгоценность, последний фландрский город, который не хочет потерять по политическим соображениям. Но не у Иперна, а на юго-востоке, в направлении к Касселю, решится дело во Фландрии. Если нам удастся продвинуться в этом направлении, то весь английско-бельгийский фландрский фронт должен перекатиться на запад. Так же, как и месяц назад, при мысли об Амьене, растут и теперь надежды. Я чувствую, как вся Англия, затаив дыхание, следит за развитием фландрского сражения.

После того, как исполинский бастион—гора Кеммель—пал, у нас нет основания откладывать дальнейшее наступление. Правда, приходят известия об отказе некоторых наших частей. Да и на поле битвы сделаны ошибки и упущения,—но все же мы до сих пор—господа положения и должны ими остаться. Успехи, подобные тем, какие были достигнуты у Кеммеля, вдохновляют не только участников этого дела, но и всю армию. Итак, вперед, по крайней мере, до Касселя! Оттуда огнем дальнобойных орудий мы достигнем Булони и Калэ. Оба города завалены английскими военными припасами; кроме того, они, служат гаванью для высадки английских сил. Если нам удастся здесь справиться, пока не подоспеет французская помощь, то перед нами откроется верная перспектива большого успеха. Но эта помощь подоспевает опять! С подавленным гневом на союзника, отдавшего гору Кеммель, подошедшие французские войска пытаются вырвать у нас этот опорный пункт. Напрасно! Однако, к концу апреля наши последние большие нападения на франко-английские позиции уже не имеют успеха.

1 мая мы переходим и во Фландрии к обороне,—временной, как мы думали тогда.

Битва при Суассоне и Реймсе.

И после окончания боев во Фландрии, мы все же не упускали из виду намеченной нами великой цели. Мы хотели продолжать „расшатывать вражескую постройку частичными боями, расшатывать до тех пор, пока она не рухнет". Таковы были тогда наши намерения. Два раза Англию спасала Франция; может быть, в третий раз нам удастся выиграть решительное сражение. Если мы достигнем берега канала, то мы непосредственно затронем жизненный нерв Англии. Мы не только получим возможность мешать подвозу морем, но сможем отсюда обстрелять британский южный берег нашими дальнобойными орудиями. Таинственное чудо техники, благодаря каторому мы могли на огромном расстоянии посылать гранаты в столицу Франции, теперь пригодится против Анг-

лии, чтобы обстрелять сердце английской торговли и государства с берега около Калэ. Тревожные перспективы для Великобритании! Будущее покажет—заложены ли в них гарантии мира или войны.

Англия, своим тонким чутьем опасности, все это предвидела. Может быть, и Франция втайне учла последствия такого положения. Само собой разумеется, что об этом не говорят. В мае 1918 г. мы поставили себе задачу опять-таки разделить союзников во Фландрии. Англию легче разбить, когда Франция вдали. Если мы поэтому создадим кризис на французском фронте, то французы отзовут дивизии, которые находятся во Фландрии на английской линии. Надо спешить, чтобы враг не вырвал у нас инициативу. Нападение на наши оборонительные, не очень крепкие, позиции расстроило бы наши планы.

Париж—самое больное место француза. В настоящее время политическая атмосфера там сильно сгущена. Наши гранаты и бомбы до сих пор еще не разредили ее; на это можно расчитывать, если мы ближе подойдем к городу. В направлении Суассона, по всем сведениям, французская оборона численно слаба, но местность здесь особенно неблагоприятна для наступления. В начале 1917 г. я впервые взошел на террасу префектуры южной части своеобразно построенного каменного города; передо мной лежала местность, которую освещал прозрачный весенний день. Заключенный в рамку холмов с запада и востока ландшафт тянулся к югу, завершаясь там огромным валом Chemin des Dames.

На высотах Chemin des Dames было отражено весеннее наступление французов в 1917 г. В октябре 1917 г. мы вынуждены были очистить Chemin des Dames и отодвинуть нашу оборонительную линию за Ailette.

Наши части должны были теперь аттаковать кручи Chemin des Dames. Пожалуй, теперь больше, чем раньше, это зависело от внезапности. Сделать нападение внезапным удалось вполне. Я бы хотел здесь привести своеобразное об'яснение этого факта. Один офицер, который участвовал в подготовке при Ailette, утверждал, что шум квакающих лягушек в реках и в сырых местах был так силен, что заглушал даже звук наших под'езжающих телег. Пусть думают об этом, что хотят, я могу только уверить, что не провоцировал рассказчика передачей событий из моей охотничьей жизни. Еще один рассказ об'ясняет успех замаскирования нашего наступления. Этот рассказ мы слышали из уст пленного офицера. Перед началом наступления к нему был доставлен прусский унтер-офицер, пойманный на разведке. На вопрос офицера, может ли он что-либо сказать о прусском наступлении, тот дал следующие сведения. „Самым ранним утром 27 мая бу-

дет открыт сильный огонь немецкой артиллерии, так как последующее затем наступление пехоты будет выполнено только небольшими добровольческими отрядами. Моральное состояние немецких войск так неустойчиво, благодаря ужасным потерям при St. Quentin и во Фландрии, что пехота открыто отказалась от общего наступления". Офицер искренно признался, что ему эти сведения показались заслуживающими полного доверия, и поэтому он совершенно спокойно ждал событий 27 мая. Может быть, эти мои воспоминания дойдут до смелого немецкого солдата. Я мысленно жму ему руку и благодарю от имени всей армии, которой он оказал огромную услугу, и от многих сотен и даже тысяч товарищей, которым он спас жизнь своим присутствием духа. Обмануть таким образом неприятельского офицера, впрочем, не удалось бы, если бы вражеская пропаганда своим бессмысленным преувеличением наших потерь не создала благоприятной почвы для доверия к таким сведениям. Таковы последствия пропагандистской лжи и преувеличений.

Битва началась 27 мая. Она приняла блестящий оборот. Мы сначала думали, что наше нападение должно остановиться на линии Эн—Веле, и не хотели продвигаться дальше вперед. Мы поэтому были не мало поражены, когда уже после первого дня сражения пришло донесено, что дым немецких шрапнелей стелется по южному берегу Эн, и что наша пехота хочет в этот же день достичь этого места.

Центр нашего прорыва достиг через несколько дней Марны от Шато-Тьери до Доршанса. Наши фланги дошли на западе до Виллер-Котере и на востоке—до Реймса и возвышенностей южнее этого города. Добыча была необычайна. Мы завладели всей областью, которой владели французы со времени военного похода 1917 г.; кроме того—богатыми припасами всякого рода. Проведенные новые дороги, лагерные постройки для многих тысяч солдат и проч. свидетельствуют, как широко и долго подготовляли французы свои нападения. Мы сделали дело скорее.

В эти дни я снова осматривал поле сражения у Лаона. Как изменился с зимы 1917 г. почти мирный характер тамошней жизни... Спустя немного дней после того, как наши самые большие орудия из лесов у Крепи, западнее Лаона, открыли огонь по Парижу, вражеская батарея из долины Эн начала обстрел несчастного города. Я не хочу этим сказать, что противник обрушился против собственной плоти и крови без достаточных военных оснований. Он впал в естественную ошибку, предполагая, что подвоз снарядов для обстрела Парижа должен идти через Лаон. При обстреле вокзала много снарядов попадало в густо населенный город, да и летчики во всякое время дня бросали туда бомбы. Кто из несчастных

жителей не мог убежать из угрожаемого родного пепелища, должен был прятаться в подвалах или землянках.— Такова картина невыразимого массового бедствия, которую мы, впрочем, наблюдали и в других местах за нашими западными оборонительными фронтами, не имея никакой возможности изменить это положение. В первый день наступления были взяты вражеские дальнобойные орудия в долине Эн, и тем самым положен конец обстрелу Лаона. Один из вражеских батарейных артиллеристов был в качестве пленного приведен в город. Здесь он обратился с просьбой осмотреть обстрелянные части города, так как его интересовал полет снарядов его орудия. Какая удивительная черствость души, вызванная войной!

Конечно, война не всегда действовала таким образом; и у нашего противника обнаруживалась порой мягкая душа, после жестоких мужественных боев.

Это было 21 марта в Сен-Кантене, находившемся все еще под тяжелым английским огнем. Немецкие коллоны запрудили разбитые улицы, неприятельские пленные, возвращающиеся с битвы и несущие раненых, вынуждены остановиться. Они кладут свою ношу на землю. Тяжело раненый немецкий солдат, бывший уже ближе к смерти, чем к жизни, подымает усталые руки и со стоном обращается к нагнувшемуся носильщику: „Мама! Мама". Англичанин понял эти звуки. Он становится на колени около немецкого гренадера, гладит холодеющую руку и говорит: „Mother yes, Mother is here"!

Я сам видал на поле сражения картины глубокой человечности. Так, в конце мая я шел рядом с одним немецким генералом через высоты, только что взятые штурмом. Проходя мимо еще не погребенных неприятельских трупов, он нагибается и закрывает еще открытые глаза,—признание величия смерти... Он заботится также о живых врагах, подкрепляет отставших раненых врагов и распоряжается, чтобы их отправили дальше поудобнее. Еще и раньше я имел случай видеть истинную человечность этого немца. В марте этого года я еду рядом с ним вдоль колонны неприятельских пленных, на которых он смотрел в глубоком раздумьи. В конце одной из этих колонн он отдает приказ остановиться и высказывает собравшимся там неприятельским офицерам свое одобрение за смелое действие их частей, утешая их тем, что жестокая судьба пленного часто простигает того, кто смело шел до конца. Влияние этих слов огромно. Всего сильнее потрясен молодой высокий офицер, до сих пор стоявший с опущенной головой. Теперь он выпрямляет свою фигуру, как молодая ель, освобожденная от снежного покрова, и его благодарный взгляд встречается со взглядом... моего императора...

Для усиления нашего успеха мы еще во время боев развернули правый фланг нашего наступления на запад до Уазы. Наступление удалось частично; начатое с линии Монтдидир-Руайон 9 июня в направлении к Компьену, оно достигло только половины дороги. И попытки наши в направлении Виллерс-Котере не дали больших результатов. Мы должны были убедиться, что на линии Компьен—Виллерс-Котере перед нами сосредоточены также неприятельские силы, которые мы не в со стоянии сломить. Подведя итог, я могу сказать, что бои нас завели гораздо дальше, чем это входило в наши намерения. Успехи будили новые надежды и ставили новые цели. Они не были достигнуты целиком, и это об'ясняется постепенными истощением сил. Мы не могли, привлечь новых дивизий для операций на Марне, наши взоры были обращены на Фландрию.

Итоги и перспективы к концу июня 1918 г.

То, что было достигнуто нами в трех больших сражениях, с военной точки зрения оставляло в тени все, достигнутое с осени 1914 г. на западе. Завоевание областей, количество добычи, кровавые потери противника—все это ясно указывало на размеры немецкого успеха. Мы сломили сопротивление неприятеля до основания. Наши войска вполне отвечали тем большим требованиям, которые к ним пред'-являлись. В долгих наступательных боях немецкий солдат показал, что старый дух еще не угас в долгой оборонительной борьбе и под влиянием слова „вперед" достигал той же душевной высоты, что и в 1914 г. Действия нашей пехоты не остались без влияния на наших противников. "What an admirable and gallant infanterie you have", сказал неприятельский офицер одному из моих офицеров генерального штаба. Тесно примыкали к пехоте и были всегда на передовых линиях смежные роды оружия. Могучее единение охватило всех, до последнего солдата в обозе. Как все они стремились вперед, чтобы участвовать в больших событиях и переживать их! Как часто это прорывалось в радостном ликовании, в воззвышающем пении или в громкой благодарственной молитве! И я сам на поле сражения снова испытал силу этого духа, который вдохновил меня, как отголосок моей давно прошедшей военной юности. Целое поколение было между нами, но человеческое сердце, дух немецкого солдата—остались неизменными. Наши смелые юноши в старых голубых кафтанах так же говорили и пели на бивуаках Кениггреца и Седана, как теперь говорят и поют наши солдаты в великой борьбе за свое существование и родину, за царя и государство.

Однако, всего того, что нами совершено, было еще не достаточно, чтобы сокрушить врага в военном и политическом отношении. Противная сторона еще не шла ни на какие уступки. Напротив, с внешней стороны казалось, что каждое поражение неприятеля только усиливало его стремление истреблять. Это впечатление нисколько не ослабляется тем, что по временам в лагере противников раздаются голоса, призывающие к умеренности. Давление диктаторской власти во враждебных нам государствах в общем и целом нигде не было ослаблено. Железными тисками эта власть охватывала волю народов и обезоруживала в той или иной форме всех тех, кто осмеливался думать иначе. Своим народам они в первую голову указывали на постепенное ослабление наших сил. Эти силы, по их мнению, должны постепенно израсходоваться. Голод на родине, борьба на фронте, яд пропаганды, подкупы, подметные листки, внутренняя борьба в государстве,—все это, однако, не могло привести нас к падению. Теперь на сцену выступал новый фактор: помощь Америки. Мы познакомились с ее боеспособными частями при Шато-Терри. Они выступили там против нас еще не совсем удачно, но об'единенные сильной волей. Они произвели на наши слабые части неожиданное впечатление своим численным превосходством.

С присоединением американцев исполнились, наконец, надежды англичан и французов. Удивительно ли после этого, что неприятельские государственные люди теперь меньше, чем когда-либо, думали о мире с нами. Уничтожение нашей политической и экономической самостоятельности было давно решено ими, как бы они ни маскировали это решение сладкими софистическими речами. Они прибегали к таким речам для пропагандисткой цели—иногда, чтобы смягчить кровавые жертвы своих народов, иногда же для того, чтобы убить в нашем народе стремление к борьбе. Мы не могли поэтому предвидеть конца войны.

В средине июня общее военное положение четверного согласия значительно ухудшилось: после многообещающего начала было отброшено наступление Австро-Венгрии в Италии. Если противник и не извлек много из этого австро-венгерского поражения, то все же отраженное наступление имело худшие последствия, чем если бы этого наступления совсем не было. Неудачи наших союзников были несчастием и для нас. Противник знал не хуже нас, что Австро-Венгрия в этом предприятии положила последние силы на чашку весов войны. С этого момента придунайская монархия перестала быть угрозой для Италии. Я должен был считаться еще с тем, что Италия должна будет теперь под давлением своих союзников отдавать свои силы на решающий западный театр

военных действий, и не только для создания картины единства политического фронта, а для действительного участия в боях. Чтобы не брать и эту новую обузу исключительно на наши плечи, мы должны были попытаться перебросить австро-венгерские дивизии на наш западный фронт. Это было достаточным основанием для просьбы о немедленной австро-венгерской поддержке. Мы не могли, конечно, ожидать серьезных последствий от этой поддержки. Решение судьбы четверного согласия теперь больше, чем когда бы то ни было, зависело от силы Германии.

Вопрос шел о том, выдержит ли она, чтобы довести войну до победного конца. Я уже говорил о блестящих победах наших частей. Теперь я обращаюсь к другим, более грустным сторонам дела.

При всей любви и признательности к нашим солдатам, мы все же не могли закрывать глаза на недостатки, проявившиеся во время войны в структуре нашей армии. Отсутствие достаточного числа хорошо обученных низших начальников чувствовалось очень сильно во время наших больших наступательных боев. От времени до времени сильно нарушалась боевая дисциплина. Собственно говоря, было совершенно понятно, что солдат, лишенный всего необходимого, пользовался предметами богатых завоеванных неприятельских складов. Но необходимо было препятствовать ему, когда он предавался этому не во-время, игнорируя свои обязанности. Не говоря уже о разлагающем влиянии такого поведения на дух армии, являлась еще опасность, что может быть не использовано благоприятное для нас боевое положение и что это положение может обратиться в неблагоприятное.

Бои внесли большие, непоправимые опустошения в наши ряды. Некоторые пехотные части должны были формироваться заново. Новый элемент в большинстве случаев был морально не равноценен со старым... Настроения вновь пришедших отражали, как в зеркале, все слабые стороны положения на родине. Под влиянием наших военных успехов настроение на нашей родине сильно поднялось в широких кругах. За известиями с фронта следили с большим напряжением и надеялись на скорый и счастливый конец тяжелой борьбы. Голод, жертвы, заботы казались не напрасны, многое забылось, многое мужественно переносилось дальше, лишь бы скорее проявился результат страшного терпения. Исходным пунктом разложения всего нашего народного организма являлись непатриотические настроения отдельных частей немецкого народа, проникнутых эгоистическими политическими идеями При их расстроенных нервах и нравственной испорченности, они ожидали, что победа врага принесет счастье и мир родине. Все хорошее они видели во вражеском лагере, а все зло искали

исключительно в своей стране. Поистине, Троцкий не на ветер говорил в Брест-Литовске. Его политическое учение проникало через нашу границу и находило многочисленных последователей во всех классах и из самых различных побуждений. Вражеская пропаганда велась также открыто. Она касалась то одной, то другой области нашей жизни.

Так, исчезновение силы сопротивления в нашем народе и войске наряду с разрушительной волей нашего врага грозило привести нас к гибели. Только военный успех мог дать выход из этого тяжелого положения. Я не только определенно желал с его помощью достичь счастливого конца, но и надеялся на это. Условия для этого были налицо—мы все еще находились в периоде наступления. Мы сейчас же попали бы между молотом и наковальней, если бы отказались от него.

Мы могли бы привести дело к концу, если бы только родина дала нам физические и нравственные силы, которыми она еще располагала, если бы она не потеряла мужества и веры в нашу конечную победу, и если бы наши союзники не бездействовали. С этими мыслями и чувствами я приступил к выполнению нашего общего военного плана.

Наступление разбито.

План битвы у Реймса.

Положение на Марнской дуге по окончании июньских боев оставляло впечатление чего-то незаконченного. Наше положение на этой дуге к середине июня было таково, что мы не могли долго удерживать эту позицию. Подвоз в этот огромный полукруг был недостаточный. В нашем распоряжении была только одна, к тому же малопригодная, железнодорожная линия. Она служила, главным образом, для перевозки войск. К этому надо прибавить, что выдвинутая дуга должна более подзадоривать противника к нападению со всех сторон. Основательное улучшение условий снабжения, а также тактического положения, могло быть достигнуто только в том случае, если бы мы завладели Реймсом. Нам не удалось взять этот город во время майских и июньских боев. Тогда центр тяжести лежал, главным образом, в направлении к западу. Завоевание Реймса должно было теперь составить задачу особой операции. Необходимое для этого сражение укладывалось, однако, в рамки наших планов.

Раньше я уже подчеркивал, что после неудачи сражения на Лисе нашей целью было еще раз дать решительный бой англичанам во Фландрии. Наше наступление у Суассон и служило этой цели, причем мы хотели тем самым заставить высшее командование неприятеля отвести от англичан во

Фландриифранцузскую поддержку. В течение этого времени продолжаются приготовления к новому сражению во Фландрии. Во время приготовлений будущего фронта наши дивизии, предназначенные для проведения операции, отдыхали в Бельгии и в северной Франции. Я не опасался каких-нибудь встречных мер со стороны англичан. Хотя большая часть английского войска уже давно имела случай восстановить свою нарушенную боеспособность, все же наша угрожающая позиция во Фландрии не допускала англичан к наступлению.

Основываясь на нашем прежнем опыте, я надеялся, что мы справимся во Фландрии с главными английскими силами, если нам только удастся отвлечь надолго французов от этого поля сражения. Возобновление нашего нападения на Реймс и должно было теперь служить нашей главной цели, а именно — решительному сражению с массой английского войска.

Положение на французском фронте в начале июля имело приблизительно следующий вид: главные резервы генерала Фоша стояли в местности Компьен-Виллерс-Котере. Они находились там в очень благоприятном стратегическом положении. С одной стороны, готовы были выступить против нас, в случае нашего нападения в направлении двух названных городов, а с другой стороны, благодаря чрезвычано благоприятным железнодорожным сообщениям, они могли отсюда быстро передвинуть войска на любой французский и английский фронт. Переход Фоша в большое наступление, казался мне мало вероятным до прибытия больших американских сил, разве только Фош предпримет это наступление, благодаря особо благоприятному положению или вынужденный обстоятельствами.

Южнее Марны, очевидно, не стояли большие неприятельские силы. У Реймса и в гористой местности южнее его, напротив, находилась, несомненно, большая боевая сила неприятеля, которая, не говоря уже о французах, состояла из англичан и итальянцев. На других французких фронтах положение со временем нашего наступления изменилось не существенно. Смена позиционных войск боевыми дивизиями не внесла значительных изменений в общее положение на этих фронтах.

О помощи американцев у нас не было достаточных сведений. Известно было, что американские войска беспрерывно притекали во Францию. Наши подводные лодки были не в состоянии помешать этому движению или ослабить его, точно так же, как не могли настолько уменьшить неприятельский тоннаж, чтобы вообще исключить возможность такой транспортировки. Противники, в виду необходимости быстрой и радикальной помощи Франции и Англии, обращали главное внимание на снабжение своих стран предметами необходимости и хозяйственного обихода.

Если бы мы тесно связали наступление у Реймса с нашими планами во Фландрии, то решению подлежал бы только вопрос, как широко мы можем и должны повести борьбу у Реймса. Первоначально у нас было намерение удовлетвориться взятием города. Вопрос об этом решался моментом овладения холмистой поверхностью между Эпернэ и Реймсом. Во взятии этой местности заключался, таким образом, центр тяжести нашего наступления. Для облегчения наших действий, т.-е. для исключения нападения неприятеля на фланг со стороны берега Марны, наши сильные части должны были пробиться с обеих сторон Дормана на южный берег этой реки и затем продвинуться дальше к Эперне. Переход через реку, на виду у готового к бою неприятеля—несомненно, очень смелое предриятие. Однако, учитывая наш многократный опыт при различных переходах через реки и потоки, мы и этот переход не считали опасным. Главное затруднение было не в непосредственном овладении рекою, а в продолжении боя по ту сторону препятствия. Переход артиллерии и обоза для нападающих войск должен был произойти по военным мостам (понтонным), которые представляли собой благодарную мишень для дальнобойного артиллерийского огня и нападений аэропланов. Наш план, ограничиваясь в начале исключительно взятием Реймса, во время обсуждения значительно расширился. Поводом к этому послужило, с одной стороны, наше намерение отрезать Реймс и с юго-востока, с другой, мы думали расширить наше наступление до Шалони на Марне, привлекаемые переспективой большей добычи пленными и военными припасами, если бы это предприятие удалось. Во всяком случае, мы шли на опасность ослабить нашу силу в решающих местах, ради широты наступления.

Мы, конечно, были заинтересованы в скорейшем проведении нашей новой операции. Но время работало не за нас, а против нас, так как подошли американские подкрепления. Нашей особой задачей было правильно определить необходимость приготовлений с точки зрения общего военного положения. Не говоря о чисто тактических приготовлениях, как, напр., доставка военного материала к позициям, мы не могли, при всей тяжести нашего общего положения, забыть о том, какие трудности заключались каждый раз в моменте подготовки наших войск к новым боевым задачам. И поэтому наступление могло быть начато только 15 июля.

Битва при Реймсе.

В первые часы дня 15 июля наша тысячеголовая артиллерия начинает свою боевую работу на новом фронте. В то же время происходит и на Марне оживление с нашей стороны.

Враг сначала отвечает довольно вяло, но, затем, постепенно,— сильнее. Мы не заметили усиления фронта противника или каких-либо особых мер к обороне. Нашей пехоте удается перейти на южный берег Марны. Мы снимаем вражеские пулеметы, достигаем высот по ту сторону реки, захватываем орудия. Известие об этих успехах очень рано доходит до Авена. Это, конечно, разряжает напряженную атмосферу и усиливает наши надежды. Как и на Марне, возникает бой на большом пространстве вокруг Реймса; аттаки не направлены, конечно, прямо на город и его окрестности,—так как город должен пасть вследствие того, что будет со всех сторон отрезан. В Шампани до Аргоны нашей артиллерией и минерами совершенно уничтожается первая оборонительная система заграждений противника. За передней линией неприятеля находится оставшаяся еще от прежних боев целая сеть окопов. Никто не может сказать, заняты ли они, и какие из них заняты. Во всяком случае, противник без особого труда может создать в них неисчислимое количество опорных пунктов. С другой стороны, здесь, в Шампани, по недавним впечатлениям кажется, что неприятель всего меньше подготовлен к сопротивлению. Его артиллерия не отвечает сильно, она, очевидно, не уверена в себе.

Направив тяжелую артиллерию на передовую позицию неприятеля, мы, как и в прежних наступательных боях, открываем разрушительный огонь по линии обороны противника. Наша пехота следует в том же направлении. Первая неприятельская позиция берется почти без сопротивления; мы хотим продолжать наступление. Когда, однако, наш огонь утихает и предоставляет дальнейшее дело пехоте, мы неожиданно встречаем сильное сопритивление. Артиллерия противника начинает усиливать свой огонь, наши войска, несмотря на это, стараются пробиться вперед. Напрасно. Подвозятся сопровождающие батареи. Они прибывают замаскированные и передвигаемые людьми, так как лошади в большинстве случаев не в состоянии двигаться по полю, изрытому снарядами. Едва орудия поставлены на места, как они уже разбиты. Противник, очевидно, главное сопротивление перенес на вторые позиции. Наш подготовительный огонь в большинстве случаев пропал даром. Новый способ обороны был организован против нашего артиллерийского огня и применен, благодаря немецкому предательству, как об этом торжественно возвестил потом всему свету неприятель.

Положение в Шампани остается до вечера первого дня неизменным.

Более благоприятное течение принимают наши бои югозападнее Реймса и по обе стороны Марны. Южнее реки наша пехота продвигается вперед, напирая вдоль реки по напра-

влению на Эпернэ. Треть дороги туда пройдена до вечера в страшном бою. И севернее реки наше наступление идет вперед. Еще более могучие, чем известные столбы Chemin des Dames, возвышаются здесь Реймские горы; вершины их, прорезанные глубокими пропастями, покрыты чаще всего густым лесом. Вся местность очень приспособлена к сильной обороне, между тем, как для наступающей стороны затруднено применение артиллерии. Несмотря на это, наша пехота пробивается вперед. Она впервые на западном фронте встречается с итальянскими войсками, которые сражаются без всякого воодушевления.

К вечеру 15 июля мы захватили приблизительно 50 орудий. Поступают сведения о 14000 пленных. Конечно, мы надеялись на большее. Мы ждем результатов следующего дня. До полудня 16 июля наши войска в Шампани незначительно продвигаются вперед. Пред нами серьезный вопрос, — окончить ли битву здесь или попытаться идти дальше. Опасность состоит в том, что войска могут, даже при благоприятных обстоятельствах, понести такие потери, что едва ли будут в состоянии основательно использовать достигнутый успех. Шалонь, как цель, таким образом, отодвигается в неопределенную даль. На этом основании я соглашаюсь на переход к обороне в этом месте. Напротив, южнее Марны и в горной местности около Реймса мы продолжаем наступление. Но впродолжение дня, по ту сторону реки, мы чаще бываем вынуждены переходить к обороне. Враг противопоставляет нам большие силы. Непосредственно по обе стороны реки, в направлении к Эперне, мы выигрываем пространство. К вечеру мы уже находимся на полпути к городу, в расстоянии 10 км. от него. И в горной местности мы все больше приближаемся к дороге Эперне-Реймс, несмотря на отчаянные контр-удары врага. Город является для нас важным военным об'ектом, так что стоит сделать ставку; овладение им может произвести глубокое впечатление на противника.

17 июля затихает бой в Шампани. Южнее Марны обстоятельства складываются для нас все хуже и хуже. Мы отбиваем только что завоеванную область от вражеских нападений, но наши позиции так близки от реки, т.-е. так не глубоки, что каждый контр-удар может стать роковым. К этому еще присоединяется то, что военные мосты через Марну все больше разрушаются неприятельской артиллерией и бомбами. Мы, таким образом, снова должны отступить на север, так как к югу не можем больше продвигаться вперед. Как это мне ни тяжело, я отдаю приказ отвести войска на северный берег Марны. В ночь с 20 на 21 июля должен быть произведен этот отход.

В горной местности 17 июля начинается стремительное вражеское наступление. Мы даем ему отпор. Но и нам немыслимо продвинуться вперед. Предприятие кажется погибшим, оно не дает для французского фронта никаких положительных результатов. Но оно еще не потеряло цену для нашего наступления на фландрском фронте. Если из всех целей будет достигнуто хотя бы отвлечение французских сил от английской обороны, то бои велись не напрасно.

С этими мыслями генерал Людендорф отправляется 17 июля в армию кронпринца Рупрехта, чтобы там подробно поговорить о наступлении на английское северное крыло.

Условием проведения нашего наступления у Реймса было то, чтобы части нашей дуги, достигающей Марны и направленной на запад, прочно стояли между Суассоном и Шато-Тьерри. Можно было предвидеть, что наше наступление попросту вызовет контр-наступление французских сил, расположенных вокруг Компьень-Виллерс-Котере. Если генерал Фош мог проявить некоторую активность, то он должен был выйти из своего пассивного состояния, как только наше наступление перешло через Марну и направилось на Реймс. Я уже говолил, что французский вождь заранее знал о наших планах и имел достаточно времени, чтобы подготовиться.

Поэтому задача наших войск между Эной и Марной была не из простых. За нашими войсками на передовых оборонительных линиях мы поставили несколько дивизий для решительных действий и надеялись на возможность повести нападение на Реймс. Правда, не все войска, стоявшие между Суассоном и Шато-Тьерри, были свежи, но они так блестяще бились в прежних боях, что я считал их совершенно пригодными к теперешней исключительно оборонительной задаче. Главное, чтобы все части нашей обороны не пропустили момента сильного неприятельского натиска. До сих пор еще остается спорным вопрос—не было ли сделано какое-нибудь упущение на фронте Суассон—Шато-Тьерри. Я сам думаю, на основании позднейших сообщений, что вначале благоприятный ход событий на Марне и у Реймса, с 15 до 17 июля, заставил войска на фронте Суассон—Шато-Тьерри проглядеть в некоторых местах серьезность положения на их собственных линиях.

Впродолжение этих дней гром орудийной пальбы слышится за Марной, там узнают о нашем первоначальном многообещающем успехе, даже в преувеличенном виде. Рассказывают о завоевании Реймса, о больших победах в Шампани. На нашем фронте, однако, впродолжение трех дней все затихает; для сведущего наблюдателя это даже жутко, но для лица, незнакомого с положением, эта тишина могла показаться успокоительной.

Утром 18 июля некоторые части, не стоящие на оборонительных позициях, идут жать хлеб. Внезапно они обстреливаются градом гранат. Что это—перелет огня? Наша артиллерия отвечает не очень сильно, очевидно, потому, что все покрывает густой туман. Пулеметы начинают щелкать на широком пространстве, и это показывает, что дело не в перелете огня. Прежде, чем это становится ясным, на засеянных полях появляются вражеские блиндированные автомобили. Противник решительно наступает по всему фронту между Эной и Марной. Наши передовые линии местами уже сломлены; наиболее опасно положение между Ourg и Суассоном. В то время, как оставшиеся части разбитых и рассеянных войск передовых линий вели отчаянную борьбу, стоящая сзади поддержка пытается организовать новое сопротивление и выдержать, пока дивизии вторых линий не дадут отпора. Здесь проявляется геройство. На вновь занятых позициях наши наступающие войска находят немецкие пулеметы, около которых лежат все пулеметчики, окруженные целыми рядами павших врагов. Но и этот геройский дух не в состоянии уже изменить положение, он спасает нас только от полной катастрофы. В направлении к Суассону и дальше на юг, а именно, на западном пункте нашей Марнской дуги, южнее Эны, противник проникает особенно глубоко. Отсюда враг теснит весь оборонительный фронт до Шато-Тьерри. И даже больше, он теснит и наше единственное железнодорожное сообщение, ведущее к Марнской дуге, именно там, где оно, восточнее Суассона, из долины Эны направляется к югу, в центр нашего сильного полукружия. Поэтому наше положение с самого начала серьезно, оно грозит катастрофой, если нам не удастся восстановить его или, по крайней мере, закрепить в теперешнем виде. Мои намерения были принять удар врага с севера, по ту сторону Эны, у Суассона и тем самым разбить его. Это движение, однако, длилось бы слишком долго, и я должен был уступить противоположному мнению. К сожалению, этим не превозмогается кризис, а только отодвигается. Новые нападения противника обостряют положение Марнской дуги. Что в том, если южнее Ourg вражеские нападения ослабевают, и если у Шато-Тьерри сильные, но неопытные американские силы разбиваются о наши слабые линии? Мы не можем и не смеем оставлять положение в том виде, как оно есть. Это было бы безумием. Мы поэтому освобождаем наш левый фланг от Шато-Тьерри и несколько отступаем на восток, все же удерживая позицию у Марны.

С южного берега этой реки мы своевременно отступили после тяжелых боев, предпринятых ради выполнения наших решений от 17 июля. Прекрасное поведение наших

войск, которые отбивали все нападения французов, дало нам возможность счастливо миновать опасность. Против ожидания, отступление удается. Противник начинает нападение на очищенные нами позиции только 21 июля, после сильной артиллерийской подготовки, с блиндированными автомобилями впереди, сопровождаемыми сильными колоннами. Наши войска наблюдают эту картину с северного берега Марны.

Вести борьбу в глубокой впадине дуги очень затруднительно, вследствие того, что огонь неприятеля охватывает со всех сторон. Артиллерия противника обстреливает линию железной дороги восточнее Суассона. Настоящий град бомб осыпает ее днем и ночью. Мы вынуждены перенести высадку новых войск далеко за дугу, в окрестности Лаона. Отсюда они целыми днями маршируют, пока доходят до поля битвы, и иногда достигают места назначения как раз в тот момент, когда надо спасти положение и помочь усталым товарищам.

Долго это продолжаться не может. Битва угрожает поглотить все наши силы. Мы должны выйти из дуги и отойти от Марны. Это тяжелое решение не с точки зрения стратегической, а с точки зрения действия на солдат. Как будет ликовать враг! Вот уже второй раз слово „Марна“ связывается с переменой военного положения. Как облегченно вздохнет Париж и вся Франция, какое впечатление произведет это известие на весь мир! Подумать только, сколько взоров обращено на нас с завистью, с ненавистью и с надеждой...

Но теперь приходится руководствоваться только военным расчетом. А он настоятельно диктует: выйти из этого положения. Торопиться, впрочем, нет оснований. Правда, генерал Фош со всех сторон направляет свои силы на нас, но ему изредка только удается глубокое вторжение. Мы можем, таким образом, отступать шаг за шагом. Мы можем отвести от неприятеля наши ценные оружия и подвинуть их в порядке на новые оборонительные линии, которые дает нам природа на пространстве между Эной и Вель. Это движение совершается в начале августа. Оно искусно проведено командирами и солдатами.

Не сила оружия врагов вытеснила нас из Марнской дуги, но невыносимость положения, создавшаяся вследствие затрудненных сообщений в тылу наших частей, воюющих на три фронта. Генерал Фош хорошо понял эти затруднения. Перед ним стояла высокая цель. Достичь ее мешала стойкость нашего войска. После первой растерянности, солдаты бились прекрасно. Здесь было совершено все, что можно требовать от человека. Поэтому наша пехота отступила после этой борьбы, чтобы силы ее были затрачены не

напрасно. Она знала, что противник, в тех случаях, когда у него не было защиты или моральной поддержки блиндированных автомобилей, часто бросал наступление. Там, где не было блиндированных автомобилей, противник посылал на нас черные волны, волны из африканских человеческих тел. Горе, если они вторгались в наши линии и убивали безоружных, или, что еще хуже, мучили. Человеческое возмущение направляется не против этих черных, которые проделывали такие мерзости, а против тех, кто привлек эти орды к борьбе за честь, свободу и право на европейской почве. Тысячами приводились эти черные на убой. Сколько бы ни боролись англичане, американцы, итальянцы, французы и помогающие им народы с нашими пехотинцами, в борьбе один на один всегда обнаруживалось, что наш солдат остается господином положения. Даже ощущение личного бессилия против вражеских блиндированных автомобилей постепенно было побеждено. В безумно смелых предприятиях, часто пытались избавиться от этого противника при поддержке собственной артиллерии. И на этот раз особенно тяжело отражались на наших войсках действия французской артиллерии. Обстреливаемые часами и днями в открытом поле без всякого прикрытия, ряды нашей пехоты разрывались, стойкость нервов подвергалась тяжелому испытанию. Натиск неприятельских аттакующих войск принимался часто, как избавление от пассивного сопротивления. Войска терпели не только в бою, но и от постоянных переходов без отдыха, без достаточного снабжения. Расход сил был огромен, а расход нервов еще больше. Я разговаривал с солдатами, участвовавшими в этих последних боях. Их простые и ясные ответы и рассказы говорили красноречивее всяких книг о том, что они пережили, и об их нравственной силе. Как можно было отчаиваться с такими прекрасными людьми! Правда, они были утомлены, нуждались в физическом и душевном отдыхе. Мы очень хотели дать им и то, и другое, но, конечно, неприятель не дал бы нам времени на это.

Если мы и избежали на Марнской дуге той катастрофы которую желал вызвать неприятель, то мы все-таки не могли не учитывать значения этой бытвы и нашего отступления.

В военном отношении для нас имело большое значение, что мы потеряли инициативу и не располагали силами, чтобы восстановить ее в ближайшее время. Мы были вынуждены привлечь к бою те части, которые предназначались для наступления во Фландрии. Поэтому для нас отпала возможность дать решительную битву английским войскам. Неприятельское командование тем самым освободилось от влияния на его планы этой угрозы наступления. Английские силы также освободились, благодаря бою на Марнской дуге, от того по-

ложения, в котором мы их держали многие месяцы. Следовало ожидать, что энергичное командование противников использует эту перемену положения, если только оно располагает необходимыми для этого силами. При этом для него открывались прекрасные перспективы, так как наши оборонительные фронты не были сильны, и здесь находились не вполне боеспособные войска. К тому же с весны эти фронты удлинились и стратегически стали чувствительнее. Правда, и противник сильно пострадал в последних боях. 74 вражеские дивизии, между ними 60 французских, были в действии с 15 июля по 4 августа. Уже несколько месяцев щадились английские силы, но тем более ценен был приток американской помощи. Если в военном отношении эта сила не стояла на высоте современных требований, то она все же подавляла своей численностью.

Еще тяжелее было впечатление от нашей неудачи на нашей родине и среди союзников. Сколько рухнуло надежд, воскресших за последние месяцы, сколько расчетов погибло!

И все-таки, если бы мы еще раз могли стать господами военного положения, политическое равновесие восстановилось бы.

Вынужденная оборона.

8 августа.

Наши войска перешли на новые позиции у Эн—Вель. Последние волны вражеского наступления то ударялись, то снова отходили: местами снова поднимался боевой дух.

Многочисленные наши дивизии, нуждающиеся в отдыхе, отводились за наши оборонительные линии. Они расположились вокруг Авена. Я мог убедиться, как скоро отдыхает наш солдат. Довольно ему основательно выспаться несколько дней, вести регулярный режим и отдыхать, и очень скоро он превозмогает душевно всю тяжесть пережитого. Конечно, для этого нужен действительный покой, не нарушаемый вражескими гранатами и бомбами, по возможности даже в таком месте, где не слышно орудийной пальбы. Но как редко наши войска находили такой покой за все время многолетней войны. От поля битвы к полю битвы, от сражения к сражению, они почти все время оставались в физическом и душевном напряжении. В этом главное различие между работой нашего солдата и солдата нашего противника. В Авене раньше слышался то громче, то глуше беспрерывный гром орудий на Марнской дуге. Теперь стало почти тихо.

8 августа утром эта тишина была нарушена; с юго-запада внезапно послышался шум битвы. Первые донесения были серьезны—они прибыли от высшего командования

армией из окрестностей Перонны. Противник вторгся с эскадроном танков в наши линии, по обе стороны дороги на Амьен—Сен-Кантэн. Более подробных сведений не было.

Однако, уже в следующие часы положение выяснилось, хотя сообщения и были нарушены. Не было сомнения, противник глубоко вторгся в наши позиции, потеряны были батареи. Мы отдали приказ отбить их и восстановить положение немедленным наступлением. Мы послали офицеров, чтобы создать контакт между нами и командным составом на расшатанном фронте. Что же случилось?

В густом тумане противник повел сильное нападение танками. Нигде в своем движении блиндированные автомобили не встречали препятствий,—ни естественного, ни искусственного. На этом фронте, правда, думали больше о наступлении, чем об обороне.

Во всяком случае, грозило бы большими потерями, если бы мы на виду у неприятеля строили укрепления и препятствия. Где бы неприятельские наблюдатели ни замечали движение, туда они направляли артиллерийский огонь. Самым лучшим казалось прятаться в высоких хлебах. Этим путем сохраняли много жизней, но могли потерять их еще больше от одного удара. Не только на передовых позициях работа была не велика, на задних она была еще меньше. На лицо были только отдельные части окопов, рассеянные опорные пункты. Войска на этих спокойных фронтах были поставлены в небольшом количестве, для окопных работ. Масса нам нужна была в другом месте—для больших боев.

8 августа мы были вынуждены поступить так же, как мы уже раньше поступали в таких угрожающих случаях. Первые успехи противника ведь не были для нас незнакомым явлением. Мы привыкли к ним со времени 1916—17 г., с Вердена, Арра, Витчеты, Камбрэ, и только недавно имели с этим дело у Суассона. Теперь положение было особенно серьезно. Широкое наступление танков продвинулось очень глубоко. Блиндированные автомобили быстрее, чем раньше, напали на штабы дивизий, разорвали телефонное сообщение с воюющими войсками. Высшее командование тем самым было отрезано; передовые линии остаются без приказаний. В этот день это особенно опасно, так как густой туман мешает всякому наблюдению. Пушки, обороняющие от танков, стреляют в направлении, откуда слышен шум мотора и стукотня цепей, но часто стальной колосс внезапно появляется с другой стороны. Разные слухи начинают распространяться на нашей боевой линии. Так, утверждают, что английская кавалерия находится в тылу передовой немецкой пехоты. Начинает охватывать сомнение, покидаются позиции, с которых только что отражали неприятельские нападения, стараются

уйти назад, чтобы найти утерянную связь. Фантазия рисует безумные картины и в них видит большую опасность.

Все, что здесь свершилось и что должно было стать нашим первым несчастием, по человечеству совершенно понятно. Старый опытный солдат остается спокойным в таких случаях; он не фантазирует, он размышляет. Но ведь таких солдат меньшинство, да и влияние их не везде господствующее. Обнаруживаются другие влияния. Неудовольствие и разочарование в близком конце войны испортило многих смелых солдат. На фронте—опасность, трудности сражения и усталость, а с родины—жалобы на действительную, а иногда и воображаемую нужду. В то же время неприятель говорит и пишет в своих листках, разбрасываемых с аэропланов, что он вовсе не хочет нам зла, если мы будем благоразумны и отдадим то или другое из завоеванного. Тогда все быстро пойдет на лад. И мы можем жить в мире, в вечном мире с народами. О мире внутри, на родине, позаботятся новые люди, новые правительства. Это будет благословенный мир после теперешней борьбы. Война, следовательно, совершенно бесцельна.

Такие листки читались и обсуждались. Солдат думает, что не все же врет неприятель. И он отравляется сам и отравляет других.

Наш приказ о контр-наступлении 8 августа не может быть теперь выполнен. Не хватает войска, не хватает орудий для подготовки такого наступления, так как в местах прорыва почти все батареи потеряны. Надо привезти свежие пехотные и артиллерийские силы—и привезти их по железной дороге. Противник понимает, какое огромное значение в нашем положении имеют железные дороги. Далеко, в нашем тылу, стоит его тяжелая артиллерия. На некоторые железнодорожные пункты, как напр., Перонна, от времени до времени бросают бомбы неприятельские аэропланы, летающие над городом и вокзалом. Если таким путем неприятель использует трудное положение в тылу нашей армии, то все же, к нашему счастью, он недооценивает всего размера своего первого тактического успеха. Он не продвигается до Соммы в тот же день, хотя с этой стороны мы не могли бы противопоставить ему значительных сил. За роковой первой частью дня 8 августа следует сравнительно спокойная вторая часть дня и еще более спокойная ночь. Впродолжение ночи прибывают наши подкрепления.

Положение теперь слишком неблагоприятно, чтобы мы могли ожидать восстановления первоначального боевого фронта, как расчитывали. Контр-удар потребовал бы более длительной подготовки и более смелых войск, чем те, какими мы могли располагать утром 9 августа. Поэтому—

нечего спешить. Нетерпение на боевом фронте переходит, однако, границы. Там боятся упустить благоприятный момент— и попадают в затруднительные положения. В результате часть новоприбывшей ценной и свежей пехотной силы гибнет в боях местного значения, не изменяя общего положения.

Наступление 8 августа было предпринято правым английским крылом. Французские войска участвовали в бою только небольшой частью. Можно было, однако, ожидать, что большие успехи англичан приведут теперь в движение и французские линии. Если бы французам удалось быстро продвинуться в направлении к Несль, то наше положение в выдвинутой к юго-западу дуге стало бы катастрофическим. Поэтому, мы отдаем приказ очистить наши передовые позиции юго-западнее Руайе и отступить в окрестности этого города.

Последствия 8 августа в продолжение боев на западе до конца сентября.

В политическом значении нашего положения 8 августа я не сомневался. Наши бои с 15 июля до 4 августа могли бы рассматриваться за границей и на родине, как результаты смелых, но неудачных операций, что бывает в каждой войне. Но наша неудача 8 августа представлялась всем, напротив, следствием обнаруженной нами слабости. Большая разница— отступить ли после наступления или быть побежденным в оборонительном бою. Число наших жертв, которое было опубликовано нашим противником, говорило красноречиво. Родина и союзники должны были пугливо к этому прислушиваться. Тем более мы считали своей задачей сохранять спокойствие и рассматривать события без самообольщения, но и без излишнего пессимизма.

Военное положение, действительно, стало серьезно. Правда, боевое положение могло быть восстановлено, потерянные орудия—возмещены, могли быть приведены новые силы. Но все же этим не уничтожалось впечатление от поражения. Нужно было ожидать, что неприятель, окрыленный своим большим успехом, предпримет теперь и в других местах подобные наступления. Он теперь убедился, что со времени 1917 г. в нашей системе обороны появились дефекты. Прежде всего, в техническом отношении. Наши войска в общем мало отступали на линиях, завоеванных с 1918 г. В местности восточнее Амьена и в других местах фронта больше думали о продолжении наступления, чем о необходимости обороны. К этому надо добавить, что поведение большей части наших войск в боях должно было убедить

неприятеля, что на наших оборонительных фронтах не везде царит стойкий дух сопротивления, как было в 1917 году. Наконец, враг с весны кое-чему научился у нас. В последних операциях он применил ту тактику, с помощью которой мы так часто основательно его побивали. Он напал на наши линии без длительной подготовки, он не старался также вбить клин в нашу оборону, но он озадачивал нас размахом нападения в ширину. Он отваживался применить теперь эту тактику, потому что узнал слабые пункты нашего оборонительного фронта. Если бы противник повторял эти наступления с одинаковой силой, то он мог бы, при настоящем положении нашего войска, расчитывать постепенно сломить нашу сопротивляемость. С другой стороны, то обстоятельство, что враг и на этот раз не использовал своего успеха до конца, позволяло мне надеяться, что мы преодолеем дальнейшие кризисы.

С этими мыслями я намеревался 13 августа проехать в Спа на политический совет с правительством и высказать там свой взгляд на военное положение, а именно, что оно серьезно, но что не следует забывать, что мы еще глубоко стоим на вражеской территории. Этот взгляд я в последующие дни высказал своему государю, причем, в присутствии государя, мне было предоставлено заключительное слово. Я ничего не мог добавить к мнению государственного канцлера, графа Гертлинга, что действительно оффициальные шаги к мирному предложению можно предпринять только после улучшения нашего тогдашнего военного положения. От этого положения зависело также достижение наших политических целей.

В середине августа я еще не думал, чтобы наступил момент для благоприятного окончания войны. Я определенно надеялся, что армия, вопреки отдельным эпизодам последнего боя, все-таки, в общем в состоянии выдержать. Я также надеялся и на родину, что она будет иметь достаточно сил превозмочь и этот кризис. Я вполне сознавал величину тех жертв и лишений, которые ей пришлось и, может быть, еще придется перенести,—но разве Франция, на чьей земле вот уже четыре года свирепствует война, страдает не больше? Во все это время—падала ли она духом от какой-нибудь неудачи, отчаивалась ли она, когда наши гранаты попадали в ее столицу? Это, думал я, будет иметь в виду и моя родина, и останется стойкой, если только мы на фронте будем стойки. Если это удастся, то, по моему мнению, мы окажем влияние на наших союзников. Ведь их военная задача, поскольку она касается Австро-Венгрии и Болгарии, была легкой.

В этих моих соображениях забота о сохранении чести оружия не играла решающей роли. Наша армия за четыре

года войны так хорошо поддерживала эту честь, что она не могла быть отнята у нее врагом, что бы ни случилось. В моих решениях и предложениях решающую роль играло единственно благо родины. Если мы победами на поле битвы не могли принудить врага дать нам такой мир, который бы окончательно обеспечил наше будущее, то мы все же могли, по крайней мере, ослабить силы врага. И в этом случае мы спасали положение.

Генерал Фош, по окончании битвы на Марне, в самом деле признал, что он снова потеряет все, если нашей армии будет дано время для отдыха. У меня было такое чувство, что неприятельское командование думало теперь все поставить на карту.

20 августа французы переходят в наступление между Уазой и Эной, в направлении к Шони. Они отбрасывают нас в трехдневном бою снова к этому пункту. 21 августа и в следующие дни англичане расширяют свой наступательный фронт от 8 августа: на север и северо-запад до Бапома. Повторные нападения заставляют нас и здесь постепенно отступать, 26 августа англичане бросаются на наши позиции с двух сторон Арра в направлении к Камбрэ. Это удается, но, наконец, нападение задерживается. Тогда новый вражеский натиск 2 сентября обрушивается на наши линии на большой дороге Арра-Камбрэ и заставляет нас отступить по всему фронту. Для сохранения сил мы одновременно очищаем выдвинувшуюся за гору Кеммель и Мервиль дугу севернее Лис. Все это трудные задания, которые выполняются до первых недель сентября. Они не приносят ожидаемого облегчения. Противник всюду преследует нас, и напряжение продолжается.

12 сентября начинаются бои на спокойном до сих пор фронте юго-восточнее Вердена и у Pont à-Mousson. Совершенно непонятно, почему французы годами оставляли нас в этом треугольнике, который вклинивался в их фронт. Если бы они сокрушили его, то для нас кризис был бы неизбежен. Нас упрекнут, может быть, что мы заблаговременно не оставили этих позиций. Однако, они серьезно стесняли свободу движения противника около Вердена и отрезали от него долину Мааса южнее крепости. Только в начале сентября, когда между Маасом и Мозелем началось оживление на вражеской стороне, решили мы очистить эту позицию и перейти на приготовленные уже основные позиции. Прежде, чем кончилось передвижение, на нас напали французы и американцы и нанесли нам большое поражение.

В общем нам удалось отстоять наш фронт. Распространение наступления противника на Шампань 26 сентября мало изменило положение от берега до Аргоннов. В тот же день

американец вторгся в наши линии между Аргоннами и Маасом. В этом заключительном бою североамериканская сила впервые выступала, как самостоятельная армия.

Однако, наш западный фронт, хотя мы на нем и отступали несколько раз под натиском неприятеля, не был прорван. Он колебался, но не падал. Но в это время наш общий фронт постигла большая беда: пала Болгария.

Борьба наших союзников.

Падение Болгарии.

Положение внутри Болгарии существенно не изменилось в 1918 году. Оно оставалось серьезным. Но внешняя политика страны, казалось, не страдала от этого. От времени до времени до нас доходили сообщения о переговорах болгарских безответственных деятелей с Антантой на нейтральной швейцарской почве. Американское посольство в Софии также несомненно было источником губительных для нас планов,

Вражда между политическими партиями в стране продолжалась, проникая и в армию. Враги Радославова, наконец, добились весной его падения. Новые правители уверяли нас в верности союзу.

Между тем, нежелание воевать все усиливалось в болгарском народе.

Все труднее становилось снабжение предметами необходимости. От этого в особенности страдала армия. Солдат временами просто голодал,—больше того, он был так скверно обмундирован, что ему не хватало самого необходимого. На этой почве вспыхивали бунты, но от нас старались это скрыть. В солдаты брали мужчин из завоеванных местностей, чтобы поддерживать численность армии. Поэтому число перебежчиков было неимоверно велико. Можно ли удивляться, что при таких условиях дух армии разлагался? Повидимому, весной это явление достигло кульминационного пункта. Болгарское высшее командование подготовляло тогда, по предложению немецкого командования, наступление на Албанию, западнее озера Охриды. От успеха этого дела зависело заграждение важной для противника дороги Santa-Quaranti-Korca, а также создание благоприятного настроения в армии и народе. Проведение этого предприятия оказалось невозможным, так как, по сообщениям болгарских офицеров, армия отказалась от наступления. В мае месяце болгарские войска не выдержали наступления греков и французов в центре македонского фронта и почти без боя покинули свои позиции. Дивизия, предназначенная для контр-

наступления, взбунтовалась почти поголовно. Однако, положение в армии, казалось, несколько улучшилось впродолжение лета. Мы выручали, где могли, снабжали предметами необходимости, посылали одежду. Наши тогдашние успехи на западном фронте вызывали также некоторое воодушевление в болгарской армии. Однако, было ясно, что это приподнятое настроение скоро упадет, если нас постигнут неудачи. Мы в этом не сомневались даже тогда, когда в конце июля получали сведения о хорошем настроении.

Взаимное соотношение сил на македонском фронте мало изменилось впродолжение 1918 г. После окончательного мира с Румынией, Болгария имела возможность собрать все свои силы на одном фронте. Сравнительно с этим усилением не имел никакого численного значения отвод некоторых немецких батальонов из Македонии. Одна английская дивизия была также отозвана в Сирию; французские части послали на родину своих молодых солдат; вновь мобилизованные королевско-греческие дивизии обнаруживали слабое желание биться. Очевидно, на этом основании им была поручена оборона участка Струмы. По сообщениям перебежчиков, большинство этой части было готово присоединиться к нам, если бы немецкие части были пущены в дело на фронте Струмы. Поэтому мы послали в Македонию некоторые батальоны, которые не были применены на главном западном фронте. Они достигли места назначения в тот момент, когда исход войны для Болгарии был уже безразличен.

Вечером 15 сентября мы получили первое известие о начале наступления армии Антанты в Македонии. Это была знаменательная дата. Болгарские солдаты уже весной заявляли, что они покинут позиции в этот день, если война еще не будет окончена.

С другой стороны, не менее удивительно было то, что неприятель избрал местом своего наступления самый центр дикой горной местности. Самое незначительное сопротивление болгарских частей здесь могло создать большие затруднения для наступающих. Мы поэтому думали, что можно спокойно и с надеждой взирать на исход этой борьбы. Мы ожидали более тяжелого и решающего нападения противника в долине Вардара. Там и вблизи озера Дуара уже давно шли подготовительные работы англичан. Но и там, по нашему мнению, не было опасности, в виду крепости оборонительного положения, — конечно, поскольку с болгарской стороны было бы желание воспользоваться этими условиями. Болгарское высшее командование располагало значительными силами.

Первые сообщения о ходе боев 15 сентября не давали повода к беспокойству. Передовые позиции, правда, были по-

теряны. Но в этом не было ничего необыкновенного. Главное то, что противнику не удалось беспрепятственно пробиться в первый же день. Однако, болгары были оттеснены так далеко на север, что трудно было этому поверить. Передовые части, очевидно, не обладали боевой силой, а еще меньше желанием биться. Резервы, которые подходили или должны были подойти, избегали обстрела неприятельским огнем и предпочитали оставлять поле сражения за противником даже в таком узловом пункте, как Градско.

Если падет Градско, или если противник сможет достичь его своими снарядами, то правая болгарская армия в районе Монастыря будет лишена важнейшей связи, и ее снабжение станет невозможным. Да и средняя болгарская армия по обе стороны долины Вардара будет отрезана от железнодорожного сообщения с родиной. Совершенно непонятно, как болгарские полководцы не видели этой опасности и не напрягли всех сил, чтобы предотвратить это беспримерное несчастие для массы войск.

Зато южнее Градско с 18 сентября болгарские части с ожесточением бьются между озерами Вардар и Дуаро. Напрасно англичане стараются проложить себе здесь дорогу. Еще раз блестяще проявляется болгарское мужество и стойкость воли. Но к чему этот героизм, если в направлении к Градско царит малодушие и даже, пожалуй, нечто худшее... Напрасно пытается немецкое командование спасти положение немецкими частями. Что могут сделать слабые, маленькие немецкие части, когда справа и слева болгарин бежит с поля сражения? Навстречу немецким батальонам, идущим против врага, движутся целые болгарские полки, открыто отказывающиеся от боя. Своеобразная картина. И еще своеобразнее об'яснение болгарских солдат: они идут на родину к женам и детям, они хотят увидеть свой дом и засеять свои поля.

Офицеров они часто оставляют одних. Если те идут с ними домой, то добро пожаловать, если же они хотят остаться на поле чести, то пусть остаются одни. Болгарин, однако, охотно подбегает к немцу, идущему против врага, если немец попал в затруднительное положение. Он помогает передвигать по плохим дорогам немецкие орудия. Но биться он предоставляет немцам. Конечно, таким путем Болгария потеряет Македонию. Но болгарский крестьянин считает, что у него дома достаточно земли, поэтому он возвращается на родину и предоставляет заботу о Македонии и борьбу из-за нее, а также все мечты о величии другим людям.

Немецкое командование, несущее ответственность за борьбу между озерами Орхида и Дуаро, ставится, таким образом, в очень тяжелое положение. Все наличные немецкие части соединяются, чтобы поддержать болгарский центр и

7*

спасти Градско. Все меньше можно надеяться, что это удастся. При невозможности удержать болгарский центр, ничего не остается, как отвести фланги армии. Такое движение могло бы принести только незначительный тактический вред, так как в Македонии есть хорошая оборонительная позиция, и чем дальше противник продвигается на север, тем затруднительнее для него сохранять тыловые связи. Правда, с отдачей долины Вардара ухудшаются и болгарские тыловые связи. Но таким путем представляется, по крайней мере, возможность спасти массу войска.

Болгарские полководцы приводят против этого серьезные возражения. Они полагают, что их войска при теперешнем положении будут держаться, а может быть и сражаться, если же будет отдан приказ к отступлению, армия совершенно распустится.

Поистине, отчаянное положение,—отчаянное для всех участников. Болгары жалуются на то, что количество немецких войск не достаточно, что прежде бывшие здесь части удалены. Но что бы значили несколько немецких батальонов в этом всеобщем крахе? Сколько же надо было послать немецких дивизий, чтобы оборонять македонский фронт? Не может же Германия, ожидая решительных событий на западе, посылать свои дивизии в Болгарию. Болгария не хочет признать, что немецкая сила тоже может быть исчерпана. А между тем, именно болгарская сила еще далеко не исчерпана, исчерпана только воля к войне.

В нашей главной квартире мы ставим перед собой серьезные вопросы. Мы должны спасти в Болгарии хотя бы то, что можно спасти. Поэтому мы все-таки должны послать поддержку и сейчас, как бы трудно это нам ни было. 18 сентября эта необходимость ясно обнаруживается. Подумать только, как тяжела была борьба в это время на западном фронте! За несколько дней до того американцы имели огромный успех между Маасом и Мозелем, и там предстоит продолжение их наступления.

Все, что мы можем освободить для поддержки Болгарии,—это смешанная бригада, предназначенная для Закавказья и находящаяся в пути на Черном море. Она задерживается и должна подойти через Варну-Софию. Этих сил, однако, недостаточно. На нашем восточном фронте есть, правда, несколько дивизий, которые там не нужны. Мы хотели перевезти их в спокойное место на запад. Но что это за части! Ни одного человека моложе 35 лет, и все здоровые уже взяты на запад. Чего можно от них ожидать? При самом лучшем желании, в этом климате и без военного обмундирования, подходящего для горной местности, их помощь весьма сомнительна. Но воспользоваться ими все же нужно, потому

что не только болгарская армия, но и болгарское правительство и царь должны получить помощь от Германии в этот момент тяжелой опасности. Мы посылаем поддержку и с запада. Наш альпийский корпус, только что бывший в тяжелом бою, по железной дороге отправляется в Ниш. Австро-Венгрия тоже принимает участие в попытке помочь Болгарии и предоставляет ей несколько дивизий. Мы поэтому отказываемся от дальнейшей поддержки со стороны Австро-Венгрии на нашем западном фронте.

Пока не подойдет немецкая и австрийская помощь, надо, по крайней мере, попытаться спасти массу болгарского войска. Поэтому, вопреки всяким опасениям болгар, немецкое командование дает правой армии и центру болгарской армии приказ отступить. Позиции на Белазице, севернее озера Дуаро, должны образовать стержень всего движения.

Левая болгарская армия во все это время не подвергается нападению. Ее позиции на Белазице и за Струмой очень сильны. Для ее обороны достаточно нескольких батарей. Несмотря на это, и в этой армии проявляется замешательство. Спокойствие и мужество покидают ее. Командующий считает положение безвыходным и заклинает царя сейчас же заключить мир. Царь отвечает: „Надо погибнуть на тех позициях, которые вы удержали!“ Это слово доказывает, что царь является господином положения, и что я в нем не ошибался.

Кронпринц Борис находится также на высоте своей задачи. Он спешит на фронт, чтобы спасти там то, что еще можно спасти. Но что мог сделать отдельный, хотя бы и всеми любимый и уважаемый, человек при этой всеобщей потере самообладания и воли?

Центральная армия, согласно приказу, начинает 20 сентября отступление. Это ведет к разложению. Неудачные распоряжения приводят к полному замешательству. Штабы перестают действовать, в особенности штаб армии. Здесь остается только один человек, ясно отдающий себе отчет во всем, одушевленный добрым желанием. Это—главнокомандующий.

Правая армия должна выполнить трудную задачу. Главный путь ее отступления ведет через Прилеп на Велес. Так как неприятель стоит уже перед Градско, то этот путь находится под сильной угрозой. Другой путь ведет из области озер и Монастыря дальше на запад через дикую и гористую албанскую местность к Калькanделен. Он соединяется с дорогой через Велес у Ускюба. Этот путь через албанские горы безопасен, но очень труден, и трудно расчитывать, чтобы большие массы войск нашли в этих областях необходимое продовольствие. Насмотря на эти сомнения, большая часть

войск отправляется этим путем. Еще больше теснятся они сюда, когда враг берет Градско и направляется на линию Прилеп-Велес. Градско сдается уже 21 сентября. Из маленького плохого местечка он превратился во время войны в форменный лагерь, который по своему положению и величине напоминает новые американские поселения. Здесь возведены огромные запасные магазины. Судя по тамошним складам, нельзя было думать, что болгарская армия на фронте терпела какие-либо лишения. Теперь все это уничтожается болгарами или делается добычей врага. Не только в Градско, но и в других местах Болгария располагала большими запасами. Но они до сих пор охранялись заботами бюрократического хозяйничанья, которое и в Болгарии проникает в народную жизнь, несмотря на либеральные законы и свободомыслящий парламент.

Болгария, следовательно, могла бы продолжать войну, если бы сама не считала или не хотела считать ее проигранной. Наш план, с которым согласилось и болгарское высшее командование, следующий: центральная армия должна перемахнуть на старо-болгарскую границу. Правая армия должна собраться у Ускюба или дальше—севернее, ее подкрепляют прибывающие немецкие и австрийские дивизии. Этой силы у Ускюба совершенно достаточно, чтобы удержать положение и даже расчитывать повести отсюда наступление в южном направлении. Представляется совершенно невероятным, чтобы противник без отдыха большими массами достиг Ускюба и затем пошел дальше до старо-болгарской границы. Как мог бы он регулировать свое движение, после того, как мы основательно разрушили железные дороги и водные пути? Мы надеемся также, что при вступлении на родную землю в болгарской армии снова проснется сила и чувство ответственности.

Предложенная операция возможна только в том случае, если Ускюб продержится до тех пор, пока болгарские войска не подойдут через Кальканделен. Эта задача кажется легкой, так как неприятель, действительно, продвигается сравнительно слабыми силами.

Во время этих событий в Софии царит поразительное спокойствие. Наши батальоны, расставленные там для успокоения населения, для помощи и поддержки правительства, не замечают никакого волнения. Правда, странное впечатление производят толпы солдат, прибывающих на родину отдельно от своих частей. Они отдают свое оружие в орудийные склады, прощаются с товарищами и начальством, иногда даже уверяют, что они вернутся, как только засеют поля. Своеобразная картина, удивительное состояние души. Или, может быть, тайный сговор? У нас нет, однако, никаких

оснований для подобного предположения. Что это разложение не везде проходит гладко—ясно само собой. Но в большинстве случаев слухи о разных эксцессах являются преувеличенными.

На фронте положение не меняется. Отступление болгарских масс продолжается. Его нельзя остановить надолго, даже несмотря на слабость сил преследующего неприятеля. Напрасно стараются собрать отдельные кучки—об отдельных частях нечего и говорить—и направить их против неприятеля или, по крайней мере, организовать частичное сопротивление. Как только подходит неприятель, болгары, после немногих выстрелов, тотчас покидают свои позиции. Немецкие части уже не в состоянии остановить болгарское движение. Напрасны также старания немецких и болгарских офицеров личным примером повлиять на массу, равнодушную к исходу войны.

Таким образом, неприятель приближается к Ускюбу раньше, чем могут подойти туда немецкие и австрийские войска. 29 сентября сильные части правой болгарской армии спускаются с гор у Кальканделен. Отсюда им нужно только пройти по хорошей дороге до Ускюба. Эти части, как нам сообщают, безусловно боеспособны. Тяжелый кризис, повидимому, минует. Однако, если военная обстановка давала возможность избежать тяжелого кризиса, то моральное состояние болгарской армии делало положение непоправимым. И вскоре все сомнения рассеиваются: Ускюб занят слабыми сербскими войсками. Войска при Кальканделен капитулировали. 29 сентября вечером Болгария заключает перемирие.

Падение турецкой власти в Азии.

В начале 1918 г. замечается сильный военный под'ем в Турции. Еще до конца зимы в Армении предпринимается наступление против находящейся там русской армии. Русская сила здесь была призрачной. Часть войск совершенно растаяла. Поход турок поэтому встретил сопротивление только в армянских бандах. Гораздо труднее, чем устранение этих банд, было преодоление препятствий, которые создавала горная природа. Несмотря на это, поход удался, и это было симптомом изумительной жизненной силы оттоманского государства. Турция бросилась через границы оттоманской Армении в Закавказье. Воодушевляющей силой были мечтания панисламизма, чувство мести, надежда на возвращение потерянных областей и ожидание добычи. К этому присоединилось еще желание пополнить ряды армий. В стране почти исчерпаны человеческие силы. В закавказском Азербейджане и среди кавказских магометан, казалось, можно найти новые пополнения. Россия не привлекала этих маго-

метан к регулярной военной службе, так что они могут сражаться под знаком полумесяца. Цифры, сообщенные нам о предполагаемом числе добровольцев, показывают, насколько широк полет восточной фантазии. Если бы мы хотели верить оттоманским донесениям, то мы должны были бы признать, что магометанские народы России уже с давних пор обуреваемы высоким стремлением образовать с Турцией одно замкнутое единоверческое государство. Во всяком случае, нельзя отрицать возможности, что Турция в этих областях присоединит к себе новые силы, и что Англия будет вынуждена считаться с развитием этих событий. Пока, однако, следует учитывать ничтожную действительность. Поэтому мы пытаемся отрезвляюще воздействовать на оттоманские надежды. Правда, мы не имеем успеха. С нами соглашаются, что главная задача Турции в рамках общей войны лежит скорее в направлении на Сирию и Мессопотамию, чем в направлении на Кавказ и Каспийское море. Но какое значение могут иметь обещения и добрая воля Константинополя, если полководцы на далеких полях сражения идут своей дорогой?

Для того, чтобы хотя бы отчасти использовать богатые запасы сырья в Закавказьи для всех участников войны, мы посылаем войска в Грузию. Мы надеемся помочь тамошнему правительству восстановить хозяйственную жизнь.

Но панисламизм и военняя страсть в Константинополе успокаиваются только тогда, когда Баку также сдается Турции, как раз в то время, когда совершается падение старого азиатского господства Турции.

Далеко на восток завело Турцию также намерение оказывать через Закавказье влияние на Персию. Через Персию намереваются ударить во фланг английским операциям в Мессопотамии. План сем по себе и хорош, но для проведения его требуется время. Будет ли у нас в распоряжении это время,—представляется, конечно, весьма сомнительным. Но, может быть, уже первые движения турок в северной Персии свяжут английские силы и спасут тем самым Мессопотамию для Турции.

Англия одинаково хочет обеспечить себе влияние на Россию через Белое море и Архангельск и через Каспийское море и Баку. На этом основании выполнение оттоманских планов в Персии и Закавказьи входит и в наши интересы. Но только оборона в Мессопотамии и в особенности в Сирии не должна быть этим ослаблена. Отправка боеспособоной турецкой резервной армии в окрестности Алеппо имела бы, во всяком случае, большее значение, чем большие операции в Персии, принимая во внимание все оперативные возможности англичан южнее Тавра.

В Мессопотамии положение по карте не изменилось с осени 1917 г. На самом же деле южнее Мозуль случилась катастрофа с турецкой армией, — правда, не под влиянием неприятельского огня. Точно так же, как и в горной местности Армении зимой 1916—17 г., в Мессопотамской долине зимой 1917—18 г. умирало огромное число турецких солдат. Говорят о 17.000, которые умерли от голода или от последствий голода. Верна ли эта цифра, мы не знаем. „И тот, кто умирает от голода, умирает геройской смертью“, уверял нас один турок,—не из цинизма, а по внутреннему убеждению. Только остатки прежней турецкой армии переживают весну в Мессопотамии. Трудно расчитывать когда-нибудь довести их до боеспособности. Спрашивается—почему же Англия не нападает на Мессопотамию? Или лучше—почему она попросту не двигается вперед? Разве достаточно тени оттоманской власти, чтоб удержать противника от осуществления его колониальной программы ведения войны? Английское командование может приводить в об'яснение своей осторожности все, что угодно, но не может ссылаться на силу противника.

Тогда как в горной местности Армении сила турецкого оружия еще раз одержала триумф, бои в Сирии не прекращались. Несколько раз Англия делала наступления, которые не внесли перемен в положение. Весной 1918 г. английское командование, казалось, утомилось своим долгим бездействием. Охваченная новой идеей, Англия вторглась через Ерихо в местность восточнее Иордана. Надеялись, что арабские народы в этой области только и ждали наступления освободителей от турецкого ига, чтобы сразу с тыла напасть на оттоманскую армию. Но предприятие это окончилось довольно бесславно—англичане отступили перед незначительными немецкими и турецкими силами, благодаря великолепным оттоманским полководцам. Положение на сирийском фронте тем самым было к лету спасено. В это время года должно было наступить полное затишье, благодаря неимоверно жаркой погоде. Однако, можно было с уверенностью ожидать, что англичанин возобновит в каком-нибудь направлении свои нападения осенью. Мы думали, что этот промежуток времени достаточен для того, чтобы укрепить положение на сирийском фронте привлечением новых турецких сил.

Внутренние затруднения в турецком государстве продолжались и в 1918 г. Смерть султана, казалось, не имела никакого влияния на положение. Однако, все-таки появились признаки улучшения. Новый султан был, очевидно, человек дела. Он обнаружил явное желание освободиться от прежней опеки комитета и бороться с тяжелыми государственными неурядицами. Он выбрал себе в помощь людей, придерживавшихся старотурецкого направления.

Я познакомился с новым падишахом в Крейцнахе, когда он был наследником. Тогда я имел честь принимать его в качестве моего гостя. Невозможность вести разговор—султан говорил только по-турецки—заставила нас ограничиться выражениями приветствий через переводчика. Ответ наследника престола на мою речь был исполнен доброжелательного отношения к нашему союзу. Этому соответствовало также его поведение после вступления на престол.

Султан имел, прежде всего, намерение оказать личное влияние на армию, вплоть до частей, стоящих в самых отдаленных провинциях. Устранил ли бы он при этом существующие недостатки, я судить не берусь.

Страна была совершенно истощена войной. Она могла уделить войску только очень незначительные свежие силы. Так и во время лета не удалось заметно усилить сирийский фронт. Трудно судить, как можно было бы обставить этот фронт при таких прямо-таки жалких связях с ним. Снабжение армии оставалось плохим. Войско—хотя и не умирало с голоду, но почти все время не доедало, было физически утомлено и душевно безразлично настроено.

Как я уже говорил раньше, мы должны были отказаться от увода немецких войск с сирийского фронта. Тамошнее турецкое командование считало положение обеспеченным только при условии немецкой помощи. Правда, не слишком высоко оценивался дух англо-индийской армии, сведения о которой получались от магометанско-индийских перебежчиков. И до сих пор английское командование производило так мало впечатления своими действиями, что можно было расчитывать с имеющимися незначительными силами сделать вид, что есть возможность дальнейшего сопротивления. Долго ли сможет продолжаться этот обман, зависело исключительно от того, решится ли противник когда-нибудь перейти к бою, который бы опрокинул все турецкое сопротивление.

19 сентября англичане внезапно напали на правый турецкий фланг в прибрежной долине и прорвали его почти без сопротивления.

В это время Турция лишилась прикрытия своей страны, вследствие падения Болгарии. Константинополь оказался в первый момент совершенно беззащитным, тем более, что из турецких войск, стоящих у Дарданелл, все боеспособные элементы были переведены в армии, сражающиеся в отдаленных провинциях, а укрепления Константинополя были только в области фантазии и на бумаге. Все имеющиеся силы были направлены на азиатские фронты, где борьба имела решающее значение. Но когда внешняя линия обороны там была прорвана, поток вражеских сил влился во внутрь страны и угрожал сердцу ее. Под впечатлением первых известий о паде-

нии Болгарии, отдельные быстро сформированные части были посланы из Константинополя на линию Чатальджи. Но они не могли бы оказать никакого сопротивления. Скорее ради морального влияния, чем для практической цели мы отдали приказ немедленно перевести немецкие части с юга России в Константинополь. Турция также решилась перебросить все дивизии, вернувшиеся с Закавказья, во Францию. Но для прибытия в Константинополь значительных сил нужно было время. Почему противник не использовал это время, чтобы овладеть столицей Турции, до сих пор не выяснено. Еще раз Турция избегла непосредственной катастрофы. Но в конце сентября наступление ее казалось вопросом нескольких дней.

Военные и политические дела Австро-Венгрии.

После неудачных наступлений австро-венгерской армии в Верхней Италии все больше и больше выяснялось, что придунайская монархия положила последние силы на это предприятие. У нее уже больше не было ни достаточного количества войск, ни необходимого под'ема, чтобы повторить это наступление. Мы могли составить довольно ясное представление о положении австро-венгерской армии по качествам тех дивизионов, которые были присланы для поддержки нашего западного фронта. Пускать их в дело немедленно было невозможно, если мы хотели потом требовать от них дальнейшего участия в боях. Им нужен был отдых, выучка, а в особенности обмундирование. Это было признано высшим командованием армии. Все учреждения командования старались в короткое время привести в соответствующий вид королевские войска, предназначенные для западного фронта. Если цель была не вполне достигнута, то виною этого была не бездеятельность офицеров; солдаты также обнаружили большую готовность к действию.

Большие потери австро-венгерского оружия в Италии, ненадежность некоторых частей войск в политическом отношении, неуверенное внешнее и внутреннее положение страны— все это делано невозможной сереьзную поддержку нашего западного фронта. Генерал фон-Арц, в виду этих обстоятельств, должен был в буквальном смысле слова отрывать от сердца каждую дивизию, которую он посылал. Сам он был совершенно убежден в большом значении этой помощи. Я не решаюсь сказать, были ли все австро-венгерские круги проникнуты одинаковой готовностью помогать нам, все ли так чувствовали долг благодарности по отношению к нам, как генерал фон-Арц.

На австро-венгерских фронтах впродолжение лета не произошло ничего существенного. Единственное значитель-

ное военное предприятие было на албанской территории. Там годами вокруг Валоны и к востоку от нее стояли в бездействии итальянцы со своим армейским корпусом, а севернее австрийцы. Этот театр военных действий не имел бы никакого военного значения, если бы он не был связан с македонскими фронтами. Болгария постоянно опасалась, что неприятельское вторжение западнее озера Охриды может захватить правый фланг ее армии. С военной точки зрения можно бы легко противопоставить этому отвод болгарского западного фланга из области Охриды на северо-восток. Но внутреннее положение Болгарии, как я уже упоминал, делало тогда невозможным отступление армии из этой страны. К этому присоединяется еще соревнование Болгарии и Австрии в Албании,—соревнование, с которым мы едва справились.

Часто ставился вопрос, почему австрийцы не прогнали из Валоны своих итальянских противников. Этот чрезвычайно важный для флота опорный пункт, который к тому же мог служить заградительным пунктом для Адриатического моря—можно было взять голыми руками. Для такой операции, однако, Австро-Венгрии не хватало одного условия, а именно, деятельной тыловой связи с местом военных действий у Воюзы. Нельзя было базировать эту операцию на море, а сухопутные пути сообщения в этой пустынной албанской горной местности отсутствовали.

Австро-венгерские операции в Албании были как бы в заколдованном сне. Он нарушался только небольшими предприятиями. Более серьезным положение стало, когда итальянцы летом 1918 г. начали широкое наступление со стороны морского берега и до окрестностей озера Охриды. Слабые австро-венгерские связи были отброшены на север. Тотчас забеспокоились болгары в Софии и на македонской границе и потребовали вмешательства нашего высшего командования. Это вмешательство произошло в форме просьбы к высшему командованию австро-венгерской армии—увеличить силу в Албании, чтобы иметь возможность провести защиту македонского фланга. Австро-венгерское командование пошло дальше и решило начать в Албании контр-наступление. Итальянцы были снова отбиты. Трудно сказать, имело ли итальянское наступление там какую-нибудь политическую или военную цель. В особенности невыясненным остается вопрос, была ли какая-нибудь внутрення связь между этим наступлением и последовавшими позже наступлениями Антанты против центра македонского фронта. Австро-венгерское контр-наступление является делом, достойным большого внимания, в виду чрезвычайно неблагоприятных местных условий и численного перевеса врагов. Оно должно было быть отмечено нашими союзниками.

Внутренние отношения Австро-Венгрии впродолжение 1918 г. развивались в том же опасном направлении. Необычайные затруднения в снабжении населения иногда грозили Вене прямо-таки катастрофой. Ничего нет удивительного поэтому в том, что австро-венгерские власти для получения предметов продовольствия в Румынии или на Украйне прибегали к таким мерам, которые совершенно противоречили нашим интересам.

Неудивительно также, что, под влиянием мрачных политических условий Австро-Венгрии, оттуда все время раздавались голоса, что продолжение войны в 1918 г. невозможно для дунайской монархии. Стремление к миру обнаруживалось все чаще и все сильнее. Я не буду говорить о том,—не оказало ли тут влияние, как утверждали, чье-либо желание сыграть роль миротворца.

Летом последовала отставка графа Чернина с поста министра иностранных дел. Основанием для отставки, по словам самого графа, послужило то обстоятельство, что письма его короля к принцу Сиксту Пармскому создали между ним и его господином неизгладимый конфликт. Граф был мне симпатичен, несмотря на некоторую противоположность наших политических взглядов, которые мы оба одинаково откровенно высказывали. Я смотрел на графа Чернина, как на типичного представителя австро-венгерской внешней политики. Он был умен и хорошо сознавал трудности нашего общего положения, а также умел метко критиковать слабости представляемого им государства. В его политические планы скорее входило избегнуть несчастия, чем использовать успех. Граф всегда хорошо сознавал интересы своей родины. Но, по странному противоречию, не видел, что для спасения нам нужно идти одним путем. Из этих противоречий вытекало, что он не переставал добиваться расширения сферы власти двуединой монархии даже и тогда, когда он предлагал нам, немцам, принести большие жертвы ради интересов наших союзников. Граф Чернин, как и все государственные люди этого времени, слишком низко оценивал силы своей родины. Иначе бы он весной 1917 г., вскоре после принятия своего назначения, не мог говорить о невозможности продолжать войну, хотя австро-венгерская сила еще не была исчерпана даже и после его отставки. Я не мог точно установить во время его службы, что̀ руководило им: не мог он противиться миролюбивым стремлениям своего государя или же он их поддерживал сам, согласно своему внутреннему убеждению? Во всяком случае, граф не сознавал той опасности, которая заключалась в преувеличенном подчеркивании готовности к миру с таким врагом, как наш. Только при этом условии становится понятным, что он во время успеха наших подвод-

ных операций, во время неудачи неприятельского наступления и влияния на наших врагов государственного переворота в России потерял политическое равновесие и побудил рейхстаг принять резолюцию о мире.

Я был того мнения, что у графа Чернина по отношению к нам достаточно братских чувств, я это думал даже и тогда, когда он поставил нас перед некоторыми неожиданностями при обсуждении мирного договора в Брест-Литовске и Бухаресте. Правда, он опасался тогда, что дунайская монархия не сможет справиться в случае нарушения этих договоров, и что крик о хлебе в Вене безусловно заставит скоро соединиться с Украйной.

В то время, как Чернин руководил внешней политикой Австро-Венгрии, мы не пришли ни к какому решению по польскому вопросу. Передать всю Польшу двуединой монархии мы считали невозможным.

С преемником графа Чернина, графом Бурианом, я познакомился в Плесе, когда он был министром иностранных дел до Чернина. При обстоятельности, проявляемой Бурианом во всех важных вопросах, я бы мог расчитывать на разрешение польской проблемы в короткий срок. Но я должен откровенно признаться, что мои мысли в последующее за тем время были заняты более серьезными вещами, чем эти длительные и бесплодные переговоры.

Когда граф Буриан был снова призван на пост министра иностранных дел, вполне естественно было его стремление как можно скорее найти выход из нашего политического положения. По человечеству было совершенно понятно, что он, под впечатлением ухудшающегося военного положения на западе, с большим упорством стремился к миру. По моему мнению, однако, ни один из союзников не должен был выходить из рамок единого политического фронта и предлагать противнику мир. Ошибочно было думать, что от этого произойдет какое-нибудь существенное изменение для отдельного государства или для всех вместе. Турецкий великий визирь, который в начале сентября жил в Спа, относился к положению так же, как и я. Царь Фердинанд в то же время говорил, что стремления к миру его страны вне общего союза не могут приниматься в расчет. Может быть, царь догадывался уже тогда, какую незначительную роль, как сила, играет Болгария в расчетах противников.

На этом основании я не мог считать правильной австро-венгерскую попытку заключить в середине сентября сепаратный мир с Антантой. Противники отнеслись к этому совершенно отрицательно. Они слишком ясно видели наше положение, чтобы согласиться на этот мирный договор. Вопрос о дальнейших жертвах людьми не играл для них никакой роли. Опасение, что мы, немцы, скоро оправимся, если нам

дадут хоть на один момент передышку, совершенно завладело умами наших врагов. Так сильно было впечатление, которое производили, а, может быть, и теперь производят на наших противников наши успехи. Это дает нам право гордиться, вопреки тому, что с нами случилось тогда и что еще должно было случиться.

Навстречу концу.

От 29 сентября до 26 октября.

Если бы в книге великой войны не было уже давно главы о геройстве немецкой армии, то она была бы начертана в нестираемых письменах кровью наших сыновей в последних ужасных боях. Как неимоверно много требовалось в эти недели физических и душевных сил от офицеров и солдат всех частей войска! Войска переходили от одной битвы к другой. Перерыва едва хватало для того, чтобы восстановить нарушенные связи, заменить недостающие части новыми, влить остатки разбитых дивизионов в другие части. Офицеры и солдаты, правда, начинали проявлять усталость, но они все же рвались вперед, если нужно было удержать вражеское нападение. Офицеры всех рангов, до самых высших чинов, боролись в первых рядах, часто с оружием в руках. Ведь приказывать оставалось только одно: „Выдержать до последних сил“.

Да, „выдержать“. Какое самоотречение после стольких славных дней и такого большого успеха! Для меня зрелище такой самоотверженной борьбы не уменьшается отдельными картинами упадка духа и отказа от борьбы. В такой самоотверженной борьбе, где нет чувства победоносности, сильнее должны проявляться человеческие слабости.

Для непрерывных линий не хватало сил. Сопротивление оказывают маленькие части. Только они имеют успех, потому что явно утомляют противника. Там, где не прокладывает еще путь блиндированный автомобиль, где вражеская артиллерия не умертвила еще все, способное к битве,—там противник редко приступает к большим битвам. Он не бросается стремительно на наше сопротивление,—нет, он постепенно внедряется в нашу разгромленную боевую линию. На этом факте я и строил свою надежду, надежду выдержать до полного изнеможения противника.

У нас уже больше нет новых сил, как у врага. Вместо Северной Америки, у нас усталые союзники, которые определенно идут к падению. Сколько еще времени наш фронт сможет выдержать эту ужасную тяжесть? Передо мной вопрос,

самый тяжкий из всех вопросов: „Когда мы придем к концу“? Если в таких случаях обратиться к великой наставнице человечества—истории, то она учит не осторожности, а смелости. Но обращаясь к нашему величайшему государю, я получаю ответ: „Выдержать“. Конечно, с тех пор, за 160 лет, времена изменились. Теперь войну ведет не навербованное войско, а весь народ, он истекает кровью и страдает. Но по существу человечество осталось тем же, со своей силой и со всеми своими слабостями. И горе тому, кто слабеет раньше времени. Я могу оправдать все, только не это!

Так на поле сражения одновременно идет еще другая борьба. Она происходит в душе человека. И в этой борьбе он одинок. Никто нам не поможет, кроме нашего собственного убеждения и совести. Ничто не поддержит нас, кроме нашей надежды и веры. Они достаточно крепки во мне, чтобы еще поддерживать других.

Но вокруг нас становится все темнее. Какое бы противодействие ни оказывало противнику немецкое мужество, как бы ни ослабевали Франция и Англия, как бы бесплодно ни истекала кровью Америка, наши силы все же явно слабеют. Они тем скорее сокрушатся, чем сильнее на них будут действовать известия с востока. Кто восполнит трещину, если Болгария падет окончательно? Кое-что мы еще можем сделать, но мы не в состоянии построить новый фронт. Правда, новая армия организуется в Сербии, но как слабы эти части! Наш альпийский корпус едва ли еще боеспособен; одна из вновь прибывших австро-венгерских дивизий об'явлена совершенно негодной; она состоит из чехов, которые уже заранее отказываются от боя. Если сирийский театр военных действий не имеет решающего значения для войны, то все же поражение этого фронта несомненно разлагающе влияет на верную Турцию, которой грозит опасность уже со стороны Европы. Как будет вести себя Румыния, что будет делать огромная русская развалина? Все эти вопросы теснятся вокруг меня и заставляют принять решение — найти конец. Разумеется, конец с честью. Никто не скажет, чтобы это было слишком рано!

С такими мыслями и с назревшим решением застает меня мой первый генерал-квартирмейстер в полдень 28 сентября. Я вижу по нему, что привело его ко мне. Как это часто бывало и раньше, с 23 августа 1914 г., мы угадывали мысль друг друга, прежде чем произносили слова. Наше самое трудное решение основано на одинаковом убеждении.

Перед обедом 29 сентября состоялось наше совещание с государственным секретарем министерства иностранных дел. Наше внешнее положение определяется им немногими словами: „до сих пор все попытки мирных переговоров с про-

тивником отклонялись, и нельзя расчитывать достичь сближения с неприятельскими правительствами через посредство нейтральных держав“. Государственный секретарь обсуждает далее внутреннее положение родины: революция у порога. Нужно сделать выбор — встретить ли ее диктатурой или уступками; парламентский режим является, по его мнению, лучшим оборонительным средством.

На самом ли деле лучшим? Мы знаем, какую тяжесть возлагаем на родину именно теперь нашим шагом к перемирию и миру, шагом, который создаст, конечно, тяжелую заботу о положении на фронте и о нашем будущем. И в этот момент, когда хоронятся все надежды, когда усиливаются самые горькие разочарования, когда каждый смотрит на государство, как на опору—в этот момент политические страсти должны достичь высшего напряжения. Конечно, порядок не будет сохранен, а начнется дальнейшее разрушение. Те, кто сеял плевелы в наш посев, считают, что время для сбора наступило. Мы начинаем катиться вниз по наклонной плоскости. Разве можно расчитывать смягчить уступками такого противника, который не подчинился даже оружию? Спросите тех из наших солдат, которые, под влиянием неприятельского соблазна, к сожалению, добровольно побросали оружие. Обращение с обманутыми немцами не было ни на иоту человечнее, чем с их товарищами, защищавшимися до последней возможности. Мы должны также опасаться, что образование нового правительства еще задержит тот шаг, который мы так долго оттягивали. Ведь мы не так скоро решились на него. Неужели будет еще задержка из-за нового государственного порядка?

Все это заботит и меня, и генерала Людендорфа.

После нашего совещания мы докладываем Его Величеству Государю о нашем предложении сделать шаг к мирным переговорам. На меня возложено — представить высшему военачальнику картину военного положения для обоснования этого политического акта. Серьезность положения уже известна Государю. Его Величество стойко соглашается с тем, что мы предлагаем.

Как и до сих пор, так и теперь наши заботы об армии сплетаются с заботами о родине. Если не выдержит одна сторона, то рухнет и другая. В этот момент это яснее, чем когда бы то ни было.

Мой высший военачальник возвращается на родину, куда я следую за ним 1 октября. Я бы хотел быть около государя, если бы в эти дни я ему понадобился. Оказывать политическое влияние — мне было не свойственно. Я готов был дать об'яснения новому правительству и давал ответы на его вопросы, поскольку я считал это возможным по своим

убеждениям. Я надеялся побороть пессимизм и снова возродить надежду. Но внутренние потрясения оказались слишком тяжелыми, чтобы достичь этой цели. Я сам тогда еще был уверен, что, несмотря на убыль наших сил, мы месяцами можем задерживать вторжение неприятеля на нашу землю. Если бы это удалось, то и политическое положение было бы не безнадежно. Конечно, это было бы возможно при условии, если бы нам не угрожали с востока и с юга, и если бы внутреннее положение нашей родины было прочно.

В ночь с 4 на 5 октября мы послали наше предложение президенту Соединенных Штатов Северной Америки. Мы приняли все остальные пункты „справедливого мира", выставленные президентом в январе этого года.

Нам оставалось теперь только продолжать борьбу. Ослабление напряжения в войске, уменьшение числа бойцов, постоянное вторжение неприятеля—заставили нас на западном фронте постепенно отступать на более короткие линии. То, о чем я докладывал 3 октября правительству, выполнялось теперь: мы держались как можно крепче за вражескую землю. Передвижения и бои были такого же характера, как и с середины августа. Убыли нашей боеспособности соответствовала также и неохота к наступлению у неприятеля. Если враг заблуждался в своем убеждении, что мы сломлены совершенно, то и мы ошибались в своей надежде, что враг окончательно утомлен. Таким образом, нельзя было уже изменить конечный исход борьбы. Массовое возбуждение народа могло бы произвести впечатление на нашего противника и на нашу собственную армию. Но разве у нас была такая опора, такая самоотверженная масса? Во всяком случае, напрасна была наша попытка перебросить эту массу на фронт.

Родина ослабела раньше, чем армия. При таких обстоятельствах мы не могли противопоставить никакой силы упорному давлению президента Соединенных Штатов Сев. Америки. Наше правительство пошло на уступки в надежде на мягкость и справедливость. Немецкий солдат и немецкий политик шли различными путями. Теперь уже нельзя было заполнить образовавшуюся пропасть. Моя попытка к об'единению видна из следующего моего письма к государственному канцлеру от 24 октября 1918 г.

„Перед Вашим великогерцогским высочеством я не могу скрыть, что во мне больно отозвалось отсутствие в последних речах в рейхстаге горячего призыва к армии и в пользу армии. Я надеялся, что новое правительство соберет все силы народа для обороны родины. Этого не случилось. Напротив, за малым исключением, говорилось только о примирении, а не о победе над врагом, угрожающим родине. На армию это

подействовало сначала угнетающе, а затем потрясающе. Многие серьезные явления доказывают это. Для обороны родины армии нужны не только люди, но и убеждение в необходимости борьбы, а также душевный под'ем для этой великой задачи. Ваше великогерцогское высочество должны быть также убеждены, что, признавая решающим значение морали для вооруженного народа, правительство и народное представительство должны вносить в народ и войско этот дух и поддерживать его.

К Вашему великогерцогскому высочеству, как к главе нового правительства, я обращаю свой призыв—быть на высоте этой святой задачи".

Но было уже поздно. Политика требовала своих жертв. Первая жертва была принесена 26 октября.

Вечером этого дня я выехал из столицы, куда я приезжал со своим первым генерал-квартирмейстером для доклада нашему высшему военачальнику. Теперь я возвращался в нашу главную квартиру один. Его Величество согласился на отставку генерала Людендорфа, мою же просьбу об отставке отклонил.

На следующий день я входил в помещение, которое до сих пор служило для нашей общей работы, с таким чувством, точно я только что вернулся с похорон дорогого усопшего и вошел в опустевшую квартиру.

До сегодняшнего дня—я пишу это в сентябре 1919 г.—я еще не видел моего долголетнего верного помощника и советчика. Я тысячу раз возвращался к нему мыслями и благодарным сердцем!

От 26 октября до 9 ноября.

Мой Высочайший Военачальник назначил по моей просьбе генерала Гренера первым генерал-квартирмейстером. Гренера я знал по его прежним боевым заслугам. Я знал, что он прекрасный организатор и знаток внутренних отношений нашей родины. В дальнейшем я получил доказательства того, что не ошибся в моем новом сотруднике.

Задачи, которые возлагались на генерала, были и трудны, и неблагодарны. Они требовали самостоятельной деятельности, полного самоотвержения и отказа от славы, с единственным удовлетворением от сознания исполненного долга и признания этого ближайшими сотрудниками. Мы все знали размеры и трудность задач, возложенных на него.

Наше общее положение все ухудшалось. Я бы хотел несколько осветить его.

На востоке было сломлено последнее сопротивление оттоманско-азиатского государства. Мозул и Алеппо почти без

сопротивления перешли в руки неприятеля. Мессопотамская и сирийская армии перестали существовать. Мы должны были очистить Грузию, и не потому, что нас к тому вынудила военная сила, а потому что оказались невыполнимыми или, по крайней мере, безуспешными наши хозяйственные планы там. И те части, которые мы послали на защиту Константинополя, были отозваны. Антанта, однако, не тронула Фракию. Мы не знаем причины этой нерешительности. Может быть, решающим моментом для Антанты были политические соображения.

Наши немецкие части, которые еще находились в Турции, стягивались по направлению к Константинополю. Они покинули обороняемую страну, сохранив уважение рыцарской Турции, которой мы помогали в ее борьбе не на жизнь, а на смерть. Все, что было там против нас, исходило из тех кругов, которые проявлением своей ненависти хотели завоевать расположение вновь прибывающих. Настоящий турок знал, что мы могли оказать помощь не только в этой борьбе, но и в дальнейшем строительстве. Энвер и Талаат-паша оставили поле своей деятельности, обесчещенные своими противниками, но в общем безупречные.

Из Болгарии были выведены наши последние войска. Благодарное чувство и благодарное воспоминание остались о них в Болгарии. Это было выражено в письме ко мне болгарского командующего войсками. Я не мог отделаться от впечатления, что в строках этого письма было именно то, что я не раз чувствовал в этом честном офицере: „Если бы я был политически свободен, то я бы иначе действовал в военном отношении". Это было сказано слишком поздно и им, и другими.

Австро-Венгрия распалась в политическом отношении так же, как и в военном. Она пожертвовала не только собой, но и нашей границей. В Венгрии разразилась революция и вспыхнула ненависть к немцам. Могло ли это поразить нас? Правда, во время войны, когда русский стучался у границы, к нам относились иначе. С каким торжеством встречались тогда немецкие войска, как их снабжали и даже баловали, когда дело шло о том, чтобы покорить Сербию! С каким воодушевлением нас встречали, когда мы появились для завоевания Трансильвании! Благодарность никогда не играла роли в человеческой жизни и еще меньше в жизни государств.

Напротив, в Румынии мы всегда встречали благодарность. Там были того мнения, что без разгрома России не может осуществиться свободная румынская жизнь.

Когда теперь в Германии в некоторых кругах нам указывают на ненависть к нам тогдашних наших союзников и находят в этом доказательство ошибочности наших полити-

ческих и военных действий, то при этом проглядывают, что вспышки ненависти друг к другу проявлялись и во вражеском лагере. На наших глазах французские солдаты с бранью показывали кулаки английским союзникам. Ведь нам кричали французские солдаты: „Сегодня с Англией против вас, а завтра с вами против Англии“. При виде развалин собора Сент-Кентен кричал же один французский солдат в марте 1918 г., дрожа от гнева, своим английским товарищам, вместе с ним взятым в плен: „Это ваше дело“. Надеюсь, что недоразумения между нами и нашими прежними союзниками мало-по-малу прекратятся, когда рассеется туман, скрывающий правду и мешающий теперь нашим боевым товарищам без предвзятого мнения смотреть на общее поле славы, где была положена немецкая жизнь ради осуществления также и их планов и мечтаний.

Кризис обнаруживается к концу октября всюду; меньше всего—на западном фронте. Все слабее становится вражеский натиск, а также наше сопротивление. Все меньше число вражеских войск, все шире промежутки на оборонительных позициях. Только немного свежих немецких дивизионов—и великое свершилось бы. Напрасные желания, суетные надежды. Мы тонем, потому что тонет родина. Она не может нам дать ни одной жизни, ее сила истощена.

Генерал Гренер отправляется 1 ноября на фронт. Ближайшая наша забота—отвод нашей обороны на позицию Антверпен—Маас. Решение очень простое, но выполнение трудное. Здесь еще находится дорогой боевой материал, но дороже для нас, чем его спасение, отправка 80.000 раненых в лазареты, находящиеся впереди. Проведение решения замедляется из благодарности к нашим раненым товарищам Конечно, такое положение не может продолжаться долго. Для этого слишком слабы наши силы, и мы слишком устали. При этом натиск слишком силен со стороны свежих американских масс, обрушившихся на нас в самом чувствительном месте, в области Мааса. Борьба этих масс, должно быть, показала Соединенным Штатам, что военное ремесло не может быть изучено в несколько месяцев, что незнание этого ремесла в серьезных случаях ведет к потокам крови.

На немецких боевых линиях еще чувствуется живая сзязь с родиной, есть еще внутренняя спайка, хотя в некоторых местах видны уже мрачные картины. Долго это продолжаться не может. Напряжение достигло максимума. Если где-нибудь, на родине или в армии, произойдет толчек, то крушение неизбежно.

Таковы мои впечатления в первых числах ноября. Этот толчек недолго заставляет себя ждать. На родине он очень силен. Начинается революция. Еще 5 ноября генерал Гренер

спешит в столицу. Он предвидит, что может произойти, если в эти последние часы мы не будем вместе. Он вступается за своего короля и рисует те последствия, которые могут произойти, если лишить армию ее главы. Напрасно. Революция шагает неудержимо, и только благодаря случайности генерал при возвращении в главную квартиру не попадает в руки революционеров. Это было вечером 6 ноября.

Лихорадка потрясает весь народный организм. Спокойное обсуждение становится невозможным. Теперь уже не думают об общих последствиях, а только об удовлетворении своих страстей. Не останавливаются перед сумасбродными планами. Что может быть сумасброднее, чем лишить армию возможности существовать? Видано ли когда-нибудь большее преступление человеческой мысли и человеческой злобы? Тело становится бессильным, правда, оно еще бьется, но уже умирает. Удивительно ли, что противник делает с этим телом, что хочет? Он пред'являет свои условия в более жестоком виде, чем сам их написал раньше. Все обещания, которые провозглашались неприятельской пропагандой, замолкли. Месть выступает в неприкрытом виде: „Горе побежденным“—вот слова, которые подсказываются не только ненавистью, но и страхом.

Таково положение 9 ноября. Драма не заканчивается в этот день, она получает только новую окраску. Революция побеждает. Не будем останавливаться на ее причинах. Она прежде всего уничтожающе подошла к опоре армии, немецкому офицерству. Она срывает у него, как говорит один иностранец, заслуженный лавровый венок с головы и надевает мученический венец на его окровавленный лоб. Сравнение поразительное по своей правде. Пусть оно проникнет в сердце каждого немца.

Внешний признак победы новой силы—падение трона. Немецкий царь низложен.

Об отказе от престола об'является раньше, чем государем было принято это решение. Темными путями совершаются события в эти дни и часы. Надо надеяться, что они когда-нибудь выйдут на свет истории.

Возникает мысль водворить порядок на родине с помощью наших фронтовых частей. Однако, многие командиры, заслуживающие полного доверия, заявляют, что наши войска, которые едва ли охранят фронт против неприятеля, ни в коем случае не повернут его против родины.

Я в эти часы был около моего высшего военачальника. Он возлагает на меня задачу привести армию на родину. 9 ноября, после полудня, я покидаю своего государя, чтобы никогда больше не увидеть его. Он ушел, чтобы уменьшить жертвы родины, чтобы создать для нее более благоприятные условия мира.

Среди этого сильного военного и политического напряжения немецкая армия потеряла свою внутреннюю спайку. Сотни тысяч верных офицеров и солдат потеряли теперь почву для своих мыслей и желаний. Возникли тяжелые внутренние конфликты. Я думал, что облегчу многим из лучших разрешение этих конфликтов тем, что пойду вперед той дорогой, которую мне указывали воля моего государя, моя любовь к родине и армии и мое чувство долга. Я остался на своем посту.

Мое прощание.

Мы подошли к концу.

Подобно Зигфриду, повергнутому коварным ударом остроги злобного Хагена, был повергнут наш обессиленный фронт. Нашей задачей было теперь спасение оставшихся сил армии для будущего строительства родины. Настоящее было потеряно. Осталась надежда только на будущее. Скорее к делу.

Я понимаю, что многих офицеров охватило желание уйти от мира, где совершалось крушение всего того, что им было дорого и мило. По человечеству, очень понятно желание „ничего не знать“ о мире, где взбудораженные страсти до неузнаваемости исказили все качества нашего народа. Но я все-таки должен сказать откровенно то, что я думаю.

Я твердо верю, что и на этот раз, как и тогда, будет сохранена или восстановлена связь с нашим великим и богатым прошлым. Старый немецкий дух снова пробьется, если он и должен будет пройти через горнило страстей и страданий. Наши противники знали силу этого духа; они наблюдали за ним и ненавидели его в мирной работе, они удивлялись ему и боялись его на полях битв великой войны. Они старались об'яснить нашу силу своим народам словом „организация“. Но о духе, который все это создал и поддерживал, они умалчивали. Этот дух поможет нам строить заново.

Германия, которая воспринимала и творила столько неисчерпаемых ценностей человеческой цивилизации и культуры, до тех пор не погибнет, пока в ней жива будет вера в ее всемирно-историческую миссию. Я твердо верю, что лучшим людям нашей родины удастся соединить новые идеи с драгоценными сокровищами прежнего времени и создать таким образом долговечные ценности ко благу нашей родины.

Это—мое несокрушимое убеждение, с которым я покинул кровавое поле битвы народов. Я видел геройскую борьбу моей родины и никогда не поверю, что это была ее смертная борьба.

Мне предлагали вопрос, чем я руководился в самые тяжелые моменты войны, возлагая надежды на конечную по-

беду. Я мог только указать на мою веру в справедливость нашего дела, на мою надежду на родину и армию.

В эти важные часы годами длившейся борьбы и в последующее время мною овладели такие мысли и чувства, которые прекрасно выражены в словах прусского военного министра, генерал-фельдмаршала Германа фон-Байен в 1811 г. Он писал своему государю в момент самых больших политических и военных затруднений:

„Я не упускаю из виду опасности нашего положения, но там, где выбор остается только между порабощением и честью, там дает религия мне силы делать все то, чего требуют право и долг".

Никогда человек с уверенностью не может предвидеть исхода начатого предприятия. Но тот, кто, по своему глубокому убеждению, следует только своему долгу, носит вокруг себя как бы щит. В каждом положении в жизни это несет ему успокоение и часто само ведет к счастливому исходу.

Я говорю вовсе не словами возбужденной фантазии,—это выражение религиозного чувства, которым я обязан своим воспитателям; они научили меня еще в молодые годы любить, как самое святое на земле—царя и отечество.

В настоящее время весь наш прежний государственный порядок погребен под бурным потоком диких политических страстей и речей, которые уничтожили, повидимому, все святые предания старины. Но этот поток уляжется. Тогда на вечно волнующемся народном море вырастет снова скала, на которую возлагали надежды наши отцы, и на которой нашими силами пятьдесят лет тому назад было воздвигнуто будущее нашего отечества: германская империя. И когда снова возродится эта национальная идея, это национальное сознание, тогда нам принесут нравственно-ценные плоды теперешние горькие дни и великая война, на которую ни один народ не может оглянуться с большей гордостью и с более чистой совестью, чем наш, пока он был верен. Если это случится, то не напрасно пролилась кровь всех тех, кто пал с верой в величие Германии.

С этим упованием и с надеждой на тебя, немецкое юношество,—я кладу перо!

